

ПОКАЯНИЕ

история Кейса Хейвуда

МЕГАН
КУИН

Каждый выбор приводит к последствиям, которые влияют на ваше будущее. Я был на вершине, жил жизнью, о которой всегда мечтал, и у меня было все, что можно только пожелать. Был счастлив и доволен... до одной ночи. Один поганый день. Единственный момент в жизни, который я хотел бы вернуть. Моя величайшая ошибка. Светлое будущее, сменилось на темный мир, полный ненависти и отвращения к себе. Люди празднуют дни рождения, а я отмечаю день смерти своей души. Это история моего покаяния.

Переводчик — Anarik Vtb (1-11 гл.), Валерия И. (12-я гл.), Олеся Левина (с 13-й гл.)

Редактор — Арина Г. (1-12 гл.), Олеся Левина (с 13-й гл.)

Вычитка — Олеся Левина

Оформление — Наталия Павлова

Обложка — Ольга Грачева

Примечание от Кейса.

Я немногословен. Не чувствую, что способен дружить с кем — то, за пределами своего круга. Я не говорю о своем прошлом, и не хочу слышать о чьем — то будущем. Изолировавшись от внешнего мира, я наблюдаю за остальными и живу отшельником.

Я целыми днями работаю на лучшего друга, в благодарность за содеянное и что он покрывает меня. По ночам, я думаю о своих проступках, позволяя им съесть меня живьем, пока не оказываюсь на дне бутылки, временно забыв о былых грехах.

Я смог сохранить дистанцию между собой и внешним миром. Горжусь, что держал людей на расстоянии вытянутой руки. По крайней мере, так было до того дня... когда я встретил Лайлу.

Я думал, что знаю все о любви. Это оказалось не тем, что я испытывал раньше, но, черт возьми, я был не прав. Я думал, что знал, каково это — испытать прикосновение женщины, быть ее идеалом, потеряться в ее аромате, но не имел понятия об этом, пока не повстречал Лайлу.

Она разрушила меня, разбила, выпотрошила изнутри, и не потому, что не любила в ответ. Нет, я знал, что она любит меня. Я видел это в ее глазах. Она разрушила меня, потому что была мечтой, иллюзией счастья, которую я не смог удержать. Мне не позволено любить. Это не про меня. Я не заслуживаю любви, не после того, что сделал, не после того, что отнял у другого.

В тот паршивый момент, я потерял контроль, и до сих пор расплачиваюсь за то трехсекундное помутнение рассудка. Не проходит ни дня, чтобы я не размышлял о своих поступках, чтобы не осознавал, каким монстром стал.

Печаль, сожаление и раскаяние — единственные эмоции, которые я позволяю себе испытывать. Все остальное — это второстепенные мысли и они быстро размываются.

Есть один момент в моей жизни, который я хотел бы вернуть, но каждый сделанный

мною выбор, имеет последствия; я живой пример этому.

Люди празднуют дни рождения. Я же, праздную день смерти моей души. Это история моего покаяния.

Глава 1.

Мое настоящее...

Лето.

Мое самое не любимое время года. Не из — за жары и влажности Луизианы; нет, это из — за кошмаров, которые летом становятся тяжелее день ото дня.

Я могу вынести влажность.

Я могу справиться с жарой.

Я могу даже избегать туристов, посещающих Французский квартал.

Но кошмары, воспоминания о прошлом, напоминания о том, что символизирует для меня начало лета — невыносимы.

Мои дни в «Клубе Лафайет», в качестве управляющего «Девочками Джетта», окончены, и теперь, я ответственный за новый общественный центр, который финансирует мой лучший друг — Джетт Колби. Когда я работал в клубе, помогая «Девочкам Джетта» танцевать для городской элиты, я мог спрятаться и делать свою работу, а затем слоняться из угла в угол.

Но, начав новое дело, я столкнулся с тем, что такой грешник, как я, должен строить из себя дьявольского весельчака и порядочного гражданина.

Я очень далек от порядочного гражданина.

Джетт Колби именно такой. Он открыл «Клуб Лафайет», чтобы спасти женщин от жизни на улицах. Он назвал их «Девочками Джетта» и создал систему, где они получают не только образование, но и средства к существованию. Сотрудники клуба чередуются, работая в общественном центре, который включает меня и Девочек. Мы трудимся во благо общества; предлагаем им бесплатное образование, здоровье и второй шанс в жизни.

Но я не могу представить себя, в качестве служащего обществу, это чертовски нелепо.

У меня были сомнения по поводу этой идеи, но я должен страдать, поэтому я это делаю.

Голди, невеста Джетта, задалась целью, доставать меня всякий раз, когда появляется такая возможность. В ее планы входит постоянно втягивать свою лучшую подружку Лайлу, после того, как я решил вычеркнуть ее из своей жизни.

Лайла.

Она уникальна, та женщина, которую можно встретить только раз в жизни, она покоряет своим появлением в комнате. Она проникает в мозг, и остается там навсегда.

Когда я встретил ее, я знал: у меня не было ни единого шанса избавиться от нее, и то, что она тесно связана с моим окружением, никак не помогает.

Но как и на все остальное в моей жизни, я не могу претендовать на нее.

Я не могу продолжать испытывать чувство вины и полностью отдаться ей. Я ни за что не стану разделять свои грехи с Лайлой. Я не в силах вынести ее осуждение — только не от нее. Мне нужно, чтобы Лайла боготворила меня, чтобы смотрела на меня своими зелеными глазами и заботилась обо мне.

Я эгоистичный ублюдок, но это единственное, за что я держусь в этом мрачном

гребаном мире.

Я подношу к губам полупустой стакан виски и залпом выпиваю. Обжигающая янтарная жидкость скользит по горлу, напоминая мне, что несмотря на оцепенение, я все еще жив.

Блядь, но я не должен быть жив. Прямо сейчас, я должен гнить в тюрьме, если бы не Джетт и его деньги.

Я с силой прижимаю руку ко лбу, пытаюсь избавиться от нарастающей головной боли, пока позади меня гремит музыка. Голди празднует свою первую выставку в художественной галерее. Ее подружки из Девочек Джетта, танцуют и напиваются, а Джетт сидит рядом со мной, пытаюсь заставить себя получать удовольствие.

— Ты падаешь духом, Кейс, — кричит Голди, через весь зал.

— Скажи что — нибудь, чего я не знаю, — бормочу я, делая очередной глоток виски.

— По крайней мере, Диего больше не разговаривает с Лайлой, — шепчет мне Джетт.

Вот уж, блядь, спасибо.

Наш хороший друг Диего, провел большую часть ночи разговаривая с Лайлой, заставляя ее смеяться, и уделяя ей такое внимание, какое она заслуживает. Но это продолжалось до тех пор, пока я не оттащил его в сторонку поговорить наедине, чтобы он наконец свалил, как третий лишний.

Я выстроил вокруг нее крепость, пусть все присутствующие на вечеринке думают, что это жест пещерного человека. Судя по ее настроению и убийственному взгляду в мою сторону, она не в восторге. Мне не нужно смотреть на нее, чтобы знать, что она мечет в меня кинжалы, — я чувствую это.

Это хреновый поступок, особенно с тех пор, как я не позволяю Лайле быть частью моей жизни. Но я мудака и не могу позволить кому — то быть рядом с ней, до тех пор, пока я не буду в состоянии выбросить ее из своей головы, хотя в глубине души знаю, что этого никогда не будет.

— Хорошо, что он ушел, — бормочу я.

— Собираешься снова пить всю ночь напролет? — беспокоится спрашивает Джетт.

— Я не напиваюсь каждую ночь. Ты просто этого не видишь.

— Думаешь, я не вижу пустые бутылки из-под виски в твоей комнате? Я не тупой, Кейс.

— Хорошо, тогда притворись им, — грубо отрезаю я. — Ничего не изменится. Ты знаешь об этом, так почему продолжаешь пытаться?

— Надеюсь, что однажды, мне посчастливится и я верну своего лучшего друга.

— Ты получил то, что видишь. Смирись с этим, — отвечаю я, зная, что сказал правду.

За время работы в клубе, я понял, что иметь дело с женщинами и не привязываться к ним — легко. Но с тех пор, как я встретил Лайлу, я чувствую себя более раздраженным и неуравновешенным, чем когда — либо. Я был в состоянии пару часов удержаться в хорошем настроении, но теперь, когда появилась женщина, которая держит меня за мои гребаные яйца, я ничего не могу с этим поделать и от этого я стал совершенно невыносим для окружающих.

Меня лишили моего единственного отвлечения — Джастис. Общественный центр Джастис, где я сейчас работаю, почти готов. Строительная компания быстро продвигается с инфраструктурой, выводя нас на финишную прямую. Главный центр будет доступен, чтобы начать организацию торжественного открытия, в ближайшее время. Центр пока не будет открыт для широкой публики, но мы можем попасть внутрь и начать организацию, то, чего я с нетерпением жду, потому что смогу держать девочек занятыми и подальше от моих дел.

Но что еще более важно, я хочу быть занятым, хотя и чувствую себя неловко на новом месте. Я взволнован и горжусь своим другом за такую идею, но чем ближе открытие, тем более неловко я себя чувствую. Я действительно выбран для запуска общественного центра, предлагающего второй шанс, когда я не дал себе и первого?

В последнее время, дни, кажется, еле тянутся, оставляя меня с моими отравляющими мыслями. Если я слишком долго остаюсь наедине со своими мыслями, я медленно тону в своих «А что если...», которые постоянно крутятся в моей голове.

Что, если бы я по — другому распорядился своей жизнью? Что, если бы не вложил всю свою веру в одного человека? Что, если бы я не позволил себя спровоцировать?

Что, если бы я не ударил его?

Что, если бы не убил человека своими кулаками?

Читал бы он прямо сейчас сказку своей маленькой дочке? Целовал бы ее в лоб, заправляя одеяльце? Смотрела бы она на него, видя в нем единственного человека в жизни?

Малышка Мэделин. Была бы ее жизнь идеальной, если бы не я?

Вероятнее всего, ее жизнь была бы лучше, если бы у нее до сих пор был бы отец. Но тем вечером, Бог забрал не того человека.

Это мое самое большое сожаление, позор, который будет преследовать меня вечно. Сожаление, о котором я никогда не заговорю, потому что я изолированный, замкнутый и немногословный человек — тот, кто заслужил ненависть вместо жалости.

Поэтому, я решил прожить свою жизнь так, как если бы я был мертв, потому что жить так, как будто я жив — слишком болезненно. Радоваться было бы неправильно. Или знать, что такое любовь... Таких эмоции я не заслуживаю.

Именно поэтому, я продолжаю держать Лайлу на безопасном расстоянии, чтобы она могла держаться подальше от моих отравляющих стремлений. У меня были моменты, когда я отходил от намеченной дистанции с ней, но она знала, что я эмоционально недоступен, а я — что она абсолютная мечта, которую мне не посчастливится когда — либо осуществить.

Я эмоционально изолированный, нищий и голый, из — за своих грехов.

Я выбрал жить в горе.

Я выбрал страдания. Это кусочек покаяния, которого я, на самом деле, заслуживаю.

Я убил человека.

Кейс чертов Хейвуд, конченный боксер и вспыльчивый монстр, убил человека.

Я допиваю остаток виски и подаю сигнал бармену о следующем, когда вновь всплывают мои демоны.

Как и в любую другую ночь, я понимаю, что только одна вещь, может облегчить мою боль. Я позволяю янтарной жидкости быстро просочиться в кровь, делая меня бесчувственным для окружающего мира.

Глава 2.

Мое прошлое...

— Это был адский нокаут, — говорит Джетт, бросая мне бутылку пива из холодильника и усаживаясь за хромированную мраморную барную стойку в моей гостиной.

Осмотрев дом, я остался доволен тем, каким он получился. Он не такой роскошный, как особняк Джетта, но это огромный шаг после прицепа, в котором я вырос. Нахождение на

пике своей формы на ринге, принесло свои плоды. Отовсюду начали появляться спонсоры, меня завалили письмами с выражением поддержки, а мой банковский счет, утроился за неделю.

Я не завишу от денег. Меня больше заводит успех и возможность доказать свою ценность себе и отцу. Но я не собираюсь лгать; хорошо иметь возможность купить все, что хочешь. Это облегчение, не беспокоиться о жизни от зарплаты до зарплаты, — чувство, которым я всегда дорожил, потому что по опыту знаю, как живут остальные.

— Я был действительно впечатлен сегодня, — искренне говорит Джетт. — Работа с Джоно окупилась.

— Согласен, — отвечаю я, сделав глоток из бутылки.

Джоно мой новый тренер, и он действительно сделал меня сильнее, за последние пару месяцев, помог мне нарастить мышцы, поработать над улучшением координации и силой удара. Способность просчитывать действия своего оппонента, всегда было моей сильной стороной, почему мы потратили так много времени, сосредотачиваясь на координации? После сегодняшнего вечера, я могу сказать, что все мои усилия начинают окупаться.

Раньше, я тренировался сам, но недавно решил улучшить технику, учитывая проявленный талант, поэтому я нанял Джоно. Это лучшее решение, которое я принял, потому что после нескольких месяцев, я стал победителем на ринге, а это была моя самая важная цель.

Я был на вершине, и это чувство никогда не забыть.

— Все еще думаешь, что сможешь сделать меня? — в шутку спрашиваю Джетта. Когда мы были молодыми, то всегда ввязывались в глупые драки, и наши силы были не равны, но с моей новой подготовкой, я не сомневаюсь, что смогу его сделать.

— Я всегда смогу сделать тебя, — ухмыляясь, отвечает Джетт, давая понять, насколько он не уверен в сказанном.

— Итак, что ты чувствуешь по поводу всего этого с Наташей?

Наташа была невестой Джетта, «была» является ключевым словом. Недавно, она бросила его, ради другого мужчины. Для парня с телосложением Джетта, это стало сильным ударом по его самооценке.

— Я не хочу говорить об этом, — коротко заявляет Джетт, стараясь сменить тему, но я так легко не сдамся.

— Но ты собираешься, когда —нибудь, поговорить об этом?

— Нет.

— Все равно, она была сукой, — делая глоток пива, замечаю я. Поставив бутылку, я смотрю на Джетта, у него в глазах читается смесь вопроса и ярости. Я пожимаю плечами. — Что? Ты не можешь сказать, что она была чертовой мечтой, чтобы виться вокруг нее. Она была холодна, словно ледяная сиська ведьмы.

Качая головой, Джетт отвечает.

— Почему люди так говорят? Сиськи ведьмы, на самом деле, холодные? Почему, это клише, связано с их грудью?

— Ты сейчас кто — то вроде официального представителя ведьм? — озадаченно интересуюсь я.

— Просто хочу заступиться за всех ведьм и их бородавки.

— А это не клише? Не все ведьмы отвратительны. Возьми, например Сару из «Фокус Покуса». Я бы поимел ее. Черт, да я бы трахнул всех троих. Чертова большая метла, наводит

на мысль.

Смеясь, Джетт качает головой.

— Серьезно, с тобой что — то не так, чувак.

Молча соглашаясь, я беру пульт и включаю спортивный канал. Я надеюсь увидеть повтор моего матча, и, раз уж Джетт не собирается говорить о Наташе, это идеальный шанс заполнить тишину в комнате.

— Когда следующий бой? — спрашивает Джетт, после начала рекламы Lexus.

— Теперь, когда я больше не любитель, у меня есть пара месяцев, чтобы подготовиться к следующему. Я хочу участвовать примерно в двух боях в год.

— Легкий день в офисе с большой зарплатой. — Джетт бросает на меня хитрый взгляд.

— Не с расписанием тренировок Джоно.

Я собирался рассказать о режиме тренировок, но останавливаюсь, когда спортивный комментатор начинает говорить о моем бое. Я включаю телевизор погромче и прислушиваюсь.

— *Хейвуд против Крэйна. Можем поговорить о взрывном бое, за которым мы наблюдали сегодня вечером? Кейс Хейвуд, подающий надежды боксер, иттурмом взял мир бокса, демонстрируя быстрые инстинкты и удары, которые приводят к мгновенному нокауту почти всех противников. С профессиональным титулом в придачу, его будет не остановить.*

Начался видео — ролик моей любительской и профессиональной карьеры, а голос за кадром начал рассказывать мою историю.

— *Еще в юности, Кейс Хейвуд интересовался спортом. После окончания средней школы, он начал воспринимать свою карьеру всерьез. Родился и вырос в Новом Орлеане. Самостоятельно тренировался в небольшом тренажерном зале, пока тот не смыло ураганом Катрина. Одержав победу над иттурмом, он продолжил тренировки и нанял неизвестного Джоно Милса. С Джоно, Кейс Хейвуд стал смертельной комбинацией ума, инстинктов, быстрых ног и безупречной координации. Нарастив мышечную массу и получив глубокие познания от своего тренера, Кейс Хейвуд добьется того, что его имя будет на слуху, в ближайшие несколько месяцев.*

Джетт хлопает меня по плечу, без слов давая понять, что он гордится моими достижениями, успехом в спорте и что так быстро сделал себе имя.

Ведущий вернулся на экран, глядя на свои заметки.

— Как думаете, это притянуто за уши или попали в точку? — спросил один ведущий у другого.

— В точку. Кейс Хейвуд обладает всем этим. Талантом, скоростью и внешностью. Полный комплект. Он сделает спонсоров довольными, привлекая больше зрителей — женщин к спорту, и установит стандарт для новых боксеров.

— Я не думаю, что они могли бы еще больше расцеловать твою задницу, даже если бы попытались, — замечает Джетт.

— Лучше бы поговорили о сильном бойце у меня в штанах, — подмигиваю я.

— Я думал послать им фотки, но они сказали, что тебе станет слишком неловко. Я пытался сказать, что ты не прочь продемонстрировать свои пять сантиметров, но им такое не подходит.

— Отвали. — смеюсь я.

— С тобой все сводится к размеру члена, не так ли? — интересуется Джетт.

— А когда было по — другому?

— Без понятия. — смеется Джетт, допивая свое пиво.

Переводя разговор в серьезное русло, я спрашиваю:

— Ты собираешься домой или будешь тряпкой и останешься в моей гостевой комнате?

— Не хочу оставлять тебя в одиночестве. Знаю, как ты боишься темноты, — возражает Джетт.

— Seriously, чувак. Рано или поздно, ты должен пойти. Пора двигаться дальше.

— Знаю, — резко отвечает он. — Я, блядь, знаю, — он проводит руками по волосам и ставит локти на стойку. — Не все так просто. Там сейчас так пусто. Я скучаю по ней.

— По Наташе? — спрашиваю я, совершенно запутавшись.

Джетт морщится и медленно поворачивается.

— Черт, нет, не по ней. Я скучаю по маме.

Ах, черт. Я не очень хорош в таком дерьме. Я не тот парень, который с сочувствием заботится об окружающих, так как не зарабатываю на жизнь копанием в чужих эмоциях. Дайте мне чертову грушу, и я выбью из нее все дерьмо, но что касается эмоций... Я лучше получу нокаут в первом раунде.

Джетт недавно возобновил отношения с матерью, но она умерла от СПИДа. Он рос среди богатых. Его отец был магнатом и чтобы завести ребенка, использовал мать Джетта, чтобы в один прекрасный день, был кто — то, кому он смог бы оставить свой бизнес. После того, как она родила Джетта, его отец позаботился, чтобы она никогда больше не увидела своего ребенка, и растил Джетта без материнской любви. Джетт был так озлоблен отсутствием у отца привязанности к его матери, что задался целью вырасти и стать лучше отца.

Зная, что Джетт обычно не показывает своих чувств, я должен оставаться мужиком и быть там ради него. Он сделает то же самое и для меня, хотя у нас было молчаливое соглашение, что мы никогда не станем объяснять свои чувства друг другу.

— Черт, я сожалею, чувак, — это все, что я могу придумать.

— Я тоже, — соглашается Джетт. Он делает глубокий вдох и говорит: — Просто, я хотел сделать для нее чуть больше. Иметь больше контроля над ситуацией. Ненавижу когда я не в силах контролировать происходящее.

— Понимаю, — запинаясь, отвечаю я. Желая зреть в корень, я продолжаю, — Мне тоже нужно все контролировать. Абсолютно все. Думаю, я приучил себя к этому за все эти годы, и поэтому мне понадобилось так много времени, чтобы передать свое будущее тренеру. Без контроля, я чувствую себя потерянным, почти запутавшимся.

— Точно, — соглашается Джетт, потянув себя за волосы. — Я становлюсь беспокойным, словно не могу дышать.

— Будто кто — то сидит у тебя на груди, затуманывая мысли и позволяя твоим самым диким инстинктам вырваться наружу, — добавляю я.

— Думаешь, я мог ее спасти? — тихо спрашивает Джетт.

Желая показаться более искренним, я прочищаю горло и кладу руку ему на плечо.

— Нет, Джетт, я не думаю, что ты бы смог. Думаю, что ты наполнил любовью ее последние дни. Она ушла на хорошей, счастливой ноте. Тебе стоит сосредоточиться именно на этом и ни на чем другом, потому что если ты уделишь слишком много внимания своим возможным действиям, то просто сведешь себя в могилу. Это вредно для здоровья.

Джетт кивает, глядя на свою пустую бутылку. Сделав глубокий вдох, он

приподнимается и мельком смотрит на меня.

— Черт, это прозвучало так мудро. — усмехается он.

Понимая, что с легкостью могу бросить саркастический комментарий, я все — таки решаю не делать этого и соглашаюсь с ним.

— Так и было, но знай, что ты всегда можешь поговорить со мной. Я знаю, что время от времени, могу быть совершенно не эмоциональным, но я здесь, с тобой, чувак. И всегда буду.

— Я ценю это, — вставая со своего стула, говорит Джетт. Он смотрит на свои часы и глубоко вздыхает. — Я думаю, мне стоит вернуться к себе домой.

— Ты можешь остаться, если хочешь. — Я пожимаю плечами, не предлагая другого выбора.

— Нет, я думаю, что пришло время менять эту ситуации с проживанием у тебя. И наверное, нам обоим пора перепихнуться.

— Говори за себя. — Подмигиваю я.

На лице Джетта, медленно расцветает улыбка.

— Бред. Когда успел?

— В раздевалке, — с гордостью отвечаю я.

— С кем, с Джоно?

— Черт, нет! — сквозь смех, выдавливаю я. — С ринг гёрл [девушка, которая носит табличку между раундами в боксе — прим. перев.]

— Запомнил ее имя в этот раз? — спрашивает Джетт, надевая пиджак.

— Не совсем.

— Классический Кейс. — качает головой Джетт. С серьезным выражением лица он добавляет, — Seriously, Я горжусь тобой, Кейс. Ты прошел долгий путь. Теперь — только вверх.

— Надеюсь на это, — с улыбкой отвечаю я.

У меня был дом, работа, была воля и цель, которую нужно было достичь. Моя жизнь только начиналась, и я не мог быть более взволнованным тем, что для меня приготовило будущее.

Глава 3.

Мое настоящее...

Хук справа, хук слева, апперкот, апперкот.

Хук справа, хук слева, апперкот, апперкот.

Вибрация от удара по груше, побеждает по моему телу, а я без остановки пытаюсь нокаутировать мешок, качающийся из стороны в сторону. Я снова и снова, мысленно повторяю связку в быстром темпе, нанося удары с неконтролируемой скоростью, пока не начинаю задыхаться.

По лицу стекает пот, начинает жечь глаза и затуманиваться зрение, но я не позволяю этому или одышке остановить меня. Я продолжаю срывать злость на груше, чтобы расстаться с разочарованием и помочь себе забыться. Я всегда пытаюсь забыться.

Хук справа, хук слева, апперкот, апперкот.

Мне трудно дышать, мышцы горят огнём, который, более чем, желанный для моего тела. Я живу ради этого огня — анальгетика, который временно облегчает пустоту в моей душе.

Апперкот, апперкот, апперкот....

— Черт! — кричу я и боковым ударом отправляю грушу в воздух, испытывая облегчение. На последнем вращении, я уворачиваюсь от груши, наношу ещё один хук справа и отстраняюсь.

Восстанавливая дыхание, я прислоняюсь к прохладной стене тренажёрного зала отеля Джетта, доступ в который есть лишь у немногих.

Внезапно, открывается дверь и появляется Голди, одетая в её обычную тренировочную одежду: короткие шорты и майку.

Голди, к сожалению, одна из тех, у кого есть доступ.

За ней входит Лайла, которая, в спортивном лифчике и шортах, выглядит более возбуждающе, чем Голди.

У Лайлы тоже есть доступ в зал. Твою мать!

Единственная девушка, которая преследует меня во снах, является постоянной частью моей повседневной жизни благодаря Голди, девушке моего лучшего друга.

— Ой, извини. Я не знала, что ты здесь, — говорит Голди и вздрагивает от моего вида. — Ты закончил? — спрашивает она, проходя в зал.

Груша продолжает раскачиваться от моих мощных ударов. Вокруг неё, на матах, следы пота, а всё моё тело горит после тренировки. Я насилую своё тело при каждой возможности, и сегодняшний день не исключение.

— Я закончил, — резко отвечаю я, срывая зубами перчатки.

— Я думала, ты тренируешься по ночам, — говорит Голди, вставая на беговую дорожку и нажимая кнопку старта.

— Тренируюсь.

Избегая свирепого взгляда Лайлы, я срываю с рук бинты, комкаю их и бросаю в мусорную корзину, прихватив бутылку с водой. Мне не хочется скандала.

Встречи с Лайлой неизбежны, но мне, блядь, не хочется пересекаться с ней каждый день и видеть это красивое лицо. Это как ежедневно сталкиваться с бывшей, только шутка в том, что мы с Лайлой никогда не были в отношениях. Мы просто страдаем от взрывного сексуального напряжения, что, на мой взгляд, намного хуже. Моё тело страстно желает её всеми возможными способами, но мне не позволено быть с ней, а трахнуть кого — то другого, вовсе не решение проблемы. Скорее наоборот — превращает желание сделать Лайлу моей в навязчивую идею.

Я иду к двери, когда Голди окликает меня.

— Не хочешь потренировать меня сегодня? Ты никогда не упускаешь возможности заставить меня попотеть.

Сексуальный подтекст в её голосе, не ускользает от меня.

Я наслаждаюсь, тренируя других, пытая их на беговой дорожке, а затем заставляя заниматься плиометрикой[1], пока они не падают в обморок. Забавнее всего — тренировать Голди, ведь она нахальная и упрямая, всегда спорит, а вынудить её выпрыгивать вверх из упора лёжа — настоящее удовольствие. Но у меня нет никакого желания делать это в присутствии Лайлы.

— Не сегодня, — не оборачиваясь, бросаю я, качая головой.

— Кейс, что произошло? — искренне спрашивает Голди.

— Ничего, — огрызаюсь я, достигая двери и игнорируя встревоженный взгляд Лайлы.

По дороге к выходу, я хватаю полотенце с полки и вешаю его на шею, чтобы оно

впитало часть пота, продолжающего стекать по моей взмокшей коже.

Физические нагрузки, которым я подверг своё тело, теперь кажутся гигантской тратой времени, ведь стресс, что я пытался ослабить, вернулся в полную силу в тот момент, когда вошла Лайла.

Наш последний нормальный разговор без споров и ругани прокручивается в моей голове. Ей хотелось от меня совсем немного, лишь маленькой уступки. Она хотела знать, кем я был, почему больше не управляю своей жизнью и почему отказался принять счастье. Но я не могу дать ей желаемое, ведь это означает рассказать всё о себе и излить душу, но это не вариант.

Я попросил Лайлу забыть об этом и не беспокоиться, но для неё этого было не достаточно. Она нуждалась в большем. Ей был нужен мужчина с сердцем, способный делиться своей жизнью, то есть такой, каким я не могу быть.

Прикосновение её маленькой руки к моей голой груди, словно выжгло клеймо на мне и чувствовалось до сих пор. Я до сих пор ощущаю её нежное тело, прижатое ко мне, тяжесть её полных грудей, напротив моей кожи, её отвердевшие соски, лишь чуть — чуть задевающие меня.

Бля!

Качая головой, я выпиваю всю бутылку воды и направляюсь к себе в комнату. Мне нужно проверить кое — что в общественном центре, прежде чем мы откроем доступ в здание. Я хочу убедиться, что всё безопасно, до того, как позволю сотрудникам попасть внутрь.

Когда Джетт попросил меня управлять этим местом, я принял предложение. Это была работа, за которую я был, более чем, готов взяться, потому что меня привлекала идея помощи другим. Пусть я не самый дружелюбный человек, но всё же, чувствовал необходимость помогать другим в достижении мечты, раз уж не смог осуществить свою.

— Кейс, — раздаётся голос Лайлы и моё тело немеет.

Почему? Почему, чёрт возьми, она не может оставить меня в покое?

Я не оборачиваюсь. Я просто не могу. Не могу смотреть ей в глаза, эти красивые зелёные глаза, что преследуют меня по ночам.

— Кейс, пожалуйста, могу я с тобой поговорить?

«Нет», думаю я.

Я не хочу разговаривать. Я хочу трахаться. Мне нужно выпрахать её из моей головы. Вот и всё. Мне просто необходимо пережить момент, когда её ноги обвивают меня, а Лайла выкрикивает моё имя на пороге экстаза.

По крайней мере, я убедил себя в этом. Ну, пытался убедить.

— У меня дела, Лайла, — отвечаю я.

— Обернись, — тихо говорит она и тянет меня за плечо.

Моя решительность слабеет, от её тона. Я сжимаю челюсть, заставляю себя развернуться и не прижать её к стене, чтобы взять то, что хочу.

Сделав глубокий вдох, я смотрю ей в глаза. Её лицо выражает беспокойство, на нём читаются вопросы, на которые я не собираюсь отвечать.

— Что? — довольно грубо, спрашиваю я, но уж лучше быть грубым, чем отдать Лайле моё сердце и позволить его разбить.

Застигнутая врасплох, она пристально вглядывается в мои глаза.

— Могу я просто поговорить с тобой хоть минуту?

— Конечно, говори, — я махаю рукой, чтобы она продолжала.

— Я хочу извиниться, за прошлую ночь, — набравшись мужества, говорит она. — Вчера, я вела себя не лучшим образом, по отношению к тебе, и мне не стоило уделять внимание другими парням в твоём присутствии.

Прошлым вечером, так или иначе, наши пути пересеклись. Жизнь Лайлы и моя, крепко сплелись, ведь наши лучшие друзья помолвлены. И с этим несправедливым обстоятельством, мне приходится жить.

— Меня не волнует, что ты делаешь с другими мужчинами, — лгу я.

На самом деле, вчера вечером, мне было больно смотреть, как она уделяет внимание кому — то, кроме меня. Лайла — моя опора и радость, которую я не позволяю себе иметь. Моя жизнь идет в никуда, оставляя чувство полной опустошенности. И я не должен втягивать в это Лайлу. Я не могу дать ей то, что она заслуживает.

Лайла вопросительно смотрит на меня.

— Поэтому, ты прервал наш с Диего разговор?

Она меня поймала. Диего мой друг, но я взял на себя смелость объяснить ему мои необоснованные ожидания по отношению к Лайле. Пусть я не могу быть с ней, но я не хочу, чтобы с ней был кто — то другой.

— От него одни неприятности, — снова лгу я. Диего, пожалуй, один из самых добропорядочных парней, кого я знаю, не считая Джетта. Он никогда не сделает что — то непристойное. Как только он узнал о моей ситуации с Лайлой, сразу же пошёл на попятную.

— Конечно, — на губах Лайлы появляется лёгкая улыбка. На её мягких и полных губах.

— Это всё? — спрашиваю я.

— Я просто хотела извиниться. Знаю, у тебя сейчас сложные времена...

— Что? — во мне начинает закипать гнев. — Кто тебе сказал, что у меня сложные времена?

— Я разговаривала с девушками, и они говорили что — то насчёт лета...

— Не смей, бля, говорить с ними обо мне, — цежу я, сквозь сжатые зубы, прерывая её. Голди и Девушки Джетта любят сплетничать и выносить мне мозг. Конечно, они обсуждали меня с Лайлой. — Они ничего обо мне не знают, так что лучше бы вам заниматься своими грёбаными делами. Поняла?

Я пытаюсь сдержать ярость и не ударить ее по лицу, чтобы хорошенько напугать, и она оставила бы меня в покое. Ей не стоит вынюхивать о моём прошлом. Это последнее, что я хочу, чтобы она сделала. Она не должна быть подвержена моим слабостям.

Лайла делает шаг назад, шокированная моим гневом. Я чувствую себя виноватым, что так сильно напугал ее. Не хочу, чтобы она видела эту мою сторону — этого жестокого и озлобленного человека, но я не знаю, как быть другим. Мне редко удается быть самим собой, как правило, в эти моменты я с Джеттом, ведь он знает о моих грехах и тех демонов, с которыми я сталкиваюсь каждый день.

— Почему ты не хочешь просто поговорить со мной? — спрашивает Лайла.

Протирая лицо полотенцем, я пытаюсь унять охватившее меня раздражение, чтобы не вспылить. И я знаю, что позже об этом пожалею.

— Лайла, это не твоё дело. Ты ясно дала мне понять, что я тебе не подхожу, так почему бы нам не прекратить эти разговоры?

— Потому что я думаю, у нас есть что — то общее.

Эта женщина бредит. Я качаю головой и набрасываю на голову полотенце, как

капюшон. Я тяну за края и смотрю на Лайлу.

— Ты даже не представляешь, настолько далека от истины. У нас нет, абсолютно ничего, общего.

Благоразумная женщина, которая стоит напротив меня, вдруг превращается в совершенно непокорную. Она тычет пальцем мне в голую грудь.

— Знаешь, Кейс, не только у тебя дерьмовое прошлое, — говорит Лайла. — Не ты один страдаешь, поэтому перестань так себя вести. Вокруг тебя много людей, у которых было столько же неудач, как и у тебя, а может даже больше. В смысле, да что такого произошло? Ты больше не можешь быть боксёром? Тоже мне проблема! Есть вещи и похуже.

Я качаю головой, не позволяя спровоцировать себя. Понятно, что Лайла пытается узнать правду, но она не подозревает — я скрываю правду уже так долго, что меня можно считать мастером в отрицании и увиливании от ответа.

— Ты ведёшь себя так, будто тебя что — то тревожит, Лайла, — невозмутимо, отвечаю я.

Она скрещивает руки на груди и вздёргивает подбородок, принимая дерзкую позу, которую я хорошо знаю по общению с Голди.

— Даже если и так, я бы не говорила об этом с тобой.

Наблюдать, как она пытается сдержаться, довольно мило, но от дальнейших провокаций, меня останавливает тьма, отражающаяся в её глазах. Я понимаю, что существует нечто, что очень тревожит её. Нечто глубокое, что проникает ей под кожу и ранит. Подобные проблемы может распознать только тот, кто борется с такими же демонами.

Поняв это, я слегка смягчаюсь.

— Если хочешь поговорить об этом, я здесь, — предлагаю я.

— Серьёзно? Ты действительно думаешь, что я буду с тобой разговаривать? Ну так вот, ты меня разочаровал, — говорит Лайла и отворачивается, явно нуждаясь в личном пространстве.

Я рассматриваю её длинные ноги, пока она грациозно удаляется по коридору, но, вдруг, резко останавливается и оборачивается.

— Я не понимаю, Кейс. Действительно не понимаю. Мне казалось, у нас есть некая связь. И между нами что — то есть. Почему ты продолжаешь отталкивать меня, когда в твоих глазах ясно читается, как сильно ты меня хочешь. Почему ты себя не принимаешь?

— Ты знаешь, почему, — мягко отвечаю я.

— В том и дело, что не знаю, — кричит она. — Но, чёрт возьми, хотела бы знать.

Не дав мне ответить, она возвращается в зал, скорее всего, чтобы выговориться Голди. Я могу только предполагать, какая меня ждёт ночка, когда Голди заявится ко мне, чтобы устроить скандал на тему «как плохо я обращаюсь с её подругой». В том, что касается Голди, всегда можно рассчитывать на одну вещь — она начистоту говорит всё, что думает.

Мне нужно предотвратить этот разговор до того, как у него появится шанс состояться. Так что, вместо того, чтобы идти в свою комнату, я отправляюсь в офис Джетта. У меня нет необходимости назначать встречу, чтобы увидеть его.

Поскольку «Клуб Лафайет», уже, как бы, не существует, в данный момент, офис Джетта находится у него в квартире. Из — за этого, наведываться к нему, стало крайне неудобно, ведь большую часть времени на его письменном столе восседает Голди, которую он трахает глазами, давая обещания о том, что собирается сделать с ней позже.

К счастью для меня, сейчас Голди тренируется и мне не придётся наблюдать за обручённой парочкой, которая ещё даже не назначила дату.

Не потрудившись постучать, я толкаю дверь Джетта и иду к маленькой комнате в задней части квартиры, где разместился его офис. Джереми, его помощник, как раз выходит. Он смотрит на меня и даже не пытается скрыть, что откровенно разглядывает меня без рубашки. Почему это меня волнует? В любом случае лестно, когда кто — то рассматривает меня, парень это или девушка.

— Мистер Хэйвуд, какая честь, — с улыбкой говорит он, больше похожей на злую усмешку.

— Джереми, рад тебя видеть. Джетт у себя?

— Да. Вам что —нибудь принести? Может, бутылку воды?

— Не нужно. Спасибо, — вежливо говорю я и проталкиваюсь мимо него в кабинет. Хватит любезностей.

Я вхожу в офис и нахожу Джетта за столом. Он просматривает какие — то документы, зарывшись руками в волосы. Взглянув на меня, он кивает в знак приветствия.

Я сажусь напротив него и наклоняюсь вперёд, упершись локтями в колени.

— Забыл надеть рубашку? — не глядя на меня, спрашивает Джетт.

— Не — а. Просто знаю, как ты любишь, когда я хожу без рубашки. От моего вида, у тебя встает.

— О, я смотрю, ты в лучшем настроении, чем вчера вечером, — отмечает Джетт. Я был пьяным ослом, прошлой ночью. Но списал всё на очередной вечер, проведённый в компании бутылки виски.

— Не совсем, — признаюсь я. — Только что, столкнулся с Лайлой, в тренажёрном зале. Почему у неё опять есть доступ? Трудновато, чёрт подери, продолжать жить своей жизнью, когда я все время натываюсь на неё.

Джетт опускает документы на стол и смотрит на меня.

— Она в беде, Кейс, — серьезно говорит он. — Она шагнула назад в своей жизни, вернувшись в «Китен Касл», поэтому, я предложил ей ходить тренажёрный зал и жильё...

— Подожди, — прерываю его я, поднимая руку. — Жильё?

Лайла работала в «Клубе Лафайет» с Голди, меняя свою жизнь в лучшую сторону, но потом решила, что ей больше не нужна помощь, и вернулась на старую работу — стриптизершей в «Киттен Касл» на Бурбон стрит.

Джетт кивает и откидывается на спинку стула.

— Я предложил Лайле жильё, и она рассматривает этот вариант, потому что это не далеко от Квартала. Это поможет вернуть её на правильный путь, и возможно, другим девушкам удастся убедить её убраться подальше от шеста и найти что — то более подходящее. Я думал, ты бы этого хотел.

— Нет, — лгу я. — Блядь. Я имею в виду, конечно, я хочу для неё большего, но я только привык к мысли, что она больше не живёт со мной под одной крышей, и теперь, она будет жить здесь? Чёрт, Джетт, мне и так хреново от того, что я натываюсь на неё всё время.

— Это не моя проблема, — бессердечно говорит Джетт. — Может, настало время тебе стать мужиком и посмотреть в лицо своим проблемам, вместо того, чтобы прятаться от них.

— Посмотреть в лицо проблемам? Ты действительно думаешь, что я могу так легко переключиться и позволить моим грехам выйти на первый план и бороться с ними? — угрожающе цежу я. — Я, мать твою, убил человека, Джетт. Это не то же самое, как быть

избитым в детстве или иметь проблемы с наркотиками. Я убил человека, своими руками. Такое не забудешь.

— Ты не можешь продолжать жить как сейчас. Ты не ощущаешь в полной мере то, что предлагает этот мир. Ты хандришь в своей комнате, заботишься о рабочих делах и тренируешься. У тебя в жизни больше ничего нет. Это вредно.

— У тебя нет никакого права говорить мне, что вредно, а что нет! Блядь, Джетт, да ты сам только что выбрался из дыры, в которой прятался пару месяцев. И теперь ты думаешь, что знаешь всё об избавлении от внутренних демонов? Ты ничего не знаешь, — я медленно приближаюсь и опираюсь на стол. — Пока ты не почувствуешь на своей шкуре, каково лишиться всего, к чему стремился, ты не можешь указывать мне как жить. Я буду признателен, если ты с девочками просто оставите меня, на хрен, в покое, когда дело касается моей личной жизни, потому что, насколько я могу судить, у меня её нет, и я хочу оставить все как есть.

— Кейс...

— Нет, — я встаю, даже не помня, почему вообще пришёл к нему. — Просто, блядь, держись подальше от этого. И спасибо за шефство над Лайлой. Похоже, мне нужно искать новое жильё.

— Ты не переедешь, — грозно говорит Джетт.

— Ты не можешь меня контролировать. Я могу делать всё, что, нафиг, пожелаю, и если захочу съехать к чёрту, то съеду. Я больше не работаю в «Клубе Лафайет». Теперь, я работаю в общественном центре, который требует моего внимания. Я переберусь к нему поближе, чтобы сосредоточиться на строительстве и планах.

Тяжело вздохнув, Джетт качает головой и сжимает пальцами переносицу.

— Если это то, что ты действительно хочешь сделать....

— Честно говоря, я не хочу, бля, ничего делать. Единственное, чего я хочу, это напиться и забыться. Было бы так легко прострелить себе череп и покончить с этой ежедневной сжигающей болью в теле. Но это слишком легкий выход, поэтому я поклялся превратить свою жизнь в сущий ад. Нет, моё наказание живёт каждый чёртов день, на этой убогой земле, снова и снова прокручивая в моей голове то, что я совершил. Это напоминание о том, что я чудовище и не заслуживаю ничего, кроме пыток до самой смерти, — я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь к двери. Я оборачиваюсь, прежде чем уйти. — Я начну поиск жилья, как только это смогу. Буду держать тебя в курсе.

— Спасибо, — просто отвечает Джетт. Он знает, когда не стоит меня провоцировать, и после моей небольшой напыщенной речи Королевы Драмы понял, что разговор окончен.

С ново обретенной целью, я захожу в свою комнату, чтобы поискать новое жильё в интернете. Может, это маленькая свобода, небольшое изменение в жизни, которое мне необходимо. Дни, когда я прятался за дверьми Джетта, подошли к концу. Прошло достаточно много времени, так что никто не сможет сказать, что я тот человек, который опозорил Новый Орлеан. Пришло время попытаться отделить себя от образа, которым я прикрывался, пытаюсь оправдать своё существование.

Глава 4.

Моё прошлое...

Как только первые лучи солнца проникли в комнату сквозь занавески, нежная рука начинает поглаживать мою грудь. После трех раундов, и пары ударов противника по ребрам, моё тело задеревенело, но я рад этой боли и всем последствиям, которые приняли на себя мои мышцы. Это напомнило о другом выигранном бое, о другой достигнутой цели и о той тропинке, по которой я продолжаю скатываться.

— М — м—м... — стонет Линдси, пока её руки медленно спускаются по моей груди к талии. Я подцепил её поздней ночью в баре, где постоянно бываю. Она пыталась забраться ко мне в штаны, в течение нескольких недель, а вчера вечером, мне нужно было выпустить пар и избавиться от адреналина. Она оказалась в нужном месте и в нужное время.

Линдси горячая штучка — не могу этого не признать — у неё огромные сиськи, с которыми я развлекался прошлой ночью. Но она не та единственная, и не думаю, что во мне она видит парня, с которым стоит строить отношения, что я действительно ценю.

Её рука начинает скользить в опасной близости от моего члена, и я подумываю остановить её, но мысль об утреннем минете заставляет меня передумать.

От ее легких прикосновений и того, как её грудь прижимается ко мне, к основанию члена приливает кровь. Наконец, она обхватывает его и проходится по всей длине вверх и вниз, именно это мне нужно. Я вжимаюсь в матрас и позволяю ей сделать свою работу.

— Доброе утро, — шепчет она мне в шею, целуя кожу.

— Доброе, — грубо отвечаю я, не в состоянии контролировать свой тон.

— Ты уже проснулся? — спрашивает она, приподнявшись. Её грудь качнулась от движения. Мелочь, а приятно.

— Только что, — отрываюсь я и складываю руки за голову, приготовившись к тому, что она припасла для меня.

— Хорошо, — улыбается она и смещается вниз. Я раздвигаю ноги, чтобы она устроилась между ними.

Линдси хватает меня за бедра и размещает грудь так, чтобы сосками задевать мой член. От этого прикосновения, я мгновенно возбуждаюсь.

Она продолжает медленно водить сосками по члену, при этом её волосы слегка касаются моих бедер. Ее волосы в полном беспорядке, но это даже сексуально, ведь из — за моих рук, она не выглядит как королева красоты. Под глазами размазался макияж, но я могу это проигнорировать, учитывая тот факт, что она вот — вот отсосёт мне.

Это не самый лучший секс, который у меня был, но всё же, она весьма хороша, идеальное облегчение от зуда между ног.

— Ты такой большой, — хвалит она и я чувствую себя не комфортно. Что парни должны на это отвечать? Спасибо? Я сам его вырастил? Вместо ответа, я лишь самодовольно усмехаюсь.

Удовлетворенная моим большим членом, она наклоняется и поднимает его. Подносит головку ко рту и одним движением, практически, проглатывает меня целиком.

Я чуть не выпрыгиваю из кровати от того, как глубоко она берет меня.

— Ах, бля! — стону я и закрыв глаза, вжимаюсь в матрас.

Она жестко сосет, облизывая по всей длине и аккуратно играя с моими яйцами. Я закрываю лицо рукой, позволяя ей контролировать процесс. Очень скоро, начинает покалывать ноги, внутренности сжимаются и мое тело готово взорваться.

Она крепче сжимает мой член, давая знать, что готова. Расположив язык под головкой, она оближивает ее и поигрывает яйцами. Это именно то, что нужно. Я кончаю ей в рот, и она

глотает всё до последней капли.

— Боже! — выкрикиваю я, откинувшись на подушку. Я смотрю на Линдси, на ее лице расцветает довольная улыбка. Бля, я бы тоже гордился собой, если бы довёл кого — то до такого оргазма.

Линдси поднимается выше, кладет руки мне на грудь и опускает подбородок на руки. Она изучает меня, пока я пытаюсь спрятать свой довольный взгляд. Я стараюсь казаться равнодушным с женщинами, но после такого минета, трудно не улыбнуться.

Я провожу руками по её телу и крепко сжимаю зад. Она трется об меня, давая знать, что уже мокрая и жаждет немного внимания.

— Оргазм — лучший способ начать день, — улыбается она.

— Ты на что — то намекаешь? — я обхватываю её задницу и размещаю у себя между ног. Я чувствую, какая она мокрая, и вновь возбуждаюсь.

— О боже, пожалуйста, — стонет она.

Я не тот, кто только берет, так что, переворачиваю её на спину и нависаю над ней. Она шире раздвигает ноги и зарывается руками в волосы, будто говоря, что сбита с толку от того, что я собираюсь с ней сделать.

Я провожу пальцами по её груди и обвожу каждый сосок, когда начинает зазвонить телефон. Я оглядываюсь и вижу, что звонит мой агент. Он может и подождать.

Дыхание Линдси ускоряется, когда я играю с её сосками. Я сильно щипаю их. Прошлой ночью, я понял, что она наслаждается этой грубостью, и был не против осуществить её желания, особенно трахая Линдси у стены моей спальни.

— Кейс, пожалуйста, не дразни меня, — стонет она, когда мой телефон вновь зазвонит.

Опять агент. Какого чёрта ему надо, и почему он звонит мне в такую грёбаную рань?

По — прежнему игнорируя звонок, я провожу рукой по её животу. Она вращает бёдрами, прося двигаться ниже, но я не люблю торопиться и предпочитаю наслаждаться прекрасным телом, если таковое передо мной, так что, не поддаюсь её маленьким провокациям.

Я задеваю её лобок, вызвав этим гортанный стон, но не двигаюсь ниже. Вместо этого, я пробегаюсь пальцами по её животу и собираюсь пососать грудь, когда мой телефон снова зазвонит.

— Сукин сын, — выплевываю я, одарив Линдси печальным взглядом, и хватаю телефон с тумбочки.

— Лучше бы это были чертовски хорошие новости, — говорю я в трубку, пропуская все любезности.

— Кейс, ты смотрел новости?

— Нет, Дейл. Подо мной лежит обнажённая женщина, но я уверен, тебе такое не знакомо.

Дейл хороший парень, но чёрт, он выбрал плохое время для звонка.

— Ты, наверно, захочешь попросить её уйти.

— Почему это, бля, я должен хотеть этого? — спрашиваю я, и чувствую, как волосы на затылке встают дыбом.

— Пожалуйста, ради своего будущего, попроси её уйти.

Меня поражает тон Дейла. У него встревоженный голос, и я уверен, что мне не понравятся причины этой взволнованности.

— Будь милым и скажи ей, что забыл про интервью на радио, но только выпроводи её

как можно скорее.

— О'кей, — отвечаю я и прочищаю горло.

— Перезвони мне, когда она уйдет.

Я кладу трубку и, около секунды, просто смотрю в никуда, пока прихожу в себя. Что такого плохого могло случиться, раз Дейл хочет, чтобы в моем доме никого не было, когда он расскажет мне об этом?

Понадобилось около пяти минут и десяти извинений, чтобы Линдси оделась и убралась из моего дома. Удивительно, но она была не против уйди без продолжения начатого. Может, она ко всему относилась намного спокойнее, чем я думал.

Я набираю Дейла и мерю шагами комнату. Нет никаких шансов, что он собирается поделиться хорошими новостями. Это было ясно по его тону.

Он отвечает после второго гудка.

— Она ушла?

— Да. Теперь скажи мне, что, чёрт возьми, происходит? — я начинаю заметно дрожать.

— Тебе лучше присесть, — предупреждает Дейл.

— Просто скажи мне, что, чёрт возьми, происходит! — огрызаюсь я, моё терпение на исходе.

— Кейс, мне позвонили из федерации. Твой допинг — тест оказался положительным.

— Что? — практически кричу я. — Но это ошибка. Что именно дало положительный результат?

— Гормон роста. Это запрещенное вещество, Кейс.

— Я, чёрт побери, знаю, что это запрещённое вещество! — кричу я, проводя рукой по лицу. — Этого не может быть. Дейл, я никогда не принимал гормоны роста. Кто — то подменил образцы. Невозможно, чтобы у меня был положительный результат.

— Антидопинговое агентство не допускает подмен. Они серьёзно относятся к своей работе.

— То есть, ты думаешь, что я принимал стероиды, так? — спрашиваю я, шокированный недоверием своего агента.

— Ты принимаешь добавки? — нерешительно спрашивает Дейл.

— Единственные добавки, которые я принимаю — это витамины. Я ни разу не принимал никаких стероидов! Я упорно трудился, чтобы попасть туда, где нахожусь сейчас. Зачем мне рисковать, употребляя стероиды?

— Я не знаю, — говорит Дейл. — Джоно менял что — то, когда ты начал тренироваться с ним?

— Нет, мы делали то же... — я замолкаю, когда меня осеняет. — Бля.

— Что? — спрашивает Дейл.

Проигнорировав его, я бегу на кухню, бросаю телефон и роюсь в шкафу, пока не вытягиваю упаковку с добавками, которые Джоно дал мне недавно. Он сказал, что это смесь натуральных продуктов, которая поможет мне легче просыпаться по утрам и тренироваться на максимуме моих возможностей. Он утверждал, что таблетки содержали кайенский перец, зелёный чай и ещё какие — то натуральные добавки.

Я ищу состав, но этикетка пуста. *Какого хрена?*

Дейл кричит в трубку, спрашивая, что происходит.

— Я в дерьме, — подняв телефон, говорю я.

— Что происходит? — затаив дыхание, спрашивает Дейл.

— Джоно дал мне добавки, чтобы я был бодрым по утрам. Я принимал их пару раз, но чёрт, Дейл. Они, должно быть, содержат гормон роста. Это единственное объяснение.

— Ты серьёзно? — Дейл практически рычит в телефон. — Я знал, что нанять его было плохой идеей. У него запятнанная репутация не просто так. Ему нельзя было доверять. Бля!

— Дейл, и что теперь? — с паникой в голосе спрашиваю я, не зная, каким теперь будет моё будущее и что оно мне уготовит.

— Всё кончено, — категорически произносит Дейл.

— Подожди, что? — спрашиваю я и сползаю вниз по кухонному шкафу, оказавшись на холодном кафельном полу.

— Тебе запретили участвовать в соревнованиях, Кейс. Они не прощают употребление запрещённых веществ. Всё кончено.

Этого не может быть. Дейл всего лишь разыграл меня, вот и всё. Невозможно, чтобы всё, над чем я упорно работал всю свою жизнь, закончилось, едва начавшись, стоило только сделать себе имя. Этого просто не может быть.

— Дейл, пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь.

— Если бы я мог, малыш.

— Разве нельзя оспорить это?

— Ты не способен доказать, что это не твоя вина. Кто принимает добавки без этикетки, Кейс? — от его разочарованного тона, у меня все внутри сжимается.

— Я доверял ему, — тихо произношу я, сползая ниже на холодный пол.

— Ты никому не можешь доверять, Кейс.

«Это немного запоздалый совет», думаю я, прислоняясь затылком к дубовому шкафу. Комок в горле мешает говорить, а пульсирующая боль в голове становится невыносимой. Одинокая слеза скатывается по моей щеке, когда я осознаю, что натворил. У меня забрали единственную вещь, которая приносила мне счастье. Мои дни в боксе окончены.

— Что теперь будет? — спрашиваю я, но не хочу слышать ответ.

— История распространится в ближайшее время. Спонсоры уже отказались от тебя. Тебя убрали из соревнований и лишили титула. Твои дни в боксе закончились. Мне жаль, Кейс.

— Мне тоже очень жаль, — говорю я и положив трубку, опускаю голову на руки, прекрасно осознавая, что потерял всё, над чем работал.

Глава 5.

Мое настоящее...

— Повторить? — спрашивает бармен.

Я толкаю к нему свой пустой стакан.

— Да, — бормочу я, избегая зрительного контакта.

Найти жилье в Новом Орлеане без плесени и крыс, на поверку, оказалось сложнее, чем я ожидал. Я посмотрел шесть различных вариантов, и ни один из них не был близок к тому, что я искал.

Я задумываюсь о возвращении в отель, где ко мне начнут приставать девушки, и от этого, мысль разворошить крысиное гнездо, становится почти заманчивой, но у меня свои стандарты. Я не собираюсь обменивать шикарную жизнь на ту, что намного ниже той к чему

я привык. Я не принцесса, в общепринятом понятии, но черт, иметь немного горячей воды было бы совсем неплохо.

В баре пусто, кроме двух мужчин, играющих в пул. В это бар я прихожу, когда хочу убежать от всего этого. От нытья девушек, с которыми работаю, от вопросов Джетта по управлению, от шума и суеты Французского квартала.

Туристы быстро начинают раздражать. Чаще всего, они пьяны и вот — вот начнут блевать, это уже слишком, чтобы наслаждаться уникальной ночной жизнью, которую предлагает Новый Орлеан. С моим прошлым, которое преследует меня, я избегаю случайные расспросы о мире бокса. Они любят спрашивать о моем прошлом. Как мало они знают.

Вот почему мне нравится в этом тихом баре: нет туристов, нет «Девочек Джетта», только мир и покой.

— Я знал, что мы найдем тебя здесь, — раздается голос, с лестничной площадки бара.

Пришли мои друзья Диего и Блэйн. Это уже слишком, для мира и спокойствия.

— Как наш мальчик? — спрашивает Диего, хлопая меня по спине и подтягивая стул. Блэйн делает то же самое.

— Ваш мальчик хочет, чтобы его оставили в покое, — огрызаюсь я, забираю у бармена свой стакан и делаю большой глоток.

— Что у тебя там? — вопрошает Диего, наклоняется и нюхает мой бокал. К моему ужасу, он окунает палец в жидкость и облизывает. — Ах, виски. Я удивлен, что это не бурбон.

— Бурбон, это по части Джетта, — бормочу я, и беру стакан обоими руками. Я продолжаю смотреть вниз, чтобы намекнуть Диего, что не хочу разговаривать.

— Где Джетт? Он здесь? — интересуется Диего, оглядываясь вокруг.

— Нет.

— Черт, ты не в настроении. — Он обращается к бармену: — Налейте мне виски на два пальца и бутылку Стеллы, чтобы промочить горло? — произносит Диего и указывает пальцем на Блэйна.

— Спасибо, дорогой, — шутит Блэйн.

— Ты заказал ему выпивку? — спрашиваю я, продолжая смотреть на свой стакан, желая, что бы он наполнился по моему желанию. — Вы живете вместе, делаете заказы друг для друга, что дальше? Начнете трахаться на сцене? — Диего владелец клуба «Цирк Дьявола», где работает Блэйн. Место довольно интересное, со старой цирковой школой. После открытия, вероятно, он окунается каждую ночь.

— Кто говорит, что мы не ...? — небрежно бросает Диего и я поднимаю взгляд.

— Чувак, не распространяй слухи, — оскорбленно замечает Блэйн.

— Получил жалкое зрелище, посмотрев на меня, не так ли?

— С вами, точно, что — то не так, — признаюсь я.

— Давай, что вывернуло наизнанку твой член? — спрашивает Диего и благодарит бармена за напитки.

— Ничего. — Отрезаю я, не желая говорить.

— Это из — за той горячей задницы из художественной галереи, не так ли. — Диего наклоняется и говорит Блэйну, — Ты бы видел, как Кейс обломал меня в галерее. Чувак построил настоящую дамбу вокруг киски этой девушки.

— Поаккуратней, — практически рычу я.

— Смотри. — Смеется Диего и указывает на меня. — Я даже не могу говорить о ней без

угроз. Так, что это? Почему ты так увлечен этой девушкой?

— Я, нет, — заявляю я и допиваю напиток. Я толкаю пустой стакан бармену и жестом прошу еще. Он замешкался, но я смотрю на него, давая понять, что скажу ему, если он не сделает это.

— Кажется, что ты увлекся, — говорит Блэйн, поднося бутылку пива ко рту.

— Почему, блядь, вы здесь? — раздраженно спрашиваю я.

— Мы охотились на кисок и подумали, что ты захочешь к нам присоединиться, — отвечает Диего. — Это влажная ночь. Девушки свободны и готовы.

— Что с тобой не так? — качаю я головой.

— Просто, пытаюсь расслабить тебя. — Диего подталкивает меня. — Давай, мужик. Повеселись, для разнообразия.

— Я не знаю, что такое веселье, — признаюсь я.

Я действительно не хочу разговаривать, особенно, в присутствии Блейна. Мы выросли вместе, но не общались. Он ничего не знает обо мне, а я о нем. Диего, только в общих чертах, знает о моем прошлом, но он не знает всего, и я не собираюсь рассказывать свою историю этим двум идиотам.

— Просто, расскажи мне о девушке. Она тебе нравится? — интересуется Диего, в его голосе звучит отчаяние. Он пытается, и я обязан ему за это.

Чувствуя, что задолжал ему, я киваю. — Я думал, что любил ее. Это слишком сложно. Я не могу дать ей того, чего она хочет.

— Что? Отношения? Чувак, ты можешь дать ей это. Тебе, просто, нужно немного расслабиться.

— Да, это тебе поможет, — добавляет Блэйн.

— Это не то, — говорю я.

— Тогда что? — спрашивает Диего.

— Она хочет узнать правду обо мне, и я не могу дать ей это. Она роет слишком глубоко, об этом не может быть и речи.

— Таким образом, ты собираешься позволить прошлому управлять твоим будущим?

— У меня нет будущего, — отвечаю я, отодвигаюсь от бара и направляюсь к бармену, чтобы получить свой заказ. Это заняло слишком много времени у него.

— Чувак, что случилось? — с любопытством спрашивает Блэйн.

— Это не ваше, чертово, дело, — угрожающе цежу я, когда бармен подходит с моим любимым напитком.

— Брось, — бормочет Диего Блейну и тот кивает. — Итак, я слышал, что ты съезжаешь.

Фыркнув, я закатываю глаза и тяжело вздыхаю.

— Тебе позвонил Джетт?

— Нет, Голди.

— Голди? — удивляюсь я.

— Да, она сказала, что вы с Джеттом поспорили, и ты обираешься съехать. Она действительно переживает за тебя. Ей есть о чем беспокоиться?

На мгновение, мое сердце согревает мысль, что Голди заботиться обо мне. Приятно осознавать, что в моей темной и гребаной жизни есть кто — то, кто кроме Джетта, кто заботится о моем благополучии.

— Со мной все будет хорошо, — отвечаю я. — Я посмотрел пару мест. У меня есть варианты.

— На самом деле? — спрашивает Блэйн. — Потому что жилье здесь, полное дерьмо.

— Это правда, — соглашается Диего. — Иногда становиться интересно, где лучше жить, на улице или в одном из кусков дерьма вокруг города?

— Они не слишком ужасны, — я пытаюсь убедить их, но не могу убедить даже себя.

— Я не купился, — говорит Диего.

— Вы правы, они хреновые, — с усмешкой, соглашаюсь я. — Не знал, что в квартале есть требование, что в квартирах должны быть тараканы и пятна крови на стенах. Но есть действительно шикарная недвижимость. — На самом деле, есть несколько довольно хороших мест, но я не смогу себе это позволить.

— Черт, я ненавижу тараканов, — дрожит Блэйн.

Диего наклоняется ко мне и кивает на Блэйна.

— Он становиться маленькой киской, когда дело доходит до жучков. Знаешь, что этот мудака делает, когда видит одного в своей комнате? Он накрывает свою тарелку с Tupperware, пока я не позабочусь о нем, или он к черту не задохнется. Я не знал, как он справлялся с этим, пока в один прекрасный день, я не стал искать проклятую тарелку, чтобы сложить остатки еды, и когда я спросил его, почему ее нет на кухне, я нашел шесть тарелок в его спальне. Чертов идиот.

— Чего ты ждал от меня? Растоптать их? О, черт, нет, — защищается Блэйн.

— Это, своего рода, мешок с киской, что сказать, — отвечаю Блэйну, ощущая головокружение от того, что такой гигантский человек, может настолько бояться жучков.

Блэйн, самый большой из нас. Он мог бы стать профессиональным бодибилдером, со своими бицепсами и сильными плечами. Чувак накачан. Он привлекает противоположный пол, своими светлыми волосами и австралийским акцентом. Диего стройнее нас с Блейном. У него редкая внешность, свою карамельную кожу и голубые глаза, он использует в своих интересах, когда дело доходит до траханья женщин. У них тоже свои демоны, как и у меня. Они не говорят о них, и меня удивляет то, что они так сильно давят на меня. Задницы.

— Пошел ты. Они могут заползти в мои отверстия, — кричит Блэйн, защищаясь от своей фобии.

— Такое дерьмо. — Смеется Диего и делает глоток. — Итак, не хочешь пожить с нами?

— Ух ты, разговор пошел не в ту сторону, — отвечаю я, отвергая предложение.

Диего пожимает плечами. — У меня есть свободная комната, в которой жила Голди.

— Тебе стоит сначала ее продезинфицировать, — предлагает Блэйн. — После той ночи, когда нам пришлось слушать как Голди и Джетт занимаются этим, я уверен, там повсюду маленькие Джетты на стенах.

Диего съеживается.

— Чувак, серьезно. Это противно.

— Ничего себе, выбирая между тараканами и спермой Джетта на стенах, ваш вариант кажется действительно лучше того, что я видел сегодня, — с сарказмом отвечаю я.

— Не слушай его, — извиняется Диего за Блейна. — Он просто злится, что я не позволяю ему вести шоу, которое мы готовим для клуба, так что, он издевается на до мной.

— У тебя задница не болит? — спрашиваю я Блейна, чувствуя, как алкоголь расходится по венам, принося облегчение.

— Нет. Диего просто так эгоцентричен, что не узнает хорошую вещь, когда увидит ее.

— Мой клуб, мое шоу, — заявляет Диего.

— Он попал в точку. — Я смотрю на Диего. — Кроме того, он был в банде. Не спи с

ним.

— Чувак! — Диего бьет меня по руке. Ой. Когда я выпью, у меня развязывается язык, и порой проскальзывают секреты.

— Что? — я пожимаю плечами.

— Это не публичная информация.

— Банда? На самом деле? Ты не похож на члена банды, — говорит Блейн, стараясь надавить на Диего, и учитывая то, как Диего дымится рядом со мной, это работает.

— Не суди по тому, что видишь на улице, — отвечаю я. — У парня сумасшедшие навыки с ножом.

— Да, но я никогда бы не подумал об этом.

— Мы закончили? — спрашивает Диего, выглядя не комфортно. Я рад, что я не тот, кому неудобно. — Думаю, что мы должны поговорить о том, что Кейс был профессиональным боксером.

Я резко поворачиваю голову и смотрю на Диего. Он видит как в моих глазах плещется огонь.

— Или, может, не стоит, — отступает Диего, получив мое сообщение громко и ясно.

Почувствовав неловкость, мы поворачиваемся к барной стойке, опираясь на локти с напитками в руках. Мы не говорим, мы не смотрим друг на друга. Мы смотрим прямо перед собой и попытаемся позволить неловкому моменту пройти.

— Ты хочешь пожить с нами? — с идиотской улыбкой, нарушает тишину Диего.

— Почему, блядь, нет? — отвечаю я, уже сожалея о своем решении.

Блейн хлопает меня по спине.

— Итак, парень. Может, ты станешь частью шоу.

— Нет. — я качаю головой. — Этого не будет. У тебя нет столько денег, чтобы заставить меня выйти на сцену и прыгать там в кожаном жилете и шляпе.

— Мы не прыгаем, мы шагаем, — говорит Диего.

— Да, это гораздо лучше, — я закатываю глаза и прочищаю горло. — Серьезно, спасибо за предложение. Это поможет мне съехать из отеля. Плюс, ваше место, ближе к общественному центру, это будет удобно.

— Почему бы тебе не найти место, чтобы жить отдельно? — спрашивает Диего. — Я уверен, что у тебя достаточно денег на счету.

Как мало он знает. Да, у меня есть счет в банке, но деньги не мои. Я отдаю их, каждый месяц. Я живу на минимум, и все в порядке.

— Я не могу позволить себе жить отдельно, сейчас, — отвечаю я.

— Достаточно правдиво, — соглашается Диего.

— Как дела в общественном центре? — спрашивает Блэйн.

— Великолепно, — отвечаю я, радуясь смене темы. — Как все будет готово, мы переберемся туда. «Девочки» рады. Они начинают сходиться с ума. Джетт устроил им строгий режим, чтобы научить, как управлять бизнесом, перед запуском центра.

— Бабс рассказывала об этом, — говорит Блэйн. — Он проводит их через все виды не специализированного обучения. — Бабс «Девочка Джетта», втюрилась в Блейна. По его глазам, когда он говорит о ней, можно сказать, что он чувствует то же самое.

— Это им на пользу, — соглашаюсь я.

— Что по поводу твоей девушки? — спрашивает Диего. — Горячая цыпочка из галереи.

— Лайла? — подсказываю я.

— Да, Лайла. Чем она занимается?

— Работает в «Киттен Касл». Она не хочет работать в общественном центре Джетта.

— Она работает в «Киттен Касл»? — напевает Диего. — Мы уходим. — Он быстро достает бумажник, бросает сотню на прилавок и встает.

— Черт, да, — отвечаю я, не сдвигаясь со стула.

— Расслабься, блядь, — жалуется Диего. — Она нас не увидит. Давай. Я давно не был в стрип — клубе.

— Ты владеешь одним, придурок, — напоминаю я.

— Я имею в виду, в настоящем, — отвечает Диего, хватая меня за шею и тянет со стула. — Ты идешь, потому что, дерьмо, ты должен расслабиться. Перестань думать все время. Это удручает, быть с вами.

Он ведет меня через дверь, а Блейн идет позади.

— Если вам не нравится мое отношение, то оставьте меня в покое, — я пытаюсь соскочить.

— Не могу, извини.

Мы идем по Бурбон стрит, заполненной уличными исполнителями и пьяными идиотами. На каждом углу отмечают мальчишники, нетрезвые женщины держатся друг за друга, как за самое дорогое в жизни, старые пары наслаждаются поведением молодежи и шоу девочек на входе в каждый стрип — клуб, заманивая прохожих, чтобы они имели представление о том, что творится внутри заведения.

Диего и Блейн тащат меня по булыжной дорожке к концу Бурбон стрит, к ярко розовой неоновой вывеске «Киттен Касл». В последний раз я был здесь, когда с Джеттом нанимал «Девочку Джетта» для его клуба. Тогда я впервые увидел Голди.

Даже если «Киттен Касл» был грязной дырой, Голди выделялась. Она была восхитительной. Когда я впервые увидел ее, то как она держится, я сразу понял, что она вспыльчивая. К счастью, мой лучший друг, смог укротить ее. Ну, немного укротить ее.

— Эй, секси. Хочешь войти? — спрашивает девушка у двери, качая бедрами в мою сторону и пытаясь соблазнить, но я не ведусь. На ней ажурные чулки, с затяжкой на одной ноге, пара потертых каблучков, помада размазалась, а лифчик на ремешках изношен. Вероятно, они нуждаются в сотрудниках, потому что когда Голди работала в «Киттен Касл», такой вид не был приемлем.

— Не совсем, — бормочу я, когда Диего и Блейн тащат меня внутрь.

Смесь пота и выпивки ударяют в нос, басы отдаются в ушах. В помещении влажно, темно, и воздух настолько густой, что я почти не могу дышать.

На сцене никого нет, но на танцполе много девушек. Я проверяю время и вижу, что только девять вечера. Нет никакой возможности, что Лайла будет работать в такое время, по крайней мере, я предполагаю, что не будет. Она любит поздние смены, чтобы получить больше чаевых.

— Гол. Передний ряд. — Диего качает кулаком в воздухе и подходит к сцене.

Придурок действует так, как будто он никогда не был на стриптизе, не говоря о том, что у него свой секс — клуб.

— Можешь успокоить свои бушующие гормоны и вести себя подобающим образом? — спрашиваю я. — Ты ведешь себя, как полный мешок дерма.

— Просто пытаюсь соответствовать толпе, дружище. Что о нас скажут, если мы, будучи местными жителями, будем болтаться по стрип — клубам? Люди будут осуждать нас.

— Невероятно. — я качаю головой, желая, чтобы эта ночь закончилась.

Оглядевшись вокруг, Блейн наклоняется и шепчет:

— Эти цыпочки, немного... уродливые.

Я оглядываюсь и соглашаюсь. Они выглядят не очень свежо. Многие плавятся от влажности, их лица потные и макияж размазался, от чего они выглядят как призраки. Они обходят клуб на автопилоте, задевая клиентов, словно они этому обучены, улыбаются в нужный момент, но не приближаются слишком близко, пока им за это не заплатят.

Меня бесит, что Лайла работает здесь, ненавижу настолько, что начину беситься от одной мысли об этом. Она заслуживает гораздо большего, чем это. Она намного лучше.

— Что ты здесь делаешь, Кейс? — спрашивает Лайла мягким голосом, позади меня.

Дерьмо.

Глава 6.

Мое прошлое...

Еще один звонок от Джетта. У меня уже десять пропущенных и я вновь игнорирую звонок.

На ESPN[2] я узнал, что моя карьера закончилась, и теперь, я самое большое разочарование родного города.

Бутылка Макерса[3] покоится в моей руке, плюшевый диван, который простоял у меня на протяжении нескольких месяцев, принял форму моего тела, пока я жду телефонный звонок, которого боюсь. Это должно случиться, нет никакого гребаного шанса, что мне не позвонят. Это вопрос времени.

Оглядываясь вокруг, на фото в рамках с моими достижениями на ринге, я чувствую лишь оцепенение. Напряженный труд, пот, кровь, которую я пролил, все было зря.

Когда я рос, я хотел лишь одного, доказать чего я стою, доказать всему городу чего достиг, несмотря на то, что вырос в трейлерном парке, наблюдая как родители воспитывают нас на мизерную зарплату. Я не нуждался в чьей — либо помощи, мне нужна была только решимость и воля, чтобы устанавливать цели и достигать их.

Много хорошего, сделало меня таким.

Звонок телефона, прервал ужасающую тишину в доме. На экране высветился номер моего отца. В это время, он выходит с работы.

Сделав глубокий вздох, я отвечаю.

— Привет, Пап.

— Скажи мне, что это не правда, сынок. — раздается грубый голос моего отца. Независимо от того, сколько мне лет, глубокой тембр голоса моего отца действует на меня.

— А ты как думаешь? — спрашиваю я.

Мой отец всегда считал, что бокс — пустая трата времени. Он хотел, чтобы я работал на заводе на производственной линии, и как он, прожил честную жизнь. По его мнению, получение образования пустая трата времени. Он ждал, что его единственный сын будет принимать рабочую нагрузку как мужчина. Зарабатывать и включаться в настоящую ежедневную работу, даже если такие идеалы привели его в потрепанный трейлер с пивным животом и без планов выхода на пенсию.

— Не играй в игры со мной, парень. Я говорил тебе, что желание стать

профессиональным боксером, это пустая трата времени, что ты не достаточно хорош, чтобы заработать на достойную жизнь. Теперь, ты принимаешь стероиды, чтобы перейти на следующий уровень? Для чего? Чтобы доказать мне, что я не прав?

— Ты согласишься, если я скажу, что обвинения ложные? — говорю я, потирая лоб, желая, чтобы этот день, наконец, закончился.

— Я очень сомневаюсь, отчеты антидопингового агентства являются обвинениями. Они серьезно относятся к таким вещам. Почему, ты ставишь под угрозу благополучие своей семьи, таким образом? — голос моего отца звучит громче, когда он произносит: — Ты должен услышать, что говорят люди на складе. Ты опозорил свою фамилию.

— Пап, это не правда, — защищаюсь я, пытаюсь придумать, как объяснить ему эту ситуацию.

— Меньшее, что ты можешь сделать, это сказать мне правду, Кейс.

Я ставлю бутылку бурбона на стол и упираюсь локтями в колени. — Это правда, о стероидах в моей крови, но я не принимал их целенаправленно. Я не знал, что принимал их. Мой новый тренер, давал некоторые добавки без...

— Я не хочу больше ничего слышать, — перебивает меня отец.

— Пап, я не знал, что они были там. — умоляю я, желая, чтобы отец понял меня.

Повисает тишина, давая понять, что отец собирается нанести последний удар. Когда он разочаровывается во мне, он всегда так делает, и в соответствии с его стандартами, я часто его разочаровываю.

— С самого рождения, я растил тебя, чтобы ты стал лидером, тем, кто гордится своей работой и кого уважают за нелегкий труд. Я провел бесчисленные часы, демонстрируя человеческие качества, но вместо того, чтобы последовать за мной, ты опшиваешься с Колби, бросая мне вызов и обманывая систему. Это позор, что ты носишь фамилию Хейвуд. Может, в один прекрасный день, ты поймешь, что сильная этика и твердые, реалистичные цели, приносят уважение. До тех пор, мне жаль твою душу.

С этими словами, отец вешает трубку.

Я безжизненно сижу на диване, не в состоянии пошевелиться.

Этот человек, ничего не знает о моей реальной жизни. Я столько энергии потратил, чтобы доказать, что он не прав, провел в тренажерном зале бесчисленное количество часов, нанося удар за ударом, пока не переставал чувствовать костяшки пальцев. Он отказался признать мои усилия, и теперь, когда мое имя было запятнано, не было никакого шанса, что он когда — нибудь поверит, что я могу это сделать.

Самая страшная вещь, которую можно услышать — это разочарование в голосе отца. Я не только разочаровал его, я запятнал нашу фамилию, испоганил свои достижения. Если я еще не думал о том, что мои дни закончились, это случилось сейчас.

Я отбрасываю телефон в сторону, делаю большой глоток Макерса и иду к двери. Настало время, заглушить мою печаль.

Глава 7.

Мое настоящее...

Медленно расслабляясь, я оборачиваюсь и вижу Лайлу, стоящую позади меня. Одна ее рука лежит на бедре, на ногах, высоко обрезанные шорты, кожа покрыта кусочками

шпукатурки. Рубашка порвана, и клянусь, из — под нее выглядывает нижняя часть груди.

Мне хочется прикрыть Лайлу, чтобы никто не глазел на нее, но другая часть меня, жаждет сорвать с нее рубашку и оттрахать прямо на сцене.

В воображении начинают всплывать картинки ее знойного тела, извивающегося подо мной. После одной ночи, проведенной с ней, я не могу выкинуть ее из головы, не думаю, что когда —нибудь смогу отпустить ощущение того, каково это, быть похороненным глубоко внутри нее.

— Эй, я задала тебе вопрос, — строго говорит Лайла.

— Да, леди задала тебе вопрос, — ухмыляется Диего.

Мне очень хочется ударить его, но я беру себя в руки, смотрю на Лайлу и отвечаю:

— Ищем чем развлечься. — Даже если я не хочу находиться в «Киттен Касл», я не должен выводить ее из себя, но я не могу остановиться.

Я мудака. Это просто происходит само по себе.

Ее глаза пылают зеленой яростью.

— Ты ищешь развлечений? — гневно произносит Лайла.

Я киваю, оглядывая комнату. Блядь, я не позволю, одной из этих женщин, подойти к мне. Скорее всего, у них какая — то кривая походка. Я никогда не смогу понять, почему Лайла думает, что ее место здесь.

— Хорошо, — говорит она и машет ди — джею. Песня сразу же меняется на устойчивый ритм «Earned It». Подняв ногу, Лайла отталкивает Диего и Блейна, освобождая пространство для работы на моих коленях.

Блядь.

Медленно и методично, она движется вокруг меня, слегка задевая рукой мою кожу, посылая мурашки по спине. Мои ноги инстинктивно раздвигаются, руки по бокам. Я прикусываю нижнюю губу, когда она останавливается передо мной и начинает двигаться в такт музыке, проводя руками по ее красивой коже цвета мокко.

Она так чертовски великолепна, с этими пронизательными зелеными глазами и мягкими чертами лица. То, как волосы ниспадают ей на лицо — завораживает. То, как она проводит руками по своему телу — гипнотизирует, заставляя забыть, что я нахожусь посреди дешевого стрип — клуба. Прямо сейчас, это только я и Лайла.

Она встает между моих ног и наклоняется так, что я могу заглянуть в вырез ее рубашки. От вида ее вздымающейся груди, я теряюсь.

Ее руки упираются в мои бедра, и ее тело совершает волнообразные движения на мне, посылая запах ее ванильного лосьона в нос, запах, который теперь ассоциируется с ней. Ее рот оказывается у моего уха и Лайла прикусывает мочку, а ее руки пробегают по моей груди.

Она соблазнительно двигается в такт музыке. Я тверд, как чертова скала, наблюдая за ней.

Лайла перемещает руки от моей груди к плечам, сильно хватается и плотно прижимается ко мне. Она сидит у меня на коленях, а моя голова находится в нескольких дюймах от ее груди, которые вот — вот выпадут из рубашки. Она обнимает меня за шею и начинает двигать бедрами в такт музыке.

Я зачарованно наблюдаю, как ее тело покачивается на мне, делая меня тверже, чем я мог себе представить. Она обрабатывает меня, и я наслаждаюсь каждой минутой.

Давление ее задницы на моем паху, почти болезненно, я такой твердый, но не собираюсь останавливать ее. Я кладу руки ей на бедра, поднимаюсь до задницы и

накачанного живота.

Лайла резко вдыхает, когда мои руки поднимаются выше и останавливаются у груди. Блядь, я хочу трогать их. Хочу почувствовать, как ее соски твердеют между моими пальцами. Хочу ощутить их на моем языке, но я знаю, что позволено на публике, поэтому останавливаюсь.

Ее глаза закрыты, голова откинута назад, шея открыта. Она продолжает двигать бедрами на моих коленях, увеличивая давление на член, одна ее рука обернута вокруг моей шеи, а вторая ласкает бедро.

Лайла поедает меня, и я не уверен, сколько еще смогу выдержать.

Она замирает на моем члене, я отрываю взгляд от места, где соединяются наши тела, и смотрю на нее. Лайла привстает с моих колен, заставляя желать большего. Вероятно, она собирается оставить меня твердым и возбужденным, но она поворачивается и прижимается спиной к моей груди. Ее правая рука ложится на заднюю часть моей шеи, и она снова начинает танцевать под музыку.

Я опускаю голову ей на плечо и наслаждаюсь движениями ее тела. Я кладу ладонь на ее голый живот и провожу вверх к краю рубашки. Ее дыхание становится тяжелым, а мое сердце учащенно бьется. Еще один дюйм, и она окажется в моей руке.

— Черт, — шиплю я, не в состоянии сдержаться, чувствуя ее задницу у моей промежности. Это похоже на чертову магию.

Мой рот находит впадинку на ее шее и я начинаю покусывать сладкую кожу. Она так чертовски хороша на вкус.

Диего и Блэйн подбадривают меня, как варвары, но я игнорирую их и продолжаю ласкать ее длинную шею. Рука Лайлы находит мою щеку, и направляет меня немного правее, затем наклоняется вперед, кладет руки на мои ботинки, и начинает объезжать мой член. Ее шорты задираются, демонстрируя красивую задницу, позволяя смотреть, как ее сексуальные половинки движутся на моих коленях.

Этот вид слишком эротичен, чтобы отпустить ее, не преподав урок о том, что она делает со мной.

Не в силах больше терпеть, я хватаю ее за живот и прижимаю к себе. Игнорируя ее крики, я поворачиваю ее таким образом, чтобы говорить ей прямо в ухо.

— Отведи меня в уединенное место... сейчас. — Серьезным тоном, говорю я.

Лайла быстро поднимается с моих колен и хватает меня за руку. Она уводит меня от свиста Блейна и Диего и выводит из влажного воздуха в главном зале. Я следую за ней по темному коридору. Открыв дверь, она заглядывает в комнату.

В комнате темно, когда мы входим, Лайла щелкает выключателем и комната заливается красным светом. Он не очень яркий и довольно скучный, но настраивает на то, что я собираюсь сделать с ней.

Это место пропитано грехом. Надеюсь, что она к этому готова.

Лайла поворачивается ко мне лицом, я притягиваю ее к моей груди, а затем толкаю к двери. Навалившись на нее, я нащупываю дверную ручку и блокирую ее. Мне не нужны неожиданности и незваные гости.

— Кейс... — затаив дыхание, произносит она. — Что ты делаешь?

Я стараюсь смягчить тон и улыбнуться, но это чертовски трудно. — Ты думала, что сможешь, блядь, объездить меня и просто так уйти? — спрашиваю я, держа руки по обе стороны от ее головы, раздвинув коленом ее ноги. — Я хочу, чтобы ты почувствовала,

насколько я твердый.

— Я уже знаю, какой ты твердый. — усмехается Лайла.

— Черт, почувствуй меня, — я стискиваю зубы. — Положи руку на мой член, и скажи, насколько я твердый.

От моего угрожающего тона, ее глаза широко распахиваются, но она тянется вниз по моему животу к поясу.

Лайла начинает поглаживать меня сквозь джинсы, но я качаю головой и говорю:

— Нет, блядь, почувствуй меня. Вытащи мой член и почувствуй его.

Кивнув, она расстегивает ремень и тянется к молнии. Я стискиваю кулаки у ее головы, чтобы не соблазниться помочь ей. Я хочу, чтобы Лайла сделала это сама, даже если она делает это со скоростью улитки, скорее всего, намеренно.

— Не торопитесь, детка. У меня вся чертова ночь впереди.

Она судорожно сглатывает, повышая мою самооценку.

Наконец, она спускает мои джинсы вниз, вместе с трусами, позволяя члену выпрыгнуть на свободу. Это тяжело, так чертовски трудно, что когда она касается его пальцами, мне почти больно. Мне требуется освобождение, мне это очень нужно.

— Скажи мне, насколько я чертовски твердый, — требую я, наклонившись к ее уху. В тусклом красном свете, я вижу, как мурашки пробегают по ее коже, от моей близости.

— Кейс, — стонет она.

— Скажи, — цежу я сквозь зубы.

— Ты такой, чертовски, твердый, — хнычет Лайла. Ее рука, ловко движется вверх и вниз, по длине моего члена.

— Ты сделала меня таким. Твое тело с отличной задницей, то, как ты насаживалась на меня, тепло твоей киски на моих коленях — ты сделала меня твердым, Лайла, так скажи мне, что, блядь, ты собираешься с этим делать?

Мои губы у ее уха, грудь в нескольких дюймах от нее. Лайла отодвигается, чтобы посмотреть мне в глаза и видит, насколько я серьезен. Я хочу донести до нее, что говорю серьезно. Я нуждаюсь в ней, прямо здесь и сейчас.

— Ну, и?

Ее руки отпускают мой член и перемещаются на мое лицо. С грубой сексуальной силой, ее губы сталкиваются с моими, заставляя меня прижать ее сильнее к двери. Мгновенно, мой рот открывается ей, предоставляя доступ ко всему, что я могу предложить.

Ее язык скользит в мой рот, играя моими чувствами, разжигая во мне огонь.

— Ты хочешь меня? — спрашиваю я, отстраняясь от поцелуя и прикасаясь языком к ее шее.

— Больше, чем что бы то ни было, — признается Лайла.

Гордость бьется у меня в груди, и это все, что мне нужно. Я переступаю через край, ради этого момента. Я хочу попробовать ее, еще раз.

Мои руки опускаются по двери позади нее и находят ее бедра. Прижав Лайлу к твердой древесине, я провожу руками по ее животу, но, на этот раз, не останавливаюсь на рубашке. Я прикасаюсь к ее возбужденной груди и нахожу твердые соски. Черт, ее груди достойны похвалы. Они чертовски круглые и совершенные, я задаюсь вопросом, увеличены ли они, но на ощупь, я понимаю, что они естественные, что делает более сложным забыть эту великолепную женщину.

— Боже, — восклицает она, когда я щипаю ее соски. Я сжимаю и покручиваю, пока не

осознаю, что больше не могу справиться с ощущением ее груди в моих руках.

Мой член дергается, когда ее тело прикасается ко мне. Мне нужно больше. Я готов взорваться. Я перестаю дразнить.

— Достань мой кошелек из кармана, — говорю я, ей в шею. Лайла хорошо расслышала и делает что ей сказано. Она больше не нуждается в подсказках и знает, что нужно делать. Она открывает мой бумажник и вытаскивает презерватив.

Лайла быстро возвращает мой бумажник в карман и вытаскивает презерватив из упаковки. Не спрашивая, она раскатывает его по моей длине, за рекордное время, и смотрит на меня.

— Извинись за свои шорты, — требую я.

— Извиниться? — спрашивает она, приподнимая брови.

Наклонившись вперед, я рычу:

— Черт, не играй со мной. Ты знаешь, что эти шорты слишком откровенные. Сними их, сейчас же.

Без слов, она снимает их и отбрасывает в сторону. Лайла обнажена снизу, только пара туфель украшает ее ноги. Осмотрев ее, я качаю головой и стягиваю рубашку, освобождая ее груди. Мой рот быстро находит соски, и я принимается сосать.

Ее голова откидывается назад, ударяясь о дверь, но ее это не беспокоит и она толкает свою грудь мне в рот. Медленно, я провожу рукой по ее животу и зависаю над киской. Лайла медленно двигает бедрами, давая понять, что готова.

Я хочу то же самое и поддаюсь ее требованиям, проталкивая пальцы в ее горячий центр. Меня волнует то, насколько влажной она была для меня. Жар проходит по мне, от осознания того, что я могу возбудить такую великолепную женщину, как Лайла.

Не теряя времени, я хватаю ее бедра и оборачиваю вокруг своей талии. Приподняв ее, я направляю в нее свой член и вхожу, одним толчком. Мы одновременно стонем от нашего соития. Я знаю, что это не продлится долго, от того, как быстро вздымается ее грудь.

Я хватаю ее лицо, смотрю в глаза, и впиваюсь в ее губы. Лайла зарывается руками в мои волосы, царапая кожу головы.

Пьянящая смесь похоти, сильного желания, и еще чего — то глубокого, волнует меня, и волнует чертовски сильно. Мои толчки становятся неконтролируемыми, а ее стоны, становятся все громче и громче, с каждым толчком.

— Я скоро кончу, — предупреждает Лайла и выкрикивает мое имя, кусая мою нижнюю губу. Я чувствую вкус крови, когда она кончает вокруг моего члена, но меня это не беспокоит, потому что я вхожу в состояние эйфории и кончаю, чертовски сильно, думая, что теряю сознание.

— Блядь, — бормочу я. Мой лоб упирается в ее плечо, а бедра продолжают вбиваться в нее, пока во мне ничего не остается.

Лайла вновь хватается за мою шею и нежно целует в щеку, пока ко мне не возвращаются силы, чтобы отодвинуться и посмотреть ей в глаза.

От красного свечения в комнате, Лайла выглядит как сон, словно ее нет в моих руках. В ее глазах таятся ответы, которых нет у меня, я хочу сказать что — то умное, но ничего не приходит на ум. Все, что я хочу — это быть похороненным в ней еще раз, забыть обо всем вокруг нас, и жить в данный момент с ней, но я знаю, что это нереально. Мир ожидает нас, за дверью.

— Кейс, почему ты не позволяешь нам быть вместе? — спрашивает она, слабым

голосом, я никогда не слышал его прежде.

— Ты не поймешь, — мягко отвечаю я.

— Ты не знаешь этого.

— Я знаю, Лайла. Ты заслуживаешь большего, чем я. Ты заслуживаешь больше той жизни, которую выбрала для себя.

— Иногда, ты не выбираешь свою жизнь, Кейс. Иногда, ее выбирают за тебя.

Чертовы мудрые слова. Я не выбирал ничего, в своей жизни. Все было выбрано за меня, и из — за чьих — то неверных решений, я живу с последствиями. Я отказываюсь тянуть Лайлу вниз по этому пути, по темному пути моей гребаной жизни.

— Дай мне шанс, Кейс.

Глубоко вдохнув, я говорю, — Я хочу, Лайла. Ты не имеешь гребанного понятия, насколько я хочу, просто... я не могу.

— Почему не можешь? — спрашивает она, начиная злиться.

Я качаю головой и отстраняюсь, швырнув презерватив и застегивая штаны. Я нахожу шорты Лайлы и передаю их ей. Она натягивает рубашку и шорты, словно не трахалась только что у двери.

Я хватаю ее за шею и целую в лоб. Она закрывает глаза от моего прикосновения и прислоняется ко мне. Я задерживаю губы на ее лбу, а затем, неохотно, отрываюсь.

— Прости меня, Лайла. Я не могу быть мужчиной, который тебе нужен.

— Откуда ты знаешь, какой мужчина мне нужен? Ты не хочешь поговорить со мной, чтобы понять.

— Я знаю, что ты заслуживаешь лучшего.

Я отодвигаю ее и открываю дверь, чтобы побыстрее сбежать. Я выхожу из комнаты, когда она говорит:

— Ты не единственный, кто облажался, Кейс. Ты не единственная жертва.

Не оборачиваясь, я отвечаю:

— Ты ошибаешься. Я, ни в коей мере, не являюсь жертвой. На самом деле, я очень далек от этого. — С тяжелым сердцем, я ухожу прочь. — Позаботься о себе, Лайла.

Глава 8.

Мое прошлое...

Холодный стакан, полный виски, охлаждает пальцы. Я сижу забившись в угол наименее известного бара в Квартале, я думал, что тут не будет полно спортивных болельщиков. Новости о моем «использовании стероидов» начали передавать все СМИ, и мое существование становится невыносимым.

Мой телефон разрывался от звонков и смс, от прессы, друзей и противников. Больше не в силах терпеть это, я швырнул телефон об стену и пошел в бар.

Пятью напитками позже, я чувствую как боль в груди начала рассеиваться.

Я потерял все, над чем работал, все что вложил в свою карьеру, в считанные секунды, потому что доверился не тому человеку и передал свою карьеру в чужие руки.

Мне незачем жить.

— Видите того мудака, который думал, что может принимать стероиды и это сойдет ему с рук? — говорит крикливый мужик, который сидит в баре и говорит со всеми, кто готов

его слушать. — Не знаю, когда спортсмены поймут, что им не сойдет с рук прием наркотиков? Ты, наверное, думаешь, что теперь до них дойдет.

Скрипя зубами, я сдерживаюсь, чтобы не наброситься на него. Он прав на счет спортсменов, принимающих пищевые добавки для повышения работоспособности, но есть люди, подобные мне, кто делает все правильно, но в конце концов их наебывают.

Я допиваю свой виски, ставлю стакан на барную стойку, и жестом прошу еще. Бармен знает, что нужно продолжать наполнять его. Я никуда не собираюсь, в ближайшее время.

Ожидая очередную порцию выпивки, я тяну край капюшона, который скрывает мое лицо. Не хочу, чтобы кто — то узнал меня. Я наслаждаюсь ограниченным обзором капюшона, я как проклятый мул в Квартале, заблокированный от всего вокруг, видя только цель впереди, и моя цель в том, чтобы постоянно подносить стакан к губам, пока не потеряю чувствительность. Я почти достиг цели.

— Ты и правда думаешь, что это поможет? — спрашивает кто — то сзади.

Джетт. Не оборачиваясь, я отвечаю, — Это был твой выход. Думал, дать ему шанс.

Джетт без приглашения садится рядом. Он жестом просит бармена принести ему то, что пью я. Он будет разочарован, когда он увидит, что я не пью его драгоценный бурбон.

— Не хочешь поговорить об этом? — спрашивает он, опираясь руками на бар.

— Похоже на то, что я, блядь, хочу поговорить об этом? — спрашиваю я, пытаюсь контролировать свой гнев, который хочет вырваться наружу.

— Это того стоит, я знаю, что ты не мог сделать что — то подобное. Этому должно быть объяснение.

Объяснение было, но никто, кроме Джетта Колби, не поверит мне. — Это не имеет значения, — отвечаю я, опуская голову. — Все кончено.

Повисает тишина, и мы молча потягиваем наш виски. Мы сидим и пьем. Это единственное, на что я могу рассчитывать, когда дело доходит до моего лучшего друга.

К счастью, я выбрал бар, в котором нет телевизора. Я знал, что показывают прямо сейчас.

«Кейс Хейвуд: Положительный на гормон роста человека.»

«Накачаться, чтобы преуспеть, настоящий Кейс Хейвуд.»

«Хейвуд подсел на гормоны.»

Качая головой, я подношу стакан к губам и выпиваю содержимое. Я никогда прежде не чувствовал себя таким беспомощным. На этот раз, я не управляю своей судьбой. Я не в состоянии контролировать свое будущее. Единственный контроль, которым я обладаю, сколько раз я поднесу стакан с жидкостью уменьшающей боль ко рту.

— Хочешь еще? — спрашивает Джетт, когда я допиваю свой виски.

— Да, — отвечаю я, отталкиваю стакан и поднимаюсь, стараясь растянуть спину от нарастающей напряженности.

Я закатываю рукава до локтей и натягиваю капюшон так, чтобы было более безопасно. Тепло алкоголя начало распространяться по телу, но я не собираюсь снимать толстовку. Это единственный барьер, который отделяет меня от реальности.

— Вы можете верить в это? — говорит парень — дебошир, повернув телефон к Джетту. — Ты видел эту статью? Местный герой проебывает все, потому что он слишком ленив для настоящей работы, чтобы стать лучшим.

Джетт вежливо кивает, потому что это путь к отступлению, а затем отворачивается. Я сажусь дальше в угол, пытаюсь отгородиться от крикуна и заглушить его слова.

— Черт, я тоже могу принимать стероиды и выбивать дерьмо из людей. Великие боксеры обладают талантом. Мухаммед Али не сидел и не делал себе уколы с гормонами роста, чтобы выигрывать титул за титулом. Нет, он часами работал над собой в тренажерном зале.

— Вы не возражаете, если мы просто тихо посидим? — вежливо спрашивает Джетт, держа его за руку, чтобы остановить.

Краем глаза я вижу, как человек отступает на секунду, а затем кивает в мою сторону. — Кто это? Твой парень? Если вы, педики, хотите провести время наедине, идите в гей — бар.

Повысив голос, Джетт говорит: — Я предлагаю вам научиться правилам приличия и закрыть свой гребаный рот.

— О, я понимаю, вы, ублюдки, хотите провести время вместе. Хорошо. Эй, приятель, — парень обращается ко мне, но я не двигаюсь, не желая связываться с ним. — Эй, я с тобой говорю, — повторяет дебил.

— Я советую вам завязывать, — предупреждает Джетт.

Поднявшись со стула, мужчина отвечает, — Ты, блядь, не говори мне, что делать. — С моего места видно, что этот мужик широкий и худощавый, с небольшим количеством жира, но он может постоять за себя, и, скорее всего, поэтому, он чувствует себя достаточно уверенно, чтобы противостоять нам обоим.

Человек проходит мимо Джетта и толкает меня в плечо. — Эй, придурок. Я с тобой разговариваю.

Не поворачиваясь, я бросаю через плечо: — Я советую вам оставить меня, блядь, в покое.

В баре нет свидетелей, кроме бармена, в комнате тихо, лишь из колонок приглушенно играет джаз. Бармен стоит в стороне, оценивая ситуацию, наверное обдумывая стоит ли вмешаться.

— О, ты думаешь, что крутой? Ты даже не можешь посмотреть мне в глаза? Ты просто прячешься за своим глупым капюшоном и съезживаешься...

Ярость кипит во мне. Я разворачиваюсь, опускаю капюшон и встаю во весь рост.

Парень в шоке уставился на меня, немедленно узнав. В его глазах мелькает страх и он начинает хохотать.

— О, блядь, как мне повезло. Местный герой, прямо передо мной. Ты накачался, перед тем как прийти сюда? — спрашивает он, сгорбившись от смеха.

— В твоих интересах, оставить все как есть и покинуть бар, — цежу я, сквозь стиснутые зубы.

— И что, блядь, ты собираешься делать, если я не уйду? — говорит мужик, вставая в полный рост и выпячивая грудь.

Я пьян, и понимаю это, но я все еще владею хуком слева и апперкотом справа, и этот осел, в двух секундах, от встречи с обоими.

— Ты бесполезный кусок дерьма, который запятнал город, — говорит он, толкая меня в плечо и я отшатываюсь к бару.

Семь, или около того, стаканов, которые я выпил, испытывают мое равновесие, но я ясно вижу мужчину. «Осел» гласит надпись на лбу, и вскоре, мой кулак, заменит ее.

Джетт, наверное, видит, как чешутся мои кулаки, потому что он встает и выставляет руку, чтобы дать нам некоторое расстояние.

— Шаг назад, — предупреждает Джетт.

— Ой, твой парень пришел к тебе на помощь. Ты знаешь... — человек тычет пальцем в его подбородок — Ты сделал одолжение спорту, накачиваясь. Теперь, мы не должны смотреть, блядь, как такой гей как ты, прыгает по рингу, чтобы схватить противника за яйца.

— Следи за своим гребаным ртом, — сердито выплевывает Джетт. Джетт не любезничает с гомофобами, как и я, если такое случается, тем более, что помощник Джетта — гей и, вероятно, один из самых вдумчивых и заслуживающих восхищения людей, которых мы знаем. Чувак бы сделал что угодно для Джетта или меня, и мы сделаем то же самое.

Не желая вовлекать Джетта, из — за его репутации, которую стоит поддерживать, я встаю перед ним и говорю, — Убирайся отсюда, Джетт.

— Кейс, не натвори глупостей, — предупреждает он.

— Я не собираюсь... — мои слова прерывает удара кулака в челюсть. Голова откидывается, и кровь начинает течь из уголка рта, разбрызгиваясь на стену позади меня. Я падаю на стул, упершись головой в стену. У меня занимает секунду, чтобы понять, что только что произошло, но как только я собираюсь с мыслями, боль в челюсти поражает меня, чертовски сильно. Но мне нравится.

Джетт готов накинуться на мужчину, но я останавливаю его, качая головой в ответ на удар мужика.

— Чертов педик, тебе нужны стероиды. Ты чертовски легкий.

Джетт заносит кулак, но я останавливаю его еще раз. Я знаю, что Джетт может легко вырубить этого парня, потому что я научил его всему, что знаю. Это моя проблема, а не Джетта.

— Я разберусь, — говорю я. Джетт кивает и отходит. Он знает, когда мне стоит разбираться с моими делами.

Я снимаю толстовку и протягиваю ее Джетту. Мои бицепсы натягиваются под белой рубашкой, а предплечья урчат, готовые нанести повреждения. То же самое чувство, что охватывает меня на ринге, охватывает сейчас мое тело. Адреналин начинает поступать в кровь, заменяя алкоголь, который я потребляю последние несколько часов.

Чистый страх мелькает в глазах мужчины, когда он понимает свое положение.

Правильно, тупой идиот. Не связывайся со мной.

— Продолжай, ударь меня еще раз. — подбиваю я его, сплевывая кровь в сторону. — Какого черта ты смеешь занимать мое время. Хочешь узнать, что такое талант? Я, блядь, преподнесу его тебе на блюдечке с голубой каемочкой. Продолжай, блядь, проверь меня, еще раз.

— Ты не стоишь этого, — говорит человек и махнув рукой, отступает на шаг.

— Да, кто теперь чертова киска? Это дешевая болтовня, но когда дело доходит до дела, ты знаешь, что я могу уничтожить тебя ко всем чертям. Я зарабатывал на жизнь, избивая людей кулаками. Я более чем счастлив, показать тебе, как это делается.

— Какая жизнь? У тебя ничего не осталось, потому что ты дебил, который решил принимать стероиды.

Скрипя зубами, я считаю до десяти, чтобы не взорваться. Нет никакого смысла защищать себя от обвинений в употреблении стероидов. Я буду выглядеть как плаксивая сука, так что я держу рот на замке и стараюсь сдержаться от того, чтобы пройтись кулаками по его лицу.

Он того не стоит, он того не стоит, твержу я себе, снова и снова.

Я открываю глаза и вижу, что его кулак летит на меня и бьет в живот. Я сгибаюсь и

кашляю большим количеством крови, чем от первого удара по лицу.

Смех этого идиота заполняет небольшой бар. Я смотрю вверх и вижу человека держащегося за живот и указывающего на меня.

— Ах, блядь, это лучшая ночь в моей жизни. Боксер? Блядь, ты кусок трейлерного мусора, который пытается выглядеть тем, кем никогда не станет.

Трейлерный мусор... мое гребаное болевое слово. Меня передергивает.

Выпрямляясь, я быстро шагаю вперед, заношу руку и бью в живот этого мужика. Не дав опомниться, я апперкотом бью его в голову, а затем, чтобы прикончить, в быстрой последовательности ударяю левым кулаком по виску, и то же самое правой.

Это происходит в считанные секунды, раскаленный добела гнев проходит сквозь меня. Впервые, после звонка моего агента, я чувствую себя немного легче. Так продолжается до тех пор, пока я не замечаю падающего человека от моей атаки и лежащего на полу, неподвижно.

О блядь.

Время останавливается, пока я жду, что придурок пошевелится, сядет, и закачает головой от краткого нокаута. Я стою над ним, практически умоляя его пошевелиться, но он этого не делает. Ни одного движения, ни одного вдоха.

— Кейс, Кейс, нам, блядь, надо уходить, — говорит Джетт, но я не могу оторвать взгляд от безжизненного тела раздражителя и провокатора на полу.

— Бармен позвонил чертовым копам. Нам надо уходить.

Ничего. Я полностью окаменел.

Все вокруг меня исчезает, кроме человека, лежащего на полу. — Он... — начинаю спрашивать я, но не могу вымолвить ни слова. От мысли об этом, у меня скручивается желудок.

— Кейс, черт, двигайся! — кричит Джетт, хватая меня за руку и тянет к задней двери.

Бармен блокирует выход. — Я не могу позволить вам уйти, — говорит мужчина. — И даже если вы уйдете, я скажу им, что это Кейс Хейвуд.

Разочарованный, Джетт достает бумажник, вытаскивает пачку сотен и сует мужику. — Это, чтобы ты держал рот на замке до утра. Я вернусь с большим. Человек, который сделал это, слинял по Роял стрит. Если ты поможешь нам, я помогу тебе. Если откроешь рот, я тебя уничтожу. Не забывай, кто владеет половиной этого города.

Джетт знает, когда использовать свою элитную карту, и сейчас, у него это хорошо получается.

Бармен смотрит на наличку, переводит взгляд на Джетта и кивает. — Человек слинял по Роял стрит.

— Как он выглядел? — спрашивает Джетт.

— Светлый, карие глаза, около шести футов, с бородой. Одет в зеленую рубашку. — Бармен описывает полную противоположность моим каштановым волосам, голубым глазам и побритому подбородку.

— Очень хорошо, — хвалит Джетт, похлопывая бармена по руке. — Я встречу с вами завтра, в семь утра, перед пароходом. Не опаздывайте.

Он шагает в сторону, когда слышны звуки сирен на небольших улицах Квартала.

Джетт хватая меня за руку и тащит через заднюю дверь, где нас ждет автомобиль. Он толкает меня на заднее сиденье и забирается следом.

Джетт, вновь, прикрыл мою спину. Глядя на кровь на моих руках, Джетт построил

прикрытие и пути отхода.

— Езжай, — говорит Джетт водителю, и мы срываемся с места, продвигаясь по односторонним улицам к району Садов, где живет Джетт.

Мой разум онемел. Я смотрю на свои кулаки и понимаю, каким влиянием и грубой силой они обладают.

— Он спровоцировал тебя, — говорит Джетт, пытаюсь снять напряжение в автомобиле.

— Он мертв, — шепчу я, глядя в окно. Произнеся эти слова, я осознаю произошедшее.

— Ты не знаешь этого. Ты, наверное, нокаутировал ублюдка. Он это заслужил.

Это не так. Никто не заслуживает быть поваленным на пол, независимо от того, какой я придурок.

— Ты должен забыть об этом, — неуверенно говорит Джетт, и я понимаю, что он обеспокоен так же, как и я.

Что, если он действительно умер? Небольшая часть меня молится, чтобы я ошибся, чтобы Джетт был прав, что я, только что, не отнял у человека жизнь.

На следующее утро, я включаю телевизор, чтобы найти местные новости о драке в баре. Они уже взяли интервью у бармена, и он рассказал историю Джетта, даже без нервного тика в глазах. Ранним утром, Джетт заплатил ему достаточно, чтобы у него больше не было нужды работать.

Человек, который спровоцировал меня, умер от удара по голове. Не было никаких шансов спасти его. Я убил его. Я позволил ярости охватить меня, и я убил его своими руками.

Худшая часть в том, что у него была семья, и он был чьим — то отцом.

Я думал, что знаю свои слабые стороны, пока я не понял, как травмирует девочку то, что она будет расти без отца.

Глава 9.

Мое настоящее...

Я стою перед общественным центром, зданием, стоящим за справедливость. Справедливость для тех, кто неправомерно пострадал от решений других. Это святилище, чтобы те, кто ищет второй шанс в жизни, получили новые возможности.

Я пытаюсь настроиться на позитивный лад, на новой работе.

Стоя за пределами величественного здания, я нервничаю, потому что, кто я такой, чтобы помогать людям, когда не могу помочь себе?

По — прежнему, необходимо озеленить территорию, на тротуарах отсутствует цемент, но кованое железо, украшающее фасад здания, делает его внешний вид незаконченным, привнося современный взгляд на Французский квартал.

Я глубоко вдыхаю и думаю о том, что это здание может дать мне. Для меня, это новое начало. Я больше не под бдительным оком Джетта. Прошло уже достаточно времени, чтобы я мог пройти по улицам без глумления надо мной или взглядов свысока, но я все еще опасаюсь.

Я хочу, чтобы в моей жизни был кто — то, с кем я мог бы поделиться этим моментом, поговорить о том, как я себя чувствую, чтобы кто — то гордился мной, но моя семья не

участвует в моей жизни, и Лайла... черт.

Прошла неделя с тех пор, как я взял ее у стены в клубе. Каждый дюйм моего тела зудит, чтобы быть внутри нее, мозг кричит о том, чтобы я позвонил ей и воспользовался ее телом еще раз, но я не могу ничего с собой поделать. Я эгоистичный ублюдок, я взял то, что хотел, и оставил ее смущенной.

В ту ночь, она дразнила меня, проверяла мои пределы, терлась об меня сладкой попкой, я был не в состоянии управлять плотской потребностью, которая проносилась по моему телу.

Я трахал ее... сильно, а затем ушел. Я обещал себе этого не делать, потому что она заслуживает большего, она заслужила сладкую связь, как и все женщины. Лайле нужен кто — то, чтобы ласкать ее, поклоняться ей... любить ее. Я не такой человек. Я никогда не смогу дать то, что ей необходимо, не после всего, что я сделал.

Я избавляюсь от негативных мыслей, не желая испортить этот момент, и наслаждаюсь положительной энергией, исходящей от общественного центра. Это новая глава, это мой шанс, чтобы отдать больше, чем мне позволено.

Мне нужно почувствовать хорошее в себе. Мне нужны эти перемены, что — то, ради чего жить, потому что иначе, я не знаю, куда меня занесет. Это чертовски темный путь, он каждый день искушает меня. Проснувшись утром, я решил жить, двигаться дальше и продолжать страдать от демонов, которые висят над моей головой, но блядь, если нет соблазна покончить со всем этим.

Мне, блядь, это нужно.

— Выглядит здорово, не так ли? — Раздается за спиной голос Джорджа, адвоката Джетта.

Я оборачиваюсь и вижу доброе лицо с нежной улыбкой, когда он салютует мне двумя пальцами. — Кейс, рад тебя видеть.

— Я тоже, Джордж, — отвечаю я, протягивая руку Джорджу. Он сильно пожимает ее и смотрит на здание, надежда отражается в его глазах.

— Я сомневался что «Справедливость» осуществится, но, черт возьми, это здорово, видеть его поднятым.

Я съеживаюсь и со смехом качаю головой. — Джордж, не говори «поднятый».

Он тоже начинает смеяться и говорит: — Пока вы, молодые ребята, не придали этому слову грязное значение, мы привыкли говорить, что здания поднимаются повсюду. Это не моя вина, это у вас грязные умы.

— Сейчас не 20-ые года, Джордж. Пришло время, начать жить настоящим.

— Поэтому ты улыбаешься? Ты, наконец, живешь настоящим?

Оказавшись застигнутым врасплох, я опускаю голову и киваю. Джордж не знает деталей моего прошлого, но, учитывая распространение новостей об убийстве в баре, гигантский депозит, который Джетт перевел на банковский счет в оффшоре, и прикрытие, которое обеспечил Джордж, вероятно, он сложил дважды два. Он не тупой.

— Что — то вроде этого, — говорю я, оборачиваюсь и снова осматриваю центр.

По какой — то причине, осмотр здания успокаивает меня, заставляя забыть о прошлом, и дает надежду на новое будущее.

— У вас есть ключи? — спрашиваю я у Джорджа.

— Да.

Он со звоном вытаскивает ключи из кармана и протягивает мне. Когда холодный

металл ложится в мою ладонь, я понимаю, что воспользуюсь шансом, который мне дали. Я попытаюсь быть тем человеком, каким мои родители бы хотел, чтобы я был.

Я иду к зданию с обновленным чувством жизни.

Большие деревянные двери общественного центра возвышаются надо мной, когда я перебираю ключи в поисках нужного. Мы хотим установить электронную систему безопасности, но это произойдет позже, так как Джетт не может определиться какую хочет. Он был очень отвлечен в эти дни, и это не из — за объема работы. Нет, виной тому, великолепная женщина, прилепленная к его бедру. Не могу винить его. Я бы тоже был отвлечен.

Дверь со скрипом открывается, скрип, который издает только новая дверь, и на меня обрушивается запах краски, исходящий от стен. Я рад видеть, что стены окрашены в темно — фиолетовый, символ справедливости в Новом Орлеане. Стены темные, но мансардные окна пропускают достаточно света, делая пространство ярким и веселым.

В центре находится стойка администратора, рядом довольно обширная пробковая стена с письменным столом. Это будет стеной «задач», где участники смогут посмотреть, что происходит в течение недели. Справа по коридору, располагаются классы для групповых занятий, учебных возможностей, и детский сад. Я уже видел эти помещения; их достаточно, чтобы проводить различные занятия одновременно. В одних есть столы, в других зеркала и спортивное оборудование. Это хорошо построенные помещения, но это не те комнаты с которыми я с нетерпением жду встречи. Комната, которую я до зуда хочу исследовать, находится слева.

— Не торопитесь, Джордж, и осмотритесь вокруг. Я пойду в этом направлении. Спасибо за ключи.

— Без проблем, Кейс, — удаляясь, отвечает Джордж.

От волнения, волоски на затылке становятся дыбом, пока я прогуливаюсь по левому коридору. Черно — белые фотографии спортсменов украшают стены. Эти спортсмены были героями, людьми на которых ровнялись, те, кому подражают дети, но не кто — то вроде меня.

Меня охватывает дурное предчувствие, когда понимаю, во что ввязываюсь. Эти дети будут ровняться на меня. Они ждут, что я помогу с их проблемами, буду честным наставником. Я не готов к этому, и не знаю, буду ли когда —нибудь. Я разрушен и нечестен, не подходящая кандидатура для наставника.

Я остаиваюсь у входа в комнату, на которую с нетерпением хотел взглянуть. Это должно стать новым стартом для меня, но по какой — то проклятой причине, я не могу смириться с тем, что я не достаточно хорош для этого. Мне не должны давать возможность, влиять на молодые жизни. Что я могу им дать?

Медленно, я делаю шаг назад. Это не для меня. О чем, черт возьми, я думал? Я действительно считаю, что могу изменить чью — то жизнь, если не могу ничего сделать со своей?

Развернувшись, я сталкиваюсь с кем — то позади меня.

— Уф, — раздается мужской голос. — Смотри, куда идешь.

Я должен был знать, что Джетт будет сегодня здесь, терпеливо ожидая, пока я найду свою комнату.

— Как думаешь, куда ты идешь, зверь? — спрашивает Джетт.

— Не называй меня, блядь, так. — улыбка грозитя растянуть мои губы.

— Не избегай вопроса.

Качая головой, я говорю, — Это не для меня.

— Ерунда, — отвечает Джетт. — Не начинай это дерьмо, снова. Ты берешь этот центр на себя, и поможешь обществу.

— Ты действительно думаешь, что я идеальная кандидатура для управления этим местом? Дети будут ровняться на меня. Они будут сравнивать меня с этими спортсменами на стенах. Что скажут о твоём общественном центре, если некий бывший боксер, принимавший стероиды, будет учить детей, как улучшить их жизнь?

— Ты, яркий пример второго шанса. Ты понимаешь, что дети, которые придут сюда, будут пытаться убежать? Им нужен кто — то, как ты, чтобы показать им, что жизнь, блядь, не совершенна, это нелегко, но с упорством, они могут чего —нибудь достичь.

Я прислоняюсь к стене и сползаю на пол, зарываясь руками в волосы. — Единственная проблема в том, Джетт, что я не решил свои проблемы. В «Клубе Лафайет», я околачивался вокруг, диктуя девушкам что делать, но что в действительности я сделал?

— Ты надрывал задницу, чтобы дать деньги...

— Не надо. — Я смотрю на него. — Блядь, не упоминай об этом и не говори, что это имеет какое — то значение. Это моя работа, моя обязанность. Я делал это, не для себя.

Это не мой выбор, давать деньги семье, которую я разрушил. Это мой долг, убедиться в том, что о них заботятся.

Джетт выглядит разочарованным. Он не может ничего скрыть, особенно от меня. Я знаю, что ему нелегко понять, что я чувствую. Знаю, он хочет, чтобы я двигался дальше, но он не может контролировать все вокруг.

— Когда ты прекратишь жалеть себя?

— Жалеть? — Рычу я, ему в лицо. — Ты думаешь, что это жалость?

— А что еще? Лучше попытаться измениться к лучшему, чем хандрить, и как проклятый дурак, жалеть себя.

Я знаю, что он подначивает меня, пытаюсь нажать на мои кнопки, но я не могу помочь и позволяю этому влиять на меня. Он знает, как попасть в мою голову, и нарочно делает это, прямо сейчас.

— Я не жалею себя, — я стискиваю кулаки. — Я знаю, что сделал. Я разрушил...

— Эй, ребята. — В коридоре появляется Голди, с огромной улыбкой на лице, ее волосы собраны в хвост, а зеленый сарафан, украшает изящную фигуру. — Ух, похоже, вы обсуждали что — то серьезное. — Не получив подсказку, она подходит к нам, потирая руки. — О чем говорим?

— Ни о чем, — отворачиваясь, отвечаю я.

— Боже, у него снова мужские месячные? У меня есть тампоны в кошельке, если нужно, — говорит Голди и Джетт фыркает. — Кейс, это фантастический день. Попробайся быть счастливым.

— Да, все что угодно, — говорю я, упирая руки в бедра.

— Прозвучало убедительно, — саркастически говорит Голди. — За такое актерское мастерство, его не пригласят сниматься в кино, но он может похвастаться своим телом. Хм, несколько уроков актерского мастерства могли бы это поправить, но он самоотвержен, для его работы? Он не слишком увлечен, делая свое тело совершенным? Он готов проводить время за бортом лодки? Если он возьмет несколько уроков, я бы хотела представлять его интересы. Как ты думаешь? — спрашивает она Джетта, обнимая его за талию.

— Я думаю, ты стала бы отличным агентом для Кейса, — отвечает Джетт, целуя ее в кончик носа. С тех пор, как они начали встречаться, Джетт поддерживает любые идеи Голди.

— Я тоже, — визжит она. — Тогда решено, Кейс. Теперь, я представляю тебя.

Закатывая глаза на классическую ерунду, сказанную Голди, я говорю, — Я не в деле, но спасибо за внимание.

— Ты отказываешься от фантастической возможности. Подумай об этом.

— У меня все в порядке.

— Но я буду брать всего тридцать процентов.

— Хорошо, — говорит Джетт, улыбаясь ей. — Посмотрите на моего маленького будущего предпринимателя.

— Тридцать процентов, это возмутительно. — Я позволяю ей глупо меня подбадривать. Блядь, я ненавижу, что она влияет на меня.

— Я стою этого.

Я осматриваю ее сверху вниз. — Если ты не будешь приносить мне контракты голой, тридцати процентов это не стоит.

— По осторожней, — предупреждает Джетт, заставляя меня смеяться над его ревностью. Я только что был в плохом настроении. Черт их подери.

— Я могу раздеться за тридцать процентов. — Голди протягивает руку, чтобы пожать мою.

Джетт быстро хватается за руку и притянув к себе, говорит: — Блядь, я тебе устрою. Клянусь, я не позволю тебе выйти из дома.

— Ты угрожаешь, что свяжешь меня? — ее глаза загораются.

— Не искушай меня, малышка.

Выглянув из — за Джетта, чтобы посмотреть мне в глаза, она говорит, — я разденусь за двадцать.

— Вы закончили, — отвечает Джетт.

Джетт обнимает Голди и поворачивается ко мне. Он указывает на комнату справа в конце коридора. — Это твое новое святилище. Научись бороться с этим. Ты заслуживаешь это, и обязан сделать это ради себя, чтобы, по крайней мере, дать этому шанс.

Джетт уводит визжащую Голди в другой коридор общественного центра, оставив меня с моими мыслями. Иногда, мне хочется врезать дерзкому ублюдку за его способы «спасения». Его отношение к тем, кто нуждается во втором шансе похвально, но я не хочу быть одним из тех, кого он спас. Я не верю, что заслужил это.

Я осматриваю комнату и вижу черную дверь с небольшим окном, оно достаточно большое, чтобы заглянуть туда и увидеть, что комната занята. Поскольку двери новые, на окне приклеена пленка, скрывающая содержимое.

Рядом с комнатой, висит табличка с названием. Приближаясь, ком в горле начинает расти от надписи на рельефном металле. Я провожу пальцами по табличке и читаю надпись.

— Туманная комната, — произношу вслух, опуская голову.

Я мгновенно переносусь в тот день, когда получил прозвище Кейс «Туман» Хейвуд. Это был мой первый бой. Я был любителем, но за мной стоило наблюдать и высматривать. Я был так чертовски молод, полон жизни и целей.

Мой противник, был слишком молод, не так хорошо обучен и талантлив как я, и после быстрого удара в челюсть, он упал. Чистый нокаут. В тот вечер, диктор сказал, что я

напустил туман на арену, предупреждая будущих соперников, что со мной не стоит шутить. Я хотел поднять бокс на новый уровень.

Гнев нарастает, и у меня чешутся руки оторвать табличку. Я не хочу напоминаний о том, кем я был. Этот человек мертв.

Я хватаю край таблички и тяну ее, но знаю, что ее невозможно отодрать. Зная Джетта, он приказал строителям вмонтировать чертову штуку, чтобы я не смог ее оторвать. Джетт плохо меня знает, я не против снести стену.

Я стою перед дверью, с желанием войти и увидеть, что внутри, но стук моего сердца мешает войти. Когда я войду в эту комнату, воспоминания вернуться, и я не уверен, что готов к этому.

Блядь!

Я падаю на пол и провожу руками по волосам. Я растерян, смущен, и борюсь с собой.

Я хочу эти перемены. Стоя перед зданием, я говорил себе, что это хорошие перемены, это новое начало. Как получилось, что мне трудно принять это?

Вина, с которой я жил, в течение последних нескольких лет, давит на меня. Это трудно объяснить, но жить повседневной жизнью, стало почти невыносимо.

Когда я рос, мои родители говорили, что у моих действий есть последствия и в ту ночь, когда я отнял жизнь у человека, я понял, как правдивы были их слова.

В груди вспыхивает боль, от осознания того, насколько сильно я тянул вниз мою семью, друзей и себя, и все потому, что я доверился не тому человеку.

Нет, я не могу обвинять других, что принял неверное решение. Я решал, что принимать. Я должен был изучить и разузнать получше.

Я был жалким ублюдком без будущего.

Прижав руку к груди, я задаюсь вопросом, когда пройдет боль? Когда я, наконец, буду жить без чувств и без возможности быть счастливым?

Это убивает меня больше всего. Я играю с возможностью быть счастливым. Крошечный шанс, показал, какой могла стать моя жизнь, если я поддамся искушению, и это было пыткой, потому что каждый раз, когда я думаю, что могу прожить другую жизнь, она ускользает от меня.

Глядя на дверь, я понимаю, что это один из тех моментов, когда у меня есть шанс найти умиротворение, но я чертовски нервничаю, чтобы принять его, потому что, как и все остальное в моей жизни, это могут у меня отнять, прямо из рук. Так же, как это случилось с моей спортивной карьерой, с моим будущим, когда я встретил Лайлу. По этой причине, я не могу приближаться к ней. Я не могу рисковать.

Это может измениться, не так ли?

Я стою и играю с ручкой. Все могло быть по другому. Кто может отнять это у меня? Джетт не может; именно он, дал мне эту возможность. Что по поводу моей репутации? Запятнает ли это репутацию центра? Возможно ли, что люди откажутся в этом участвовать, потому что не захотят связываться со мной?

В ушах раздается голос Джетта, говорящий о том, что этот центр нужен тем, кто нуждается во втором шансе, тем, кто хочет быть свободным и учиться. Может я смогу показать другим, что есть возможность получить второй шанс, хотя в глубине души, я не верю в это.

Сделав глубокий вдох, я вхожу в Туманную комнату.

Распахнув дверь, в меня ударяет запах новых борцовских матов и кожи. Я вытираю рот в

шоке и осматриваюсь.

В центре комнаты, находится ультрасовременный ринг с черно — фиолетовыми веревками, окружающими мини квадрат. Справа, к кирпичной стене примыкают груши с перфорацией, свисающие с потолка. Со своего места, я насчитал, по крайней мере, пять. Рядом находятся различные груши, пневматические, в форме тел и две двухконечные. В углу сложены совершенно новые боксерские перчатки, а на стене, напротив груш, разные TRX [4]снаряды, весы, скакалки, медицинские мячи и даже батут.

Помещение ультрасовременное, и у меня чешутся руки, воспользоваться тренировочным залом. Комбинации ударов формируются в голове, когда я подхожу к грушам и слегка толкаю их.

Блядь, это место удивительное.

Я прохожу вдоль ринга и скольжу руками по канатам, проверяя их прочность. Гладкая текстура возрождает воспоминания о том, как я прислонялся к канатам, пытаюсь отдышаться во время жестокой практики. Когда я на ринге, я чувствую, что я дома. Я надрывал задницу, ступая на брезент, потому что уважал эту священную землю. Этому меня учили. Это укоренилось в моем мозгу.

За рингом, находятся мини трибуны, на десять человек. Это место для зрителей, но оно расположено таким образом, что зрители могут наблюдать за всеми трудолюбивыми и целеустремленными спортсменами в зале.

В недоумении, я качаю головой. Джетт сделал все это, помня обо мне, зная, что когда я увижу эту комнату, то ни за что на свете, не смогу отказаться от его предложения. Подонок, все это время, знал об этом.

Я сажусь на верхнюю трибуну и осматриваю комнату. Видения о детях, обучающихся самообороне и дисциплине, поглотило пространство. Я чувствую запах пота, слышу удар перчаток пробивающих груши, вижу товарищеские отношения, которые образуются между ними.

Оценив оборудование, на меня, словно лавиной, обрушиваются идеи для тренировок. Волнение закипает под ложечкой, и я пытаюсь ослабить его, но оглядываясь в комнате, осознавая все это, чертовски трудно оставаться равнодушным.

Может, Джетт прав. Может, я могу показать всем, что возможно получить второй шанс. Может, я могу оказать положительное влияние на детей, которые войдут в двери этого центра. Я могу только надеяться, что мои демоны не съедят меня живьем, пока я буду пытаться найти новое место в мире.

Глава 10.

Мое прошлое...

Сквозь дождь, стучащий по лобовому стеклу, а я пытаюсь рассмотреть людей, стоящих на расстоянии около ста футов. Я не готов выйти из машины и увидеть тех, чьи жизни разрушил.

Я не спал четыре ночи, с тех пор, как ослепляющая ярость взяла власть над моим телом. Я пришел в себя, опираясь на кровавое, бездыханное тело Маршалла Дункана. Образ его безжизненного тела, не покидает меня. Много раз, я решался сдаться с повинной, но Джетт останавливал меня. Он нуждается во мне, чтобы я помог с его клубом и был тем, на кого он

может положиться. Я отступился от этой идеи, но черт подери, если не чувствую себя чертовски виноватым.

Мне предстоит встретиться с семьей, посмотреть, кто они и увидеть горе на их лицах. Встретиться с ними — это последнее, что я хочу сделать, но я заслужил это наказание. Я должен увидеть, чью жизнь уничтожил, отняв у них любимого. Мне нужно увидеть их боль, почувствовать ее. Я хочу подвергнуться пыткам.

На следующий день после драки в баре, я начал собирать все статьи о смерти Маршалла и читать их на ночь, выжигая слова в памяти. Для кого — то, моя коллекция статей, может показаться психопатическими действиями, но для меня, это действия сломленного человека. Я делаю так, чтобы напомнить себе, какой я ужасный человек. Я хочу убедиться, что мой мозг осознает, что я убийца, машина, которая не думает, но реагирует на эмоции. Я думал, что трудно потерять боксерскую лицензию, но не знал, что такое трудно, потому что здесь и сейчас, сидя в машине и глядя на толпу, одетую в черное, окружающую одного человека, — это самое трудное, что я когда — либо делал.

Дождь слегка успокаивается, позволяя четче видеть через лобовое стекло. Передо мной, на земле, разбросаны надгробия, они окружают группу друзей и семьи, пришедшие проводить Маршалла Дункана.

— Собираешься туда? — Джетт прерывает мои мысли.

— Да, — безэмоционально отвечаю я.

— Ты не должен этого делать.

— Я сделаю. Мне нужно увидеть их.

— Почему? — разочарованно спрашивает Джетт. — Ты еле держишь себя в руках. Почему ты думаешь, что от этого станет лучше?

— Я не думаю, что станет лучше. Это покажет все, что я забрал. Мне нужно увидеть его семью, посмотреть, как я повлиял на их жизнь. Я не могу быть эгоистичным ублюдком, который прячется в твоём клубе. Мне нужно точно знать, что последовало за моим решением.

— Он виноват в случившемся так же, как и ты, — отвечает Джетт.

— Нет. Черт, не обвиняй его.

— Кейс, он ударил тебя дважды. Он напрашивался на хук справа. Ты не можешь взять на себя вину за все это.

— Да, я могу, — выплевываю я. — Я тренированный боец. Я знаю свои пределы. Я знаю, как контролировать всплеск адреналина, когда меня провоцируют, и в ту ночь, я решил проигнорировать это. Я должен был уйти. Я должен был повернуться спиной, но, вместо этого, я вмешался. Я сделал выбор и направил свой гнев на человека, который был в неправильном месте в неправильное время.

— Как ты можешь так говорить? — недоумевает Джетт. — Он провоцировал тебя и усугубил все до такой степени, что ты сорвался. Это его чертова вина!

— Хватит! — кричу я. — Я не собираюсь проходить через это снова. Если хочешь, чтобы я остался, просто прими тот факт, что когда Маршалл Дункан умер, я умер вместе с ним. Я буду здесь для тебя, Джетт, и помогу с твоим клубом, но я не намерен прятаться за отговорками, чтобы чувствовать себя лучше. Я убил человека. Я убежал от его мертвого тела и живу жизнью, которую не заслуживаю. С этого дня, у меня нет никакой жизни. Я не заслуживаю быть счастливым, и я по — своему удостоверюсь в том, что все останется так, как есть.

Не позволяя Джетту произнести ни слова, я выхожу из машины, натягиваю капюшон черной кожаной куртки на голову и направляюсь туда, где ютятся скорбящие.

Подойдя к группе, священник торжественно произносит речь, я держусь в стороне, чтобы меня не заметили. Я не хочу проблем. Я хочу понести душераздирающее наказание, глядя в глаза женщине, которую погубил.

— Маршалл был уважаемым бизнесменом, любимым мужем и заботливым отцом. Он оставил этот мир слишком рано, но мы будем помнить то время, которое провели с ним, и хранить его в наших сердцах вечно.

Кишки скручивает от слов священника.

Заботливый отец... блядь.

Я смотрю на мокрую траву, наблюдая, как капли дождя каплют с моего носа на землю. Как можно пройти мимо этого? Как можно смотреть на жизнь каждый день, зная, что отнял дыхание у другого человека? Такое, вообще, возможно?

— Семья положит розу на гроб, пока сестра Маршалла будет играть на гитаре «Помни меня».

Раздается легкий звук гитары и на него накладывается печальный шум дождя, стучащего по крышке гроба. Я шагаю в сторону для лучшего обзора и смотрю на гроб, в ожидании увидеть семью Маршалла.

На мое плечо опускается рука, я оборачиваюсь и вижу Джетта. Он не согласен с тем, что я делаю, и не одобряет мой выбор, но я знаю, что он поддерживает меня. Он всегда будет.

— Кейс...

Я качаю головой и отстраняюсь. Он хочет, чтобы я ушел, но я не могу. Мне нужно увидеть его семью.

Джетт пытается потянуть меня за плечо, но я освобождаюсь и вижу ту, которая может быть женой Маршалла, она подходит к гробу с розой в руке. Она держит за руку маленькую девочку со светлыми кудрями торчащими из капюшона.

Мое тело немеет, когда осознание обрушивается на меня. Она будет расти без отца. Ей не с кем будет станцевать танец отца и дочери. У нее не будет человека, который проследит за ней, когда она начнет встречаться с парнями, некому будет вести ее по проходу в день свадьбы.

Я отнял это у нее. Я отнял у нее отца.

Жена кладет цветок на гроб и поворачивается в мою сторону. На мгновение, ее глаза встречаются с моими, и я вижу дыру в ее сердце, причиной которой стал я. Я вижу боль, которую причинил, лишение, которому ее подверг.

Это слишком.

Сердце бьется в груди, а дыхание становится прерывистым. Не оборачиваясь к Джетту, я говорю, — Вытащи меня отсюда.

Его сильная рука хватает меня за плечо, и ведет обратно к машине, не сказав ни слова. Не о чем говорить. Я животное.

Я никогда себя не прошу.

Глава 11.

Мое настоящее...

— Куда поставить эти ремни? — спрашивает Тутси, отрывая меня от мыслей. Я перевожу взгляд на самую блондинистую женщину, которую когда — либо встречал. Она несет аномально большую коробку и вот — вот упадет.

Я бросаюсь на помощь, выхватываю у нее коробку, чтобы она не ударилась о стену.

— Спасибо. — Она одергивает руки. — Ремни тяжелые. — фыркает она и отходит.

Я ставлю коробку на пол перед стойкой общественного центра к остальным коробкам, зарегистрированным в моей голове. — Ремни?

— Тутси, убедитесь, что Кейс не увидит коробку... — Голди замирает, когда замечает меня позади Тутси. — Вот дерьмо....

— Да, правильно "дерьмо", — говорю я. — Потрудись объяснить, почему здесь коробка с... — я наклоняюсь, заглядываю в коробку и перевожу взгляд на Голди. — Почему коробку с тысячей шелковых ремешков доставили в общественный центр?

Голди подходит и кладет руку мне на лоб. — Перестань беспокоиться, пока у тебя не случился инсульт. Это просто прощальные подарки.

— Прощальные подарки для чего? — спрашиваю я.

— Ничего, о чем бы тебе стоило беспокоиться, — отвечает Голди, пытаясь поднять огромную коробку с пола. Джетт называет ее "маленькой" не без основательно.

Вместо того, чтобы помочь ей, я стою и смотрю на ее попытки. Она пытается ухватить коробку с разных сторон и даже пинает ее ногой, чтобы толкнул по полу, но в конце концов, просто сдается.

Бросив в меня гневный взгляд, Голди говорит, — Тебя не затруднит помочь?

— Я этим и занимаюсь.

Она топает ногой. — Кейс! Не будь задницей и помоги мне.

— Для чего эти ремни? — цежу я, сквозь стиснутые зубы. — Я отвечаю за центр и должен обо всем знать. Теперь скажи мне, почему в этой коробке тысяча ремней для общественного центра.

— Ты так раздражаешь, — скулит она.

— Ну...? — я жду.

Она сдается, как я и предполагал. — Хорошо. Мы собираемся предложить уроки танцев на пилоне[5], и подумали, что подарочная сумочка для посетителей будет хорошей идеей.

— Нет, — отрезаю я, возвращаясь к стойке регистрации и проверяя документы. Центр открывается через несколько дней. Это сложно назвать открытием, но, тем не менее, это открытие, и я хочу быть готовым. Для начала, мы будем предлагать только несколько занятий, но как только все утрясется, мы расширим график.

— Нет? — переспрашивает Голди, подойдя к стойке. — Как ты можешь, просто сказать нет?

Я смотрю на нее. — Потому что могу.

— Ах! Я хочу задушить тебя, — жалуется она. — Ты в курсе, что танцы на пилоне это хорошие физические упражнения?

— Голди, мы не собираемся...

— Она права, ты знаешь, — прервав меня, раздается голос Лайлы и она обнимает Голди за талию. — У меня есть целый список желающих прийти на занятие в пятницу. — с нахальной уверенностью, Лайла бросает папку с именами на стойку и ухмыляясь, смотрит на меня.

— Смотри! — радуется Голди. — Полный класс! Они уже популярны, а мы даже не начали.

Конечно, в Новом Орлеане, места на уроки по танцам на пилоне заполнены. Но я не хочу, чтобы в центре были эти уроки. В Справедливости должна быть благоприятная, семейная обстановка, а не атмосфера ночного клуба, которая приходит мне в голову из — за девочек с их коробкой ремешков.

Уперев руки в бедра, я смотрю на Голди. — Ладно, умные задницы, как вы собираетесь учить танцам на пилоне без пилонов?

Она отворачивается на секунду, а потом говорит: — У нас есть пилоны.

— О чем ты говоришь?

Прикусив палец, она отступает от прилавка. — Я уговорила Джетта установить их в для меня.

— Что! — взрываюсь я. — Почему, блядь, он сделал это, когда я несу ответственность за это место?

Голди съеживается и отступает к Лайле, наблюдающей за происходящим. — Может потому, что я сказала, что ты это одобрил.

— Черт возьми, — выдыхаю я, проводя рукой по лицу. Собрав всю силу воли, чтобы не улететь в дальний конец, я указываю на нее и говорю: — Прделай что — нибудь у меня за спиной снова, и тебе, блядь, не понравится результат.

— Мне очень жаль, Кейс, — извиняется она.

Я ухожу в зал для бокса. Могу сказать, что она совсем не сожалеет, потому что, когда я уходил, она обсуждала с Лайлой и Тутси новый урок, который будет предлагать Справедливость.

Даже ненавидя его, я улыбаюсь и качаю головой, позволяя Голди сделать по своему.

Оказавшись в Туманной комнате, я вдыхаю богатый запах свежей кожи и новых деревянных полов. Мне понадобилось пару дней, но я, наконец, оценил жест Джетта, жест, который воссоединил меня с чем — то, что так несправедливо отняли у меня. Это странно, оказаться в окружении того, что я так сильно люблю, но я начал пользоваться преимуществами новой комнаты. Я ничего не могу поделать, это моя новая игровая.

Я подхожу к стерео, расположенному у стены, и нажимаю кнопку воспроизведения. Динамики разрывают классический рок, настраивая меня на нанесения некоторых повреждений. Я снимаю рубашку, хватаю скакалку и начинаю скакать, чтобы согреться. Сначала прыгаю медленно, разогревая мышцы, когда чувствую себя комфортно, начинаю крутить веревку быстрее, наслаждаясь вызовом удерживать интенсивный темп. Через несколько минут, на лбу выступает пот и начинает стекать по спине.

Довольный разминкой, я быстро обматываю руки, хватаю пару перчаток и закрепляю их на запястьях. Пришло время напасть на грушу.

Голос Фредди Меркьюри гремит из динамиков, пока я кружу вокруг груши, нанося хуки справа и апперкоты слева. Чередуя удары, я обрушиваю всю сдерживаемую агрессию на грушу, сосредоточив внимание на одном и только одном: ощущении кулака соединяющегося с грушей заполненной песком.

Большая ударная сила опьяняет, это именно то, что мне нужно.

Кошмары ухудшаются, они преследуют меня каждую ночь, и я не уверен, что дело в новом предприятии, к которому приступил, или в том, что я ежедневно боксирую и выпускаю демонов, которых так долго скрывал, но что бы то ни было, по ночам, я

переживаю мои худшие грехи. Каждое утро, я просыпаюсь в холодном поту. Мне необходима, по крайней мере, одна тренировка по боксу, чтобы избавиться от саднящего тревожного чувства, с которым я просыпаюсь почти каждый день.

Хук справа, хук справа, хук справа.

Я хватаю грушу левой рукой и наклоняю ее, нанося удары с правой стороны. Боль в груди облегчается с атакой «на полную», и я чувствую, как с плеч спадает груз.

— Полегче там, — кричит кто — то, сквозь музыку, замедляя мою тренировку.

Лайла убавляет музыку, чтобы она не ревела на полную. До этого я не рассмотрел ее так как моей целью являлось избегать эту женщину, но теперь, когда я с ней в «Туманной комнате», у меня нет другого выбора, кроме как наслаждаться ее внешностью. Ее волосы свободно рассыпаны по плечам. На ней легкая кремовая майка, под которой просвечивает бирюзовый бюстгальтер, поддерживающий ее аппетитную грудь. В довершение ко всему, она в коротких шортах с карманами, которые свисают чуть ниже кромки. Я не ожидал ничего иного, Лайла способна найти самые короткие шорты в магазине. Короткого взгляда на ее сандалии и распущенные волосы достаточно, чтобы разогнать кровь по венам, напоминая, что я жив. Она чертовски великолепна, и к сожалению, я не могу ни черта с этим поделать.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, снимая зубами перчатки.

Она пожимает плечами и оглядывается. — Просто решила осмотреться. Знаешь, может взять пару уроков.

Улыбаясь, Лайла берет пару боксерских перчаток и подходит ко мне. Ее грудь колышется с каждым шагом, заставляя меня отвернуться, иначе я прижму ее к стене в считанные секунды.

— Уроки? — спрашиваю я, выгибая бровь. Я складываю руки на груди и прислоняюсь к стене, ожидая ее ответа.

— Да, я слышала, что здесь преподает профессионал.

Я выпрямляюсь, при упоминании моего прошлого.

— Лайла...

— Интернет забавная вещь, Кейс. Там можно найти что угодно, особенно если человек был в центре внимания.

Во мне вспыхивает ярость, и я пытаюсь подавить свой гнев, но его слишком много, слишком много неудовлетворенной агрессии. Я не хотел, чтобы она искала меня в Интернете. Кто знает, что она могла найти.

Я говорю ей прямо в лицо, — Ты не имела гребаного права, копаться в моем дерьме.

— Общественная информация, — Лайла пожимает плечами, не удивленная моей близостью. — Если ты не говоришь, то я поищу сама. Знаешь, что забавно, а? Проводя исследование, я узнала, что из — за употребления стероидов, ты потерял лицензию.

— Мы закончили, — говорю я и прохожу мимо нее, задев плечом, чтобы на секунду вывести ее из равновесия.

Когда я уйду, прошлое обрушивается на меня в полную силу. В то утро, мне позвонил Дейл и раздавил меня. Болезненные воспоминания той ночи, вырываются на первый план в моей голове. Я не хочу переживать это. Я знаю, что заслужил жить со своими грехами, но не сейчас. Не в комнате с Лайлой.

Повернувшись к ней спиной, я держусь за стену и опускаю голову, пытаюсь избавиться от тошноты.

Лайла подходит ко мне, кладет руку на спину и говорит, — Давай поговорим об этом.

Я оборачиваюсь.

— Я не хочу, к черту, говорить об этом. Ты не мой психиатр, так что, сделай одолжение, и уйди.

Мой голос эхом разносится по комнате, но это ее не останавливает. Она продолжает преследование в попытке "помочь" мне.

— Я не верю, что это правда, — мягко произносит она. — Я не верю, что ты мог сделать такое со своим телом, не после того, как я увидела твою сильную рабочую нравственность, которой ты обладаешь. Это не клеится.

Я пробегаю руками по лицу, пытаюсь избавиться от воспоминаний. Лайла остановилась на полуслове. — Что? — спрашиваю я, шокированный ее заявлением.

— Я не верю в обвинения, — она вытаскивает листок из заднего кармана и разворачивает. — Это сделал твой тренер. Видишь? — она указывает на листок, словно разгадала величайшую тайну.

— Я знаю, что это он сделал, — отвечаю я, немного расслабляясь.

— О, — изумленно произносит она. — Ну, если ты знал, что это сделал он, то почему не очистил свое имя?

Я качаю головой и смотрю под ноги. — Слишком поздно.

— Никогда не поздно...

— Это чертовски поздно, Лайла, так что, просто брось это.

Прислонившись к стене, я скрещиваю ноги в лодыжках и руки на груди. Взгляд Лайлы опускается на мою голую грудь, и она облизывает губы, как будто я ее обед, ожидающий, чтобы его употребили.

— Не смотри на меня так, — говорю я.

— Я могу смотреть на тебя, как хочу. Ты не мой босс, — с вызовом, отвечает она

— Созрела, — я киваю.

— Это правда, но если тыпустишь меня в свой закрытый мир, то я позволю тебе быть моим боссом.

Предложение невероятно заманчиво, контролировать болтливую, но сексуальную женщину, стоящую передо мной, этим я безмерно наслаждаюсь, но это означает впустить ее в мой мир, давая ей понять, кто я на самом деле, этого я просто не могу сделать.

— Заманчиво, но я пас, — отвечаю я.

Лайла пожимает плечами, словно не удивлена моим отказом, и начинает надевать боксерские перчатки, которые держала в руках. Первую она одела легко, но со второй приходится бороться, потому что она больше не может использовать правую руку. У опытного боксера не возникает с этим проблем, но она новичок, и это мучительно очевидно, что она понятия не имеет, что делает.

Инстинктивно, я подхожу к ней и выхватываю перчатку. Ее зеленые глаза ищут мои, когда я протягиваю открытую перчатку, чтобы она просунула руку. Губы Лайлы трогает легкая улыбка, когда ее рука оказывается в перчатке. Одев перчатки, я помогаю зафиксировать ремни. Она ударяет кулаками, чтобы проверить их. Судя по блеску в глазах, она счастлива, что они подошли.

Она слегка хлопает меня по плечу перчаткой и говорит: — Спасибо. — Затем еще раз постукивает перчатками и отскакивает на цыпочках. — Ладно, как это работает?

Качая головой, я хватаю ее за руку и веду к ряду груш. — Иди вперед. — я киваю на

первую в ряду.

— Просто ударить ее? — спрашивает она, выглядя горячее, чем ад в ее скучном наряде и боксерских перчатках. Образ Лайлы, одетой только в перчатки и, возможно, привязанной к изголовью моей кровати, мелькает перед глазами. Я не прочь увидеть это зрелище.

— Ударь ее, — подтверждаю я.

Лайла отводит руку назад и направляет ее так, словно собирается сделать самый сильный удар. Прежде, чем она нанесет себе серьезный ущерб, я хватаю ее за руку и останавливаю.

— Эй, я собиралась выпотрошить этого ублюдка. — она кивает на мешок.

— Да, и ты, скорее всего, сломала бы запястье, делая это. — стоя за ней, я обнимаю ее и беру за запястье. — Видишь? — я дышу ей в ухо. — Это слабое запястье, которое может сломаться, если ты не будешь осторожна. Оно не устойчивое, и тем не менее, ты собиралась ударить по этому плохому мальчику. Ты могла сломать что —нибудь.

Лайла прислоняется спиной к моей груди и поворачивает ко мне лицо, щекоча волосами мое плечо. — Хорошо, так научи меня бить.

Она затаила дыхание, и слабый цветочный аромат донесся с ее волос, практически ставя меня на колени.

Я хочу ее.

Я провожу рукой от запястья и выше, чувствуя как по ее коже пробегают мурашки от моей близости. Я останавливаюсь на локте и тяну ее руку назад, показывая правильную технику удара, все время крепко держа ее за бедра.

— Просто отвести назад и отпустить? — спрашивает Лайла, и ее лицо оказывается напротив моего, убивая зелеными глазами. Я киваю, не в состоянии открыть рот в случае, если я скажу какую —нибудь глупость.

— Хорошо, смотри.

Она с шумом отводит руку назад и бьет по боксерской груше. Внезапно вскрикнув, Лайла наклоняется и сжимает запястье. Она садится на пол и начинает раскачиваться взад — вперед, держась за руку.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, садясь рядом и притягивая ее к себе на колени, чтобы взглянуть на руку.

— Сними их, — говорит она, имея ввиду перчатки.

Я быстро снимаю левую перчатку и отбрасываю в сторону. Перейдя к правой руке, я крепко держу ее, отцепляю ремешки и вытаскиваю руку, опасаясь, что найду выпирающие кости. К моему удивлению, все в порядке. Нет синяков или отека. Я осматриваю руку на предмет повреждения, но натываюсь на злую усмешку.

Прежде, чем я успеваю пошевелиться, Лайла седлает мои колени и толкает на пол.

— Что, черт возьми, ты собираешься делать?

— Нахожу положение, которое понравится нам обоим.

— Тебе больно? — спрашиваю я, стараясь оторвать взгляд от ложбинки, которую Лайла подает мне на блюдечке с голубой каёмочкой.

— Нет, — она опускается так, что ее лицо оказывается в нескольких дюймах от моего. — Я просто хотела, чтобы ты оказался в положении, в котором я смогу соблазнить тебя.

— Этого не случится, Лайла, — выплевываю я, раздраженный тем, что она симулировала травму, чтобы оседлать меня и то, что я повелся на это.

— О, на самом деле? — ее рука соблазнительно проходится вниз до моей промежности, и от одного ее движения, я моментально твердею. Я не могу сопротивляться этому, не тогда, когда я с такой великолепной и обольстительной женщиной. — Похоже, что твой член поет другую песню, — поддразнивает она.

— Что ты ожидала, когда твоя рубашка на распашку? — киваю я в сторону рубашки. Она смотрит вниз, улыбается, тянет за подол рубашки и снимает ее, обнажая свое прекрасно тонированное тело.

— Так лучше? Я не хочу, чтобы моя рубашка отвлекала вас.

— Дело в содержимом, а не в рубашке.

— Мм, мне нравится, когда ты такой капризный. — Она проводит руками по моей голой груди, слегка царапая.

— Лайла, — предупреждаю я, начиная терять контроль.

— Пригласи меня на ужин сегодня вечером, — просит она.

Я бы не удивился, если бы она пнула меня между ног. — Что? — спрашиваю я, в замешательстве от смены темы и смены ее отношения.

— Пригласи меня на ужин, Кейс. Пригласи меня на свидание. Это меньшее, что ты можешь сделать.

Лайла лежит на мне, упираясь локтями в мою грудь, и смотрит на меня сверху вниз. Если я сосредоточусь, то почувствую вес ее груди на своей, и это заведет меня еще больше.

— Это меньшее, что я могу сделать? Как ты до этого додумалась?

— Ты не можешь трахнуть девушку и оставить ее возбужденную у стены, задаваться вопросом, что, черт возьми, только что произошло, по крайней мере, не такую, как я. Ты задолжал мне свидание, если собираешься оставить меня в стороне, как тогда.

— Не поздновато ли? — спрашиваю я.

— Да, но ты должен мне. Мы трахались и теперь, ты должен мне свидание. Таковы правила.

Я хватаю Лайлу за бедра и пытаюсь снять с себя, но она упирается руками и ее рот висит над моим.

— Ты знаешь, что хочешь этого, — поддразнивает Лайла.

Я много чего хочу сделать с этой женщиной, но трахать ее у зеркала в Туманной комнате, плохая идея.

— Пожалуйста, — просит она, хлопая ресницами. Лайла обхватывает мое лицо и очень медленно опускает свой рот на мой. Я с силой хватаю ее за бедра, закрепляясь.

Низко зарывчав, я хватаю ее за затылок и притягиваю к своим губам, чтобы она не могла двигаться. Лайла приоткрывает рот, давая мне доступ. По моему телу растекается тепло, от ее прикосновений, от того, как ее язык подходит моему, и тепло ее тела проникает в меня.

Моя рука, которая до этого была на ее бедре, находит застежку лифчика и ломает ее, бретельки начинают спадать по ее плечам.

Я думал, что знаю, что такое совершенство. Я был чертовски неправ. Как я мог упустить тот факт, что Лайла воплощение всего, что я ищу в женщине. Ее кожа красивого цвета мокко, ее глаза проникают в меня каждый раз, когда я смотрю в них, и ее характер отлично мне подходит. Она не мирится с моим дерьмом, поэтому, я в нескольких дюймах от того, чтобы раздеть ее в новом общественном центре.

— Я что — то прерываю? — спрашивает Голди, стоя в дверях Туманной комнаты.

— Черт. — мямлю я, пытаюсь поднять Лайлу, но она просто хихикает и прижимается ко

мне, не предпринимая попыток уйти. — Лайла, — предупреждаю я.

— Похоже, вы собираетесь окрестить новые маты, — говорит Голди, приближаясь к нам.

— Это не то чем, кажется, — отвечаю я, лежа с полураздетой Лайлой растянувшейся на мне.

— Не то чем, кажется, да? — спрашивает Голди, садясь рядом с нами со скрещенными ногами. Она указывает на наши переплетенные тела, и говорит, — Похоже, вы обжимаетесь на полу и собираетесь забить вторую базу, судя по тому, что у Лайлы снят бюстгальтер.

— Кейс, расстегнул его, — с гордостью говорит Лайла.

— Я уверена, что расстегнул. Он всегда был повернут на твоих сиськах.

— Нет, я нет, — вру я.

— Ой, смотрите, он краснеет, — говорит Лайла, похлопывая меня по лицу. — Как восхитительно. Все в порядке, Кейс. Мои сиськи довольно горячие. — она наклоняется, целует меня в губы последний раз и садится мне на колени.

Я с восхищением наблюдаю, как соскальзывает ее бюстгальтер, обнажив грудь на несколько секунд, но затем она поправляет его, пряча самый сексуальный вид, который я когда — либо видел.

Я знаю, что Лайла чувствует мое возбуждение, и пересев ко мне на колени, она подмигивает, давая понять, что она точно знает, что делает со мной.

Она поворачивается к Голди, которая улыбается, как придурочная, и говорит, — Кейс ведет меня на свидание, сегодня вечером.

— Ах! Ура! — от восторга, Голди хлопает в ладоши.

— Нет, я нет, — отвечаю я, раздраженный этими двумя, которые не должны оставаться наедине.

— Ладно, большой парень. Ты не должен стесняться. — Лайла поворачивается к Голди. — Иногда, он может быть таким нежным и сладким, но не хочет, чтобы люди думали, что он становится мягче.

— Сами знаете, во мне нет ничего мягкого, — цежу я, сквозь зубы.

— Ой, — воркует Голди, поглядывая на меня. — Похоже, ты разбудила в нем медведя.

Лайла пожимает плечами. — Я и раньше имела с этим дело. Быстрый нажим на мошонку, и все будет в порядке. Не так ли, Кейс?

— Притрись к моей мошонке и я отрежу твои руки.

— Черт, — отвечает Голди. — Будь повнимательней с девушкой, Кейс.

— Что тебе нужно? — спрашиваю я у Голди, ненавидя, что она прервала мой петтинг с Лайлой.

— Доставили полотенца, я хотела узнать, не хочешь ли ты, чтобы я распределила их по раздевалкам?

Проводя рукой по лицу, я медленно вздыхаю. — Это не может подождать?

— Сожалею. Я не знала, что сейчас время секса в «Туманной комнате». В следующий раз, оставь галстук на двери или презерватив на ручке, чтобы я знала, что не надо входить.

— Простирай полотенца и распредели их, — приказываю я, игнорируя ее сарказм.

— Спасибо, человек — босс, — отвечает Голди, поднимаясь. — Повесить презерватив на дверь?

— Убирайся, — кричу я, от чего она визжит и начинает смеяться.

Когда дверь закрывается, я перевожу взгляд на Лайлу, сидящую у меня на коленях.

— Ты будешь сидеть так весь чертов день, или позволишь мне встать?

Лайла молча встает и поднимает свою рубашку. Она быстро надевает ее и, не глядя на меня, направляется к двери.

Я должен позволить ей уйти, потому что так будет лучше, но черт, если я до сих пор не чувствую тепло ее тела. Я не хочу потерять это чувство.

Со стоном, я догоняю ее и тяну за руку, пока она не ушла. Когда я разворачиваю ее, гигантская улыбка озаряет ее лицо.

Офигеть. Она играет со мной.

— Дерьмо, — бормочу я.

— Я знала, что ты заинтересован. — она тычет мне в грудь своим пальцем с розовым лаком.

— Нет, — лгу я, еще раз.

— Ври о чем хочешь, Кейс, но я вижу по твоим глазам, как ты скучаешь по мне. Пристегни свои яйца, потому что ты ведешь меня гулять сегодня вечером. Мы проведем вечер живя настоящим, забыв о прошлом, по крайней мере, на пару часов.

Я склоняю голову и сжимаю ее бедра, желая, чтобы она просто отказалась от меня, чтобы оставила меня в покое, но решительность в ее глазах говорит мне, что этого не произойдет, в ближайшее время. Так что, я сдаюсь. — Во сколько за тобой заехать?

— Семь, — она прижимается своей грудью к моей и оставляет мягкий поцелуй на моей челюсти. — Не брейся. Я люблю, когда ты обросший.

Пока она не ушла, я не могу не спросить, — Почему, Лайла? Почему сейчас?

Она отвечает, через плечо: — Потому, что каждый заслуживает второй шанс в жизни, Кейс. Вопрос в том, когда ты примешь свой.

Черт возьми.

Глава 12.

Мое прошлое...

В один прекрасный день, все, что меня когда — либо заботило, и все, над чем я работал, полностью исчезло. Я обессилен. Я остался ни с чем, кроме изношенной пары боксерских перчаток, старой гитары и фотографии нас с Джеттом, когда мы были молоды. С этими вещами, помимо одежды, я переехал в новое жилье.

Первая комната, которую Джетт попытался дать мне в «Клубе Лафайет», не подошла. Это оказалась роскошная, дорогая комната, но я не хочу удобств. Я хочу простую, чем — то напоминающую клетку, в которой я и должен быть. К счастью, комнатка на первом этаже старого крыла для служащих, идеально подошла. После ремонта этой части здания, она стала более современной, но не такой шикарной, как остальные. Двухспальная кровать у стены, тумбочка, небольшое рабочее место и один стул, слева ванная комната. Из окна проникает минимум света, делая комнату холодной и стерильной. Она так близка к камере, как я хочу. Удивительно, насколько может измениться жизнь, в считанные минуты. В один момент, я на вершине карьеры, а в следующий, прячусь в особняке лучшего друга, помогая ему запустить мужской клуб для городской элиты. Не так я представлял свою жизнь.

Я часами учился взвешивать и принимать правильные решения, чтобы достичь своих целей и стать боксером, которым я всегда хотел быть. Но один неверный шаг, одно

упущенное суждение, и я потерял все. Я потерял свой дом, свою работу, но самое главное, я потерял уважение всех не только в моей жизни, но и всех, кто когда — либо верил в меня, особенно город, который я люблю.

Мой отец умер вскоре после того, как меня лишили лицензии, оставив после себя долги и злобный дневник, наполненный высказываниями, каким разочарованием я был. Я продал свой дом и все имущество и заплатил долги, оставшись ни с чем, кроме вины.

Единственный человек, который дал мне время — это Джетт, потому что он знает правду и знает, кто я на самом деле. Он знает, сколько проделано тяжелой работы и как сильно я люблю спорт. Он знает, что я не сделал бы ничего, чтобы поставить под угрозу мое будущее, только он верит в меня.

Я вешаю боксерские перчатки на гвоздь в стене и торжественно смотрю на них. Это символически и мучительно для меня. Это была моя карьера. Я упал, но нужно двигаться дальше.

Это следующая глава в моей жизни, но я, блядь, не готов двигаться дальше, но останавливаться не вариант, так что, я глотаю свою гордость, и открываюсь переменам, начиная работать нянкой. Вот как я это вижу, хотя Джетт сказал, что это намного больше. Видимо, клуб предлагает изобилие мероприятий, но с моим нынешним взглядом на жизнь, я не могу видеть картину целиком.

Раздается легкий стук в дверь, и входит Джетт с нейтральным выражением лица.

— Мне не нравится что ты здесь, — говорит он, оглядываясь по сторонам.

— Ты не можешь контролировать все на свете, так что, смирись, блядь, с этим, — отвечаю я и кидаю свою сумку на кровать. — Чего ты хочешь?

— В ближайшее время, придет первая девушка. Думал, что мы поприветствуем ее.

— Я думал, что ты хотел быть недоступным для этих женщин.

— Ну да, — отвечает Джетт. — Но Барбара другая. Она нуждается в большой помощи она в таком же состоянии, как и ты, и мне кажется, было бы неплохо, если ты встретишь ее.

— Ты чертовски прав, — соглашаюсь я. — Почему ты делаешь это, Джетт? Почему принимаешь всех этих женщин здесь? Пытаешься изменить их?

Джетт глубоко вздыхает и проводит рукой по лицу, явно не желая заводить этот разговор, но меня это не волнует. Последнее время, я думаю лишь о том, куда бы деть всеохватывающую боль в моей груди.

— Почему? — Снова спрашиваю я. — Это связано с отъездом Наташи? Ты просто не можешь быть с этой женщиной, поэтому привозишь в особняк других, трахаешь их, и разрешаешь остаться здесь?

— Это не так, — зло отрезает Джетт.

— Нет? Потому что именно так это и выглядит. Так скажи мне, если это не из — за Наташи, то что тогда?

— Я уже забыл о Наташе. Она может великолепно проводить время с Рексом, мне все равно, — раздраженно отвечает Джетт, явно не радуясь такому повороту событий.

— О, да, ты очень убедителен.

— Это связано с моей мамой, придурок, — выпаливает Джетт.

Отпрянув назад, я спрашиваю: — Твоя мама? Почему?

Джетт облачивается о дверной косяк и сует руки в карманы. Его черные брюки резко контрастируют с рубашкой, а волосы растрепаны, словно он проводил по ним руками. Я давно знаю Джетта, и видеть его почти взъерошенным, ключевое слово почти, для меня в

новинку. Он всегда и во всем уверен. Он никогда не сомневается в себе, но он встревожен из — за нового предприятия.

— Я чувствую, что мне нужно что — то сделать, чтобы почтить ее память и отдать дань ее короткой жизни. Я долго думал об этом, и единственное, что смог придумать — это помочь женщинам, которые пошли по тому же пути, что и она. Я не помог ей, но уверен, что могу помочь им, начиная с Барбары.

Я киваю и думаю о тех правилах и системе, которые придумал Джетт для этих женщин. Это сложно. Я еще многое должен понять, но я вижу, как он использует их знание как зарабатывать, находясь под контролем, это умно. В дополнение к танцам и зарабатывании денег на городской элите, девочки должны получить образование, что означает, что они не смогут навсегда остаться «Девочками Джетта». Если они собираются быть частью клуба, то они должны работать на развитие будущего за пределами того, что они знают.

Идея сумасшедшая, возможно, не принята внешним миром, но это может сработать. Если Джетт хочет почтить свою мать, кто я такой, чтобы помешать ему? Черт, когда мужчина хочет что — то сделать, он не позволит ничему встать на его пути. Я не собираюсь испытывать его пределы.

— Ну, мы должны пойти поздороваться с ней, — говорю я, кивнув Джетту. Он последний раз оглядывает голые стены и качает головой.

— Я хочу, чтобы ты переехал в комнату получше.

— Этого не произойдет, конец дискуссии. Давай выдвигаться.

Джетт вскидывает бровь. Дом кричит о старом свете, но все в городе считают по — другому. Джетт не человек из старого света. Он заработал свое состояние инвестируя, развивая контакты по всему городу и ведя честный бизнес, который был больше, чем у его отца, Лео.

Когда мы подходим к парадной двери, водитель Джетта обходит вокруг машины и открывает дверь для очень робкой женщины.

Барбара.

Волосы крысиного светло — грязного цвета и я не уверен, вымыты они или это ее истинный цвет. Она настолько худая, что одежда поглотила ее целиком. Ее глаза удивленно расширяются, от роскошного дома перед ней.

В руках зажат мусорный мешок, в котором уместилось все ее имущество. Я осматриваю ее с ног до головы, и мое сердце сжимается. Эта женщина нуждается в помощи, ей нужен второй шанс, и Джетт готов дать его ей.

Джетт выходит вперед. — Добро пожаловать, Барбара. Пожалуйста, проходите.

Она нерешительно подходит к нам, сжимая свои вещи, и осматривает нас. Облизав губы, она говорит.

— Сколько?

— Извините? — переспрашивает Джетт.

— Сколько я буду должна Вам за это? У меня нет наличных, но я могу отсасывать у Вас каждую ночь. В любом случае, я сделаю что — либо сексуальное. Просто скажите что, и я сделаю это, как минимум пять раз, вместо наличных.

Мой желудок скручивает от ее искренности. Я думал, что моя жизнь куча дерьма, но видя Барбару с отчаянием в ее глазах, я понимаю, что у меня не все так плохо.

— Барбара, Вы ничего мне не должны. Я хочу помочь.

Она разражается пронзительным смехом и ставит руку на бедро готовясь к сражению.

— Вы хотите «помочь»? — спрашивает она, используя воздушные кавычки. Она выходит вперед и тычет Джетта в грудь.

— Я не знаю что не так с Вами — богатеями, когда вы трахаете нас и отрицаете это, пока Вас в это не ткнешь. Это похоже на некий фактор позора для Вас. Позвольте сказать все, как есть. У меня есть отверстия. Используйте их, как Вам нравится, пока я влачу здесь свое жалкое существование.

Она выдыхает и проходит в дом. Джетт поворачивается ко мне с огромными глазами, и я еле сдерживаю смех от выражения его лица.

— У нее есть отверстия, Джетт, используй их, как тебе угодно, — с усмешкой, повторяю я.

— Христос, — бормочет Джетт, входя в дом.

По некоторым причинам я знаю, что полажу с Барбарой очень хорошо.

— Хорошее местечко. Парень получил добычу, — говорит Барбара, бродя по дому. — Я имею в виду, хром и кожа, неплохо. — Она поворачивается к Джетту и осматривает его с головы до ног. — Какова Ваша выгода?

— Это не должно Вас беспокоить, — обиженно отвечает Джетт. Чего он ожидал от такой девушки, как Барбара? Она неотесана и нетактична.

— Хм, Вы будете ходить с шилом в заднице, пока я здесь? — спрашивает Барбара. — Потому что, если честно, я предпочла бы его обойти, но я справлюсь. Мне, блядь, не впервые попадается такой богатый мальчик как ты. Ты бы хоть для приличия посадил меня в свой дубс. Так, где я буду спать?

— Барбара, ты здесь, чтобы стать лучше, получить образование и добиться чего — то в своей жизни, — продолжает Джетт, пытаясь помочь ей понять его намерения.

Хлопок жвачки, эхом раздается в зале, Барбара, скрещивает руки на груди и подозрительно разглядывает нас.

Она указывает на нас и спрашивает: — Вы вместе?

— Блядь, нет, — быстро отвечаю я, Джетт оборачивается ко мне с полуулыбкой.

— Слишком хорош для меня? — спрашивает он.

— Мы не делаем этого, — отвечаю я.

— Барбара, я покажу Вам Вашу комнату.

— О, собственный дворецкий. Как в фантазии, — огрызается она.

Я быстро разворачиваюсь и нахожу ее лицо.

— Бля, я не твой дворецкий, и не твой друг. Я здесь, чтобы убедиться, что ты делаешь то, что должна делать и соблюдала правила. Поняла?

Твердость в моем голосе заставляет Барбару сглотнуть и она кивает. Я иду за ней по лестнице, когда Джетт окликает нас.

— Прежде, чем Вы уйдете, Барбара, Вы больше не должны пользоваться своим именем. Теперь, когда Вы — «Девочка Джетта», Вы должны быть неуловимы. Единственные люди, которые будут знать, кто Вы, это Кейс и я. С этого времени Вас будут звать Бабс. Ваше прошлое — осталось в прошлом. Это — первый шаг к новому началу. Когда Вы покинете «Клуб Лафайет», у Вас будут образование и цель в жизни. Ваши дни на улицах закончены. Та жизнь, осталась позади. Пора идти дальше.

Хотя Джетт обращается к Барбаре, я думаю, он пытается достучаться и до меня. Новое начало? Никаких новых начинаний, там, где я обеспокоен.

Я веду Барбару, или Бабс, в ее комнату и открываю дверь. Это место гораздо приятнее,

чем мое. Сквозь стеклянную стену справа, проникает немало солнечного света. Оранжевые шторы обрамляют окна, на стенах висят черно — белые фотографии Нового Орлеана. Постельное белье белое, а стены светло — оранжевые, что делает комнату похожей на взбитые сливки. Это комната, принесет счастье и утешение, комната, в которой я не должен быть.

— Это твоя комната. В шкафу...

— Это моя комната? — перебивает меня Бабс. Она ходит по комнате и с трепетом разглядывает маленькие штрихи и яркие цвета.

— Да, это Ваша комната, — отвечаю я, не желая болтать с ней. Она, явно, плачет, осматривая новое место. Ее глаза блестят от восторга. Нет, я не люблю плачущих женщин.

— Как я уже говорил, в шкафу есть одежда, ванная с косметикой...

— Это все мне? — вновь, прерывает она. — В чем подвох?

— Нет никакого подвоха. Джетт хочет помочь Вам.

— Почему? Почему я?

Если бы я знал, что это будет игра в двадцать вопросов, я бы не подписался на это. Я не знаю что ей ответить.

— Я не знаю, — отвечаю я, пытаюсь закончить разговор.

— Вы врете. Вы знаете, почему он выбрал меня, так скажите мне.

Проводя рукой по лицу, я делаю глубокий вдох. — Я не знаю, Бабс. Может, ты напоминаешь ему кого — то из прошлого, но это не моя история, чтобы рассказывать. Я здесь, чтобы убедиться, что клуб работает правильно, что Вы под присмотром и делаете то, что должны делать.

Она подозрительно смотрит на меня, а потом говорит:

— Что случилось?

— Простите?

Она спокойно смотрит мне в глаза, и в какой — то момент ее озаряет. — Ты Кейс Хейвуд, боксер.

— Мы закончили, — уходя, говорю я. — Завтра утром, я приду с контрактом на подпись. Не попадай в неприятности, сегодня вечером.

Мое сердце сжалось, когда она узнала меня. Все это, еще свежо. Скандал, ночами поглощает меня, не давая уснуть. Я не должен переживать его с этой женщиной, которую я только что встретил и которой нужен душ, потому что от нее пахнет мочой, а ее волосы стянуты в узел уже много дней.

— Зачем это скрывать? — спрашивает Бабс, когда я добираюсь до двери. — Для чего это, я не верю ни единому слову. Я наблюдала за Вашей карьерой, и видела, что Вы жесткий и честный труженик. Вас поймали, как и меня. Возможно, Вы не хотите быть моим другом, Кейс, но знайте, мы очень похожи. Если понадобится с кем — нибудь поговорить, ты всегда можешь прийти ко мне.

Не оборачиваясь, я молча ухожу. Мне нужно убраться, пока я сломался перед ней. Я тщеславен, как и Джетт, и никогда не показываю слабость, но комок в горле растет, не давая дышать. Мне нужно побыть наедине, вдали от всего мира.

Глава 13.

Мое настоящее...

Все в моем теле говорило, — разворачиваться, забыть о небольшом соглашении с Лайлой и убираться отсюда, но по какой — то ужасной причине, я обнаружил себя, стоящим перед клоповником Лайлы, готовый постучать в ее дверь.

Я не приложил никаких усилий, чтобы подготовиться к этому. Я не хотел, чтобы она подумала, что я собирался сделать что — то из этого свидания, поэтому я накинул пару темных джинс, V — образную, серую футболку, неряшливо заправленную за пояс моих джинс, что демонстрировало мой поношенный черный ремень, и на верхушке всего этого, я натянул свои старые кеды, которые видели лучшие времена. Я был воплощением непринужденности.

Проведя рукой по волосам, я сделал глубокий вдох и постучал в ее дверь.

Пока я дожидался ответа, я с недовольством осмотрел помойку, в которой она жила. Я был удивлен, что здания все еще стояли, выглядели они ветхо. Несомненно, какой — то незаконный бизнес велся на первом этаже, а ее соседу со второго, очевидно, было плевать на заляпанную кровью дверь.

Я не хотел, чтобы Лайла жила здесь. Я нахрен все здесь ненавидел, вообще — то. Почему она так упрячилась и не принимала предложения Джетта в помощи общественного центра, — это сводило меня с ума. Она могла бы жить лучше, если бы приняла помощь.

Шорох замка вернул меня из моих размышлений, я попытался разглядеть складку между бровями, которая образовалась после осмотра ее жилища.

Лайла распахнула дверь и ослепительно мне улыбнулась. На ней были узкие джинсы, коричневые ботильоны, и кремовая блузка без рукавов, которая была короче спереди и длиннее сзади, от чего виднелся ее живот. Ее грудь, скорее всего, была приподнята лифчиком, потому что она выступала в вырезе ее блузки, осведомляя меня достаточно об ее размерах. Ее волосы были собраны наверху в тугий хвост, обнажая ее великолепную шею. Мой рот наполнился слюной только от мысли провести языком сверху вниз по ней.

— Ммм, выглядишь чудесно, — сказала она, схватив сумочку и захлопнув дверь своей квартиры. Перед тем, как отвернуться и закрыть дверь, она шагнула ко мне, прижала руку к моей груди и слегка поцеловала мои губы. Дуновение женского аромата сильно ударило по мне, заставляя меня желать большего, чем я когда — либо хотел.

Она быстренько развернулась запереть дверь до того, как я успел даже задуматься, чтобы углубить поцелуй. Я запихнул руки в карманы, удерживая себя от прикосновений к ней, пока наблюдал за идеальным изгибом ее задницы. Есть так много способов, которыми я мог контролировать себя.

Повернувшись, она широко улыбнулась, практически надломив нейтральное выражение, которое я пытался изобразить. Почему она должна быть такой чертовски красивой?

— Готов? — спросила она.

— Куда мы идем? — переспросил я, не уверенный в том, что она запланировала.

— Что? — спросила она обиженно. — Ты не спланировал свидание? Предполагалось, что ты меня поведешь куда — то.

Я почесал голову и раздумывал над этим секунду. *Дерьмо, я действительно должен был спланировать что — то?* Я не мог вспомнить, когда вообще ходил на свидание в последний раз. Я не имел понятия даже с чего начинать.

— Буду честен с тобой, Лайла. Я не хожу на свидания, поэтому не имею понятия, с чего нахрен начинать.

— Ну, похоже, это гиблое дело. Хорошего вечера, — сказала она с разочарованием в голосе.

— Подожди, — сказал я, притягивая ее за руку. — Помоги мне. С чего я должен начать?

Зачем я только что сказал это? Она отворачивалась от меня. Я, действительно, хотел пойти на это свидание? Осознание было чересчур сильным, чтобы даже думать об этом, поэтому я заблокировал эти мысли в голове, и притянул ее ближе к себе. Снова, эта улыбочка «попался» поприветствовала меня, и я понял, что она играла со мной, так же, как и в Туманной комнате.

— Ты дьяволица, ты знаешь это?

Она улыбнулась и вложила свою руку в мою.

— Своди меня для начала на ужин, Кейс. Куда захочешь.

— Куда захочу? — спросил я, пока вел ее вниз по лестнице.

— Если ты отведешь меня в «Киттен Касл», я кастрирую тебя, — произнесла она с весельем в голосе.

— Черт, теперь ты испортила весь сюрприз.

— Кейс... — предупредила она.

Я усмехнулся, незнакомое мне действие. Мне почти было хорошо, я почти видел свет. На короткий промежуток времени, я действительно почувствовал, что тяжесть всего мира не лежала на моих плечах.

Я повел ее по Bourbon Street, проходя с ней мимо уже пьяных людей, наслаждающихся развратом Французского квартала, и повел ее вниз по улице Тулуз в один из моих любимых ресторанов.

— Как пошел день? — спросила она, завязывая разговор, кое — что, в чем я не был хорош, совсем.

— Хорошо, — ответил я, не совсем понимая, как конкретизировать.

— Ладно, не хочешь рассказать побольше?

— Нет, вообще — то, — ответил я, отрывая дверь The Charters House, который был втиснут в оранжевое здание. Я пригласил ее войти, не позволяя ответить на мою неспособность обсудить мой день, как нормальному человеку.

— Вас будет только двое? — спросила хостесс.

— Да. Мы можем занять тот столик в углу? — я кивнул на свое любимое место. Ресторан был небольшим и большую часть пространства занимал бар, не позволяя собираться большому количеству людей за ужином за раз. Здесь были небольшие прямоугольные столики с двумя или четырьмя сидениями каждый, а когда погода была хорошей, двери, которые выходили на улицу, были открыты. Но ветер сегодня был гадким, и двери были закрыты, блокируя суету улицы, чему я был благодарен.

— Конечно. Сюда, — хостесс повела нас к нашим местам, и я занял место в углу, откуда мог видеть весь ресторан. Я никогда не любил сидеть спиной в помещении, потому что не мог видеть, что творится позади меня. Хостесс протянула нам меню. — Наслаждайтесь.

Чувствуя себя некомфортно, поскольку все это свидание ощущалось для меня неизведанной территорией, я поерзал на стуле и спросил:

— Была когда — то здесь раньше?

Яркие, зеленые глаза Лайлы встретились с моими.

— У них лучшие кровяные колбаски. Хороший выбор, Кейс.

— Тебе нравится кровяная колбаса? — спросил я, немного шокированный. Я бы не

подумал, что Лайла любительница сосисок.

— А почему нет? Мясо, набитое в небольшую оболочку, которое можно втянуть в себя. Мне это подходит.

Покачивая головой, я был готов ответить, как появилась наша официантка.

— Здравствуйте, меня зовут Ана. Я буду вас обслуживать. Наше главное блюдо сегодня — лангуст, если вам интересно. Могу я для начала принести вам что —нибудь выпить?

— Воды, — живо ответил я.

— Я тоже буду воду, спасибо, — когда официантка ушла, Лайла вернула свой пристальный взгляд ко мне и спросила. — Можешь расслабиться хоть немного? Ты практически рявкнул на бедную официантку.

— Я не рявкал, — защищался я.

— Кейс, ты мог бы, по крайней мере, улыбнуться.

— Я, на самом деле, не улыбаюсь.

— Не правда. Я видела твою улыбку.

— Ты поймала меня в момент слабости, когда увидела ее, — возразил я, усмешка пыталась пробиться сквозь мой крепкий фасад.

— Ты победил, — фыркнула Лайла, поднимая меню перед собой и закрывая свое красивое лицо от меня.

Все шло так же хорошо, как я и думал. Моя неловкость и неспособность расслабиться сияла так же ярко, как и тишина между нами. Я подумал о том, чтобы сказать что — то, чтобы сломать напряжение, которое быстро опустилось на наш столик, но не имел понятия, о чем поговорить.

Столько всего я хотел сказать ей. Часть меня хотела открыться ей, потому что я чувствовал, что она бы поняла, почему я так поступаю. Часть меня хотела, чтобы она поняла, но я не мог рисковать. Прямо сейчас, она, по крайней мере, хотела находиться в моем присутствии. Если я расскажу ей, каким монстром являюсь, захочет ли она вообще снова меня видеть?

Хотел ли я видеть ее снова? Я не хотел отношений, — это было бы слишком сложно, — но короткая прогулка от ее квартиры до ресторана с ее рукой в моей, стала одними из самых лучших нескольких минут, которые я проживал за длительное время. Ее тело мягкое рядом со мной, и мне нравилось, как ее хвостик касался меня, когда она поворачивалась, чтобы показать что — то, или то, как небольшие дуновения ее парфюма, порхали в моем носу. Она была такой невероятно женственной и такой невероятно сексапильной.

— Вот, — произнесла официантка, поставив два стакана воды на наш столик. — Уже решили, что будете есть?

— Я — да, — ответила Лайла, глядя на меня поверх меню. Я указал жестом заказывать первой. — Я буду блюдо дня с красной фасолью и рисом.

— Замечательно, а вы, сэр?

— Я буду то же самое, — ответил я. — И не могли бы вы принести нам на закуску кровяную колбасу, пожалуйста?

— Да, конечно.

Официантка записала наш заказ и ушла.

— Вау, — сказала Лайла, откинувшись на спинку стула.

— Что?

— Ты знаешь слово «пожалуйста». Я вообще — то в шоке.

— Не умничай, — ответил я, не симпатизируя язвительному выражению ее лица.

Она искренне улыбнулась мне, а потом схватила мою руку. Она переплела свои пальцы с моими, и по какой — то странной причине, мне понравилось это, и я не отпрянул. Обычно, в такой ситуации как эта, я бы потянулся и врывался, но Лайла сделала это таким легким. А легкие прикосновения ощущались хорошо.

Я позволил ее большому пальцу скользить по тыльной стороне моей ладони, пока она разговаривала со мной, и позволил себе, на это короткое мгновение, насладиться этим.

— Спасибо, что пошел со мной сегодня, Кейс.

— Не за что, — смутившись, ответил я. — Это меньшее, что я мог сделать, после того, как поимел тебя в «Киттен Касл», — я пытался поддразнить.

— Меньшее, — она ярко улыбнулась.

— Говоря о «Киттен Касл», как долго ты собираешься там еще работать?

— Кейс... — предупредила она. — Мы не будем говорить об этом, пока ты не хочешь, чтобы я задавала вопросы о твоём прошлом.

— Нет, — сказал я. — Справедливо.

Я хотел, чтобы Лайла ушла из «Киттен Касл», но казалось она и с места не двинется, по крайней мере, пока. У меня все еще были намерения убедить ее в обратном.

— Итак, ты взволнован по поводу скорого открытия «Справедливости»?

Я кивнул и отпил воды.

— Думаю, что оно пройдет хорошо, чем некоторые занятия, которые придумали девочки.

— Я думаю, занятия будут хорошо восприняты. Танец у пилона, тот же фитнес.

— Это так? — спросил я, приподняв бровь.

— Да. Думаешь, легко висеть вниз головой, когда только твои ноги удерживают тебя на месте, пока подпрыгивают твои сиськи?

— Ну, я никогда не пробовал этого, раскачивая своими сиськами, но не могу представить, что это легко.

— Это что — шутка? — спросила она, усилив хватку на моей руке.

— Последняя, которую ты услышишь, за сегодняшний вечер, обещаю.

— Я надеюсь, это то обещание, которое ты нарушишь, — она улыбнулась. — Рада за тебя и за девочек. Ты так усердно работал, чтобы создать этот центр. Уверена, он будет великолепным.

— Я буду счастлив, когда все будет готово. Жилищные блоки займут больше времени, поскольку Джетт решил предлагать эти небольшие квартирки для тех кто нуждается в убежище. Но сейчас, с занятиями и спортзалом будет достаточно для открытия. Работа будет продолжаться.

— Ты сам — то готов вести несколько занятий по боксу?

Я пожал плечами. Я все еще не был уверен в том, что из — за всего этого чувствую. Я не хотел преподавать бокс взрослым, по крайней мере, не сейчас, потому что они будут теми, кто знают, кем я был, поэтому я решил вести занятия для детей для начала и несколько уроков по самообороне.

— Кажется, ты испытываешь тревогу, — надавила Лайла. Прямо, как Голди, она никогда ничего не оставляет просто так.

— Не уверен, что чувствую насчет этого, — ответил я, сжимая ее руку чуть сильнее. Я никогда не вспоминал о своей прошлой профессии, никогда, поэтому разговор о ведении

занятий по боксу граничил с дискомфортом, поскольку это было очень близко к тому, чем я привык заниматься.

— Уроки самообороны кажется интересное занятие. Может, я присоединюсь ради забавы.

Благодарный за смену темы, я усмехнулся.

— Да ну?

— Ага, и мне нужен будет манекен для практики. Ты идеально подойдешь.

— Осторожнее с тем, чего просишь, милая. Если я буду твоим манекеном, то тебе придется не сладко.

— Ты знаешь, что мне нравится пожестче, так что не переживай.

Черт возьми, если у меня не встал от того, как она прикусывала губу и соблазнительно смотрела на меня. Ее большой палец продолжал задевать мою кожу, наполняя своим теплом. Не важно, как далеко я пытался ее оттолкнуть, она каким — то образом всегда находила дорогу обратно в мою жизнь.

Наша официантка принесла тарелку с кровяной колбасой, улыбнулась и ушла.

— Ты это видел? — спросила Лайла, когда схватила небольшую тарелку и поставила перед собой.

— Видел что? — переспросил я.

— Она практически оценивала тебя, прямо передо мной.

— Ты винишь ее? — самовлюбленно поинтересовался я, удерживая руки так, чтобы у нее был хороший обзор на мою грудь.

Лайла скрестила руки.

— У мужчины нет манер, но он может быть заносчивым сукиным сыном, когда захочет.

— Что могу сказать? У меня много талантов.

Она покачала головой и опустила взгляд на колбасу.

— Ну, это не то, чего я ожидала. Они обманули меня.

— Ага, это жареные шарики, хах. Никогда не видел колбасу в таком виде, — я схватил один и закинул себе в рот, не беспокоясь о жаре, исходящем от него, поскольку у меня практически стальной рот. Я проглотил и сказал, — Не плохо.

— Ну, было отвратительно наблюдать за едой самца.

— Еда самца? — переспросил я. Я смотрел, как она взяла шарик и, используя вилку, надломил его. Пар растворялся в воздухе.

— Ты вообще жевал?

— Да, конечно жевал. Достаточно пару раз прожевать, чтобы отправить его вниз по пищеводу.

Я схватил еще один и закинул его в рот, быстро проделывая с ним то же самое. На тарелке было четыре шарика, поэтому последние были для Лайлы. Довольный, я откинулся на спинку и наблюдал, как она ест.

В недоумении, она покачала головой на меня, а потом положила оставшуюся колбаску себе в рот. Она заметно боролась с ее размером и жаром, а ее глаза увлажнились, поскольку она пыталась охладить колбаску, дыша через рот и запивая водой. Она открыла для меня рот и сказала:

— Та — да!

Я огляделся, потом наклонился вперед.

— Я должен похлопать?

— Лучше тебе нафиг похлопать. Это была пытка.

Усмехнувшись, я медленно поаплодировал ей, пока она кланялась размахивая рукой в благодарность.

— Лучшая кровяная колбаса та, которая в виде сосиски, которую надо вытягивать, а после того, как она кончается, то выглядит как использованный презерватив, вся сморщенная и мерзкая.

— Да, люблю, когда моя еда в конце похожа на использованный презерватив. Довольно аппетитно, — ответил я, когда она наколола оставшуюся колбаску на вилку.

— А кому нет? — усмехнулась она.

Наши главные блюда принесли вскоре после этого, и мы болтали обо всяких пустяках, пока обсасывали головы наших лангустов и наслаждались традиционным рисом и фасолью. Очевидно, что Лайла использовала свою еду, чтобы соблазнить меня, тем, как посасывала лангуста и стонала от его Каджунского вкуса. Сказать, что это не произвело на меня впечатления, станет ложью. От каждого облизывания пальцев и дьявольского взгляда в глазах, я становился твердым за секунду. Ее розовые губки блестели, а щеки впадали, когда она сосала, напоминая мне, на что ее губы способны.

Я никогда так не возбуждался во время еды.

— Ты молчалив, — сказала она, снова облизывая свои пальцы.

Откашлявшись и поерзав на месте, я ответил:

— Никогда не видел, чтобы кто — то превращал поедание лангуста в сексуальное представление.

— Отлично, ты заметил, — она улыбнулась. — Я боялась, что ты не обратишь внимания.

— Вот почему ты капнула соусом на свою грудь? — спросил я, вспоминая, как она притворилась, что это случайность, хотя чертовски точно знала, что это не так.

— Конечно. Сработало?

Я вытер руки об салфетку, потом откинулся на стуле.

— А как думаешь?

— Думаю, если проведу рукой по твоим джинсам, то буду очень рада тому, что обнаружу.

Она толкнулась грудью вперед, демонстрируя ее рядом со своей тарелкой, и схватила меня за бедро под столом. Ощущение ее руки было как электрошок, запуская мое тело. Ощущение чертовски замечательное.

— Не начинай того, что не сможешь закончить, — предупредил я.

— Я всегда заканчиваю, — подмигнула она и отстранилась.

После того, как заплатил и допил воду, я встал и ждал, пока Лайла тоже встанет, но она просто сидела на своем стуле и смотрела на меня.

— Что происходит? — спросил я, интересуясь, почему она не двигается. — Хочешь десерт или что — то еще?

— Такой романтичный, — поддразнила она и протянула руку.

— Что? — спросил я, глядя на нее.

— Держаться за руки — это часть свидания, Кейс. Давай, возьми мою руку. Это не больно.

Только она не знала, что держание за руки, которое было у нас раньше, нанесло непоправимый ущерб моей душе. Прогулка по Французскому кварталу за руки определенно

причинит больше боли, потому что я знал, чертовски точно, что захочу большего, после сегодняшнего вечера.

— Давай же, — подбодрила она.

Сделав глубокий вдох, я схватил ее за руку, поддаваясь ее маленькой просьбе. Ее рука идеально поместилась в моей, и снова, наши пальцы переплелись. Наши ладони соприкасались, и тепло ее руки пронеслось вверх по моей прямо в сердце, медленно растапливая небольшую часть моей темной души, которую я создал.

— Куда теперь? — спросил я, проходя с ней через двери на мощеные улицы Квартала. — Мне отвезти тебя домой?

— Что это за свидание тогда такое? — спросила она, оскорбленная тем, что я даже предположил подобное. — Пошли по магазинам.

Я застонал.

— По магазинам?

— Ты вообще ходил здесь в переполненные туристами магазины? У них лучшие товары.

— Я пытаюсь избегать любое место, кишачее туристами, — ответил я, когда она прижалась ко мне сбоку. Мне стало комфортно. Странное чувство.

— Будет весело. Пошли.

Ее энтузиазм и зажигательное настроение были заразительны, поэтому я позволил ей тащить меня по переполненным улицам в сердце Квартала, где приветствовалось распитие алкоголя в общественных местах и уличные артисты выступали для толпы.

— Мне нравится это здесь, — оглядываясь, сказала Лайла. — Где еще ты найдешь столько чудаков?

— Чудаки — мягко сказано, — сказал я, пока разглядывал дамочку, на которой было платье из крышек от бутылок, ее соски едва прикрыты.

— Ты прожил здесь всю жизнь. Ты не можешь говорить, что тебе не нравится это.

Мне нравится жить в Новом Орлеане. Взросление здесь — мечта подростка. Здесь всегда было чем заняться, что увидеть, где попасть в неприятности. Я научился драться здесь, узнал о французской культуре, о джазе и музыке зидеко (зидеко — стиль афро — американской танцевальной музыки). Я дружил здесь, но моя любовь к городу немного умерла в тот день, когда он отвернулся от меня.

Я был городским героем, парнем, которому подавали бесплатную выпивку, когда он приходил, парень, которого останавливали на улице, чтобы пожать руку, как представителю Нового Орлеана, но все изменилось в ту минуту, когда они узнали о моем якобы пристрастии к стероидам.

Пристрастие к стероидам. Только от одного понятия меня передергивает. Никогда ничего не давалось мне легко в жизни. Я надрывал задницу, чтобы получить все, что заработал, и единственная оплошность судьбы оставила темное пятно на моем имени.

Напряжение накатывало на меня, и Лайла сразу же заметила это.

— Извини. Уверена, ты, наверняка, испытываешь некоторые горькие чувства к этому городу, после того что произошло.

— Можно и так сказать, — ответил я, сжимая крепче ее руку, пытаюсь найти утешение в ее прикосновениях.

— Ты когда —нибудь думал очистить свое имя?

— Давай не будем портить вечер разговорами об этом.

Плечи Лайлы поникли, после моего отказа. Я знал, что она хотела знать больше, что она

хотела помочь, но бессмысленно беречь эту рану. Все в прошлом. Все кончено. Бесполезно пытаться пережить это снова. Я двигался дальше, или, по крайней мере, убеждал себя в этом.

— Давай пойдем туда, — предложила Лайла, потянув меня прямо к «Тулуз Роял», типичному, сувенирному магазину.

Магазин неплохо сохранился и обладал большим ассортиментом футболок, Каджунского острого соуса, бус, и конечно же, смесей «сделай — сам — свой — пончик», который был распихан по множеству полок. Повсюду были чучела крокодилов, и дальняя стена была покрыта бурлеск — масками.

— О, пойдем посмотрим маски.

Маски были выставлены в конце. Они не были такими же красивыми, как маски Девочек Джетта, которые я заказывал для них, но они были близки к этому. Они были замысловатыми и красиво изготовлены, учитывая, что мы в сувенирном магазине. Я был впечатлен.

— Что думаешь? — спросила Лайла, надев серо — желтую кружевную маску.

— Думаю, ты выглядишь сексуально, — признался я, мне нравилась маска на ней.

— Льстишь?

— Воспринимай, как хочешь, — усмехнулся я, опираясь на колонну с перекрещенными руками. — Попробуй вон ту, зеленую с перьями, — я кивнул на ту, которая привлекла мое внимание. Я знал, что цвет выделит ее глаза.

— Эту? — спросила она, снимая ее со стены.

— Ага, эту.

Большая улыбка озарила ее прекрасное лицо прежде, чем она надела маску, воспользовавшись временем, чтобы убедиться, что маска села правильно, перед тем как показать мне.

Со всем эффектом и способностями, которые я ожидал от нее, она медленно повернулась и показала, как выглядит в маске. Мое сердце забило сильнее, когда ее зеленые глаза засияли под маской. Она выглядела слишком сексуальной.

— Иди сюда, — позвал я, зацепив пальцем шлевку на ее джинсах и притянув ее в свое личное пространство.

Мое сердце дрогнуло вместе с сознанием, когда я попытался решить, что мне делать с женщиной, которая сделала своей миссией постоянно присутствовать в моей жизни. Я хотел ее больше чем кого — либо еще в своей жизни, но моя темная часть знала, что я не заслуживаю ее, знала, что если она, на самом деле, поймет, кем я был, настоящим, она не захочет иметь ничего общего со мной.

Но я был эгоистичным мерзавцем, и даже зная, что у нас ничего не получится, может, только на сегодня, я бы уступил, и получил бы еще небольшой кусочек Лайлы.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я притянул ее ближе и положил руки на ее бедра. Она подняла на меня глаза, изучая, интересуясь, что я собираюсь делать, притянув ее к себе таким интимным образом. Я не имел понятия, что планировал делать с ней так близко, но вот что знал, — то, как она положила руки на мою грудь, и то, как она слегка прокусывала свои губы, когда смотрела на меня, — стало моей погибелью.

Медленно, я приподнял ее подбородок и поднес ее идеальные губы к своим. Я слегка ее поцеловал, потом отстранился быстрее, чем она хотела, и коснулся маски, пропуская перья

между пальцами.

— Ты чертовски сексуально выглядишь в ней. Заберем ее домой сегодня вечером.

— Ты покупаешь ее для меня? — спросила она, немного шокировано.

— Ага. Разве не это делают парни для девушек на свидании? Они покупают им вещи.

— Мой, мой, мой, Кейс Хейвуд, да ты просто очаровашка.

— Что могу сказать? — ответил я, пожимая плечами.

Я направился к стойке, но она остановила меня.

— Подожди, мне тоже нужно тебе что — nibудь купить.

— Мне ничего не нужно, — ответил я честно.

— Но я хочу. Как насчет острого соуса?

— Нее, это просто дешевая хрень.

— Набор для пончиков?

— Лучше пойти в Café du Monde? — ответил я, наслаждаясь нашей маленькой игрой.

— Магнит?

— Нет холодильника для него, и черта с два я поделюсь своим магнитом с Диего и Блейном.

Она оглядела магазин, а потом ее глаза засияли.

— О, я знаю.

Меня передернуло, когда она пошла к футболкам с принтом. Я был довольно таки прост в выборе футболок. Я не задумывался сильно о своем стиле, и никогда не надевал дешевые футболки, особенно, с городом, в котором я родился и вырос, но от того, как озарилось лицо Лайлы, я понял, что правило может быстро измениться.

— Лайла, только не футболку, — сказал я, надеясь избежать мыслей, которые блуждали в ее голове.

— Да, футболку. О, вот эти классные. Посмотрим, может я куплю тебе классическую NOLA* футболку? Может, Флер — Де — Лис? Может, аллигатор гребет... подожди, — она присела, чтобы дотянуться до стопки футболок на нижней полке. — У тебя 46 размер, да? (NOLA — аббревиатура Нового Орлеана)

— 48, милая. У мужчины есть мышцы, — ответил я, от чего она фыркнула.

— Как я могла забыть, — саркастично прокомментировала она. — Ладно, вот эта идеальная. Беру ее.

— Дай посмотреть, — я потянулся к ее руке, но она пробралась мимо меня и практически побежала к кассе. Она вытащила деньги из кошелька и спросила об условиях возврата, сказав кассиру, что ей нужно написать «возврату не подлежит» на чеке.

Я покачал головой над ее нелепостью и подумал о том, как, за один короткий вечер, Лайла смогла временно рассеять мрачные тучи, которые висели над моей жизнью. Она нашла способ заставить меня забыть все, что произошло со мной в прошлом, и возможно, заглянуть в будущее. Это сбивало с толку, но черт меня подери, если это мне не нравилось.

— Мне не нужен пакет, но спасибо, — она повернулась ко мне. — Когда купишь маску, мы сможем переодеть тебя в твою новую футболку.

— Почему мне кажется, что позвать тебя на свидание выходит мне боком?

— Не переживай, — прошептала она мне на ухо. — То, что я запланировала для тебя следующим, восполнит все.

Мое сердце пропустило удар, когда она потерлась своим мягким телом об меня. Свидание заканчивается? Я не стану сильно возражать, если это означает, что смогу

вернутся к ней, скользнуть под простыни с ней, и возможно, поклониться ее идеальному телу.

Я заплатил за маску, и все это время кассир хихикал из — за футболки, которую я одену, от чего я задумался, что за футболки они продают в этом магазине, раз все настолько плохо.

Забрав пакет, я взял Лайлу за руку, и мы ушли из магазина. На улице, я развернул ее так, что она оказалась ко мне лицом, и прижал ее к стене здания.

— Могу я теперь получить свою футболку? — спросил я, трахая ее глазами, как только мог.

— Ты оденешь ее? — спросила она, порхая своими ресничками.

— Ты думаешь, что твои прекрасные глазки убедят меня?

— Я надеюсь, что да, — ответила она, проводя рукой по моему животу, от чего все мои нервные окончания подпрыгнули в ожидании того, что будет дальше.

— Думаю, это сработало.

— Ура! — она встала на цыпочки и поцеловала меня в челюсть. Тепло от ее прикосновения распространилось по мне, кое — что, во что я начал влюбляться. — Тебе понравится.

Из сумки она вытащила сложенную, черную футболку и встряхнула ее. На ней было два нарисованных соска с кисточками, которые идеально совпадали по расположению для моего размера.

— Ты издеваешься, да? — спросил я, развеселившись.

— Неа, это именно для тебя, здоровяк. А теперь одевай.

Она дернула за подол моей футболки и начала стягивать ее через голову.

— Эй, постой, — сказал я, пока пытался ее успокоить, но футболка уже была почти на голове, готовая, чтобы ее сняли.

Не сопротивляясь ей, я снял футболку, и стоял посреди Французского квартала с обнаженной грудью. Странно, но это не было удивительным, вовсе.

Стоя там, я наблюдал, как Лайла обводит контуры и впадины моей груди своим опаляющим взглядом, жар от которого сразу же завел меня. Она не торопилась, внимательно разглядывая мое тело, и, честно говоря, мне не наплевать, что она это делает. *Смотри сколько захочешь*, — подумал я.

Прочистив горло, чтобы привлечь ее внимание, я протянул руку.

— Ты собираешься дать мне ее?

— Эм, ага, — она протянула мне ее. Она держала другую мою футболку, пока я натягивал наряд с соками — кисточками. Рукава были немного туговаты, а внизу слегка свободно, из — за моей узкой талии, но так случается и с обычными футболками. Они всегда странным образом сидели на мне.

После разглядывания кисточек, я поднял глаза на Лайлу, которая прикрывала свой рот и смеялась. Звук был опьяняющим. Он растопил мое холодное, мрачное сердце прямо на месте.

— Тебе смешно? — спросил я, протягивая руки.

Она кивнула и вытащила бонус из сумки.

— При покупке футболок, получаешь бесплатную кепку, — сказала она. Она вывернула кепку, так чтобы натянуть на мою голову. Это была черная кепка, спереди которой был нарисован лангуст протягивающий клешни. С одной стороны было написано «пососи это»

Чрезвычайно дешево.

Она отрегулировала размер кепки на моей голове, немного сдвинув ее набок.

— Не повредит быть полным чудачком, — она подмигнула. Она отступила и оглядела меня. — Даже в этих нелепых кепке и футболке, ты все еще чертовски сексуальный.

— Приятно слышать, — усмехнулся я, наслаждаясь искренним комплиментом. — Теперь мы пойдем к тебе? — спросил я слишком нетерпеливо.

— Нет, у меня кое — что другое на уме.

— «Киттен Касл»? — поддразнил я, когда она взяла мою руку и повела вниз по улице.

Она свирепо на меня посмотрела.

— Нет, не в «Киттен Касл».

Мы шли рука об руку, наслаждаясь ветреной ночью и звуками музыки зидеко, которая играла на углу Тулуз и Роял.

— Эй, пососи это! — сказал пьяный мужик, при этом хватаясь за свою промежность и проходя мимо нас, ссылаясь на мою идиотскую кепку с лангустом.

Я показал ему большой палец и продолжил идти. Долбаный идиот.

— Наслаждайся атмосферой, — сказала Лайла.

— И безвкусной кепкой, которую ты получила бесплатно.

— Там очень милый лангуст, к тому же, она со смыслом, Кейс.

— С чего ты взяла? — спросил я, поправляя кепку.

— Эм, але. На нашем первом свидании мы ели лангуста.

От меня не ускользнуло то, что она использовала понятие «первое свидание». Вместо того, чтобы исправить ее, что это будет единственное наше свидание, я позволил комментарию ускользнуть, потому что, честно, я хорошо проводил время, и не хотел испортить все, даже если эта ночь станет единственной для меня. Если я собираюсь всего лишь вечер провести с ней в качестве «парня», я хочу вспоминать об этом, как о хорошем времени.

— Мы пришли, — сказала Лайла, останавливаясь и позволяя неловкому моменту ускользнуть прочь.

Я просканировал улицу и заметил, что мы стоим перед зданием, которое умело подсвечено изнутри. На табличке над ним было написано: «Дрянная Дива»

— Где мы? — спросил я, задаваясь вопросом, что задумала Лайла.

— Увидишь, — она улыбнулась, потянув меня внутрь.

Мне не пришлось заходить слишком далеко в магазин, чтобы понять, что Лайла привела меня в магазин нижнего белья. Люстры освещали небольшое пространство. Свет отражался от белых стен и стоек с одеждой, которые выстроились в ряд в передней части магазина, но не это привлекло мое внимание. Не от этого слегка поблескивал пот, выступивший у меня на коже, а от небольших кусочков ткани в конце.

— Помоги подобрать мне кое — что, — предложила Лайла, злобно сверкнув взглядом.

— Привет, Лайла, — обратилась к ней продавщица. — Ищешь что — то конкретное?

— Привет, Тамми. Да. Я ищу что — нибудь зеленое или что — то, что будет хорошо смотреться с зеленым.

Тамми постучала ручкой по подбородку, а потом сказала:

— У меня есть несколько идей. Могу я отвести тебя в примерочную?

— С радостью. Могу я занять угловую, пожалуйста? Я хочу, чтобы вон тот парень удобно сидел, пока я буду примерять.

Тамми бегло осмотрела меня и скрыла смех в ту минуту, когда ее глаза остановились на моей футболке.

Закатив глаза, я сказал:

— Это единственное белье, которое я ношу.

Тамми открыто рассмеялась.

— Ну, оно очень подходит тебе.

Мне понравилась Тамми.

Пока Лайла разговаривала, я пошел в конец, где были спрятаны золотые кресла в углу. Я сел и терпеливо ждал, пока Тамми доставала несколько комплектов для Лайлы. Не буду врать: я, на самом деле, был чертовски взволнован этой частью свидания.

Когда Лайла оказалась за шторкой, я уставился вниз на кисточки на своей футболке, задаваясь вопросом, кто, черт побери, напечатал такую хрень. Очевидно, нет никаких стандартов, когда дело касается производства футболок.

— Готов? — крикнула Лайла из — за шторы.

Я огляделся, чтобы узнать есть ли кто — то еще в магазине. На середине просмотра своей футболке, я пропустил тот факт, что Тамми повесила табличку на входную дверь «перерыв», от чего я предположил, что она ушла, оставив нас с Лайлой наедине.

Волнение закипало внутри меня.

— Да, — ответил я.

Лайла распахнула шторку и устремилась ко мне, перехватывая мое чертово дыхание прямо в легких.

Стоя передо мной, она была одета в маску, которую я купил ей, и в кусочки белья, которое должно быть незаконным. Это был топ, который доходил прямо до ее бедер, он обтягивал кожу и был чертовски прозрачным. Она забыла надеть лифчик, демонстрируя свои затвердевшие до идеального состояния соски. Черные стринги обхватывали ее бедра, заставляя меня молчаливо умолять ее повернуться.

Она стояла передо мной, нисколько не стесняясь.

— Если бы только у меня были туфли с ремешками, был бы идеальный комплект.

— Нахрен туфли, — прохрипел я, разглядывая все ее тело. Я поерзал на месте, но это было ничем для бешеного стояка, который я демонстрировал.

— Тебе нравится? — спросила, она как будто не могла говорить.

Переплетая наши руки вместе, я притянул ее на свои колени так, чтобы она оседлала меня и прохрипел:

— Ты скажи мне. Как думаешь, мне нравится?

— Хмм, не уверена. Дай подумать, — ее бедра начали раскачиваться вперед и назад на моих коленях, создавая умопомрачительные трения. — Кажется, тебе могло понравиться.

— Не начинай то, что не сможешь закончить, — напомнил я ей, когда мои руки опустились на ее бедра, вынуждая ее прижаться сильнее.

— Я думала, что мы все выяснили за ужином. Я всегда заканчиваю, Кейс.

Ее руки пробежались по моей груди и обхватили мою шею. Она прижалась своим телом теснее ко мне и прикусила мою челюсть. Я чувствовал перья ее маски, касающиеся моего лица, от чего заводился ее больше.

Я медленно двинулся к ее грудной клетки, где я на короткое мгновение задержал свои руки, и позволил ее сердцебиению ускориться от моего прикосновения. Она начала задыхаться, когда мои руки двинулись еще дальше, пока подушечки моих больших пальцев

только слегка коснулись нижней части ее груди.

Легкий стон вырвался из нее, а ее бедра начали двигаться быстрее на моих коленях.

Я прошептал ей на ухо:

— Ты занимаешься петтингом сейчас?

— Да, у меня пропадает чувство стыда, когда дело касается тебя, — ответила она с придыханием.

А я теряю контроль, когда дело доходит до этой роскошной женщины, сидящей на моих коленях.

— Одевайся, мы уходим, — резко скомандовал я.

— У меня есть халатик, который я могу одолжить. Нет времени на одежду, — ответила она.

Она нехотя отступила в примерочную, когда я облокотился на свои колени. Я провел руками по волосам, задаваясь вопросом, какого черта я думал. Эта женщина разрывала меня на части и это все за один вечер.

Я продолжал напоминать себе, что это будет на один раз. Когда я вытрахаю ее из своей головы, я смогу вернуться к темной дыре, которой я принадлежал, но только на эту ночь, я могу пожить, не беспокоясь, без ненависти к себе, не думая о том, каким монстром являюсь. На одну ночь, я собирался стать свободным человеком, которым когда — то был.

Человеком, которым я был до того, как забрал чью — то жизнь.

Глава 14.

Мое настоящее...

Дорога из магазина нижнего белья до дома Лайлы, казалось, длилась вечность, когда, в действительности, я знал, что она заняла только несколько, коротких минут. Но от того, как она терлась об меня, покусывала мое ухо, просовывала свои руки в мои штаны сзади, — от этого я задыхался и только и хотел взять ее в одном из темных переулков Квартала.

Покосившиеся ступеньки дома Лайлы скрипнули под давлением, когда мы взбегали по ним к ее квартире. Я наблюдал с нетерпением, пока она копалась в поисках ключей.

— Помощь нужна? — спросил я с отчаянием в голосе.

— Нашла, — она подмигнула.

Я прижался грудью к ее спине, пока она отпирала замок, пробуя на вкус кожу ниже ее уха. Она опьяняла; ее запах, бархатистая текстура ее кожи — все в ней было мечтой, и я так чертовски потерялся в ней.

Скрип двери оторвал мои губы от нее, и, не давая ей возможности двигаться, я поднял ее и занес внутрь.

У меня была возможность быстро оглядеться. Стены были покрыты потрескавшейся штукатуркой, пол был деревянным и прогибался от каждого шага, а температура в ее квартире была удушающей из — за теплой, но ветреной ночи.

— Спальня? — спросил я, глядя в ее прекрасные, зеленые глаза, смутно запоминая дорогу.

— Вторая дверь в конце коридора.

Я легко нашел комнату. Я толкнул дверь и был встречен кроватью огромных размеров, которая занимала все пространство комнаты. Там был небольшой комод и, с одной стороны,

я не был уверен, что она вообще могла оторвать ящички. Хоть ее кровать и занимала все пространство в комнате, у нее были мягкие на вид простыни, и толстое одеяло, приглашающее меня прилечь.

Я положил Лайлу на кровать и посмотрел вниз на нее, пока хватался за заднюю часть своей футболки и стягивал ее, подарив ей небольшое шоу. Ее глаза вспыхнули от восторга, когда она оттолкнула свой халатик в сторону и скинула одежду в ограниченное пространство на полу между ее кроватью и стеной.

Растянувшись на кровати, Лайла продемонстрировала свое восхитительное тело, когда откинулась на локти и ждала от меня следующего шага. Ее соски торчали от возбуждения. Ее грудь была заметна под бельем, а ее плоский, загорелый животик показал мне, насколько сильно она трудилась на своей работе в «Киттен Касл».

От мысли, что остальные мужчины видят то же, что и я, я испытал животные собственнические чувства, которые прошли по мне. Я не хотел, чтобы кто — то еще видел ее такой. Никто, кроме меня, не должен получать удовольствие от вида ее наготы.

— Ты собираешься просто стоять там? — спросила Лайла, разглядывая мое тело.

Я схватился за заднюю часть шеи и обдумывал свой дальнейший шаг. Если я сделаю это, если проведу ночь, поклоняясь каждому ее дюйму, я оставлю в себе сплошное разочарование, когда все закончится, потому что, я знал, что у нас с Лайлой такого никогда больше не будет, кроме этой ночи. Но мог ли я, на самом деле, уйти? Мог ли я, честно говоря, схватить свою футболку и выйти через входную дверь, когда она выглядит так чертовски сексуально и соблазнительно?

Глядя на ее блестящие, розовые губки и такую жажду в глазах, я знал здесь и сейчас, что я трахну ее. Она нужна мне.

— Двигайся назад, — я указал ей передвинуться дальше на кровати.

Она оказала мне услугу, предоставляя пространство, чтобы прислониться одним коленом и растянуться над ней. Я положил обе руки по разные стороны от ее головы, и ее глаза запорхали по моей груди, разглядывая, как мои мышцы сжимаются от движения. Она вела грубую игру большую часть времени, но я видел слабость, которую я вызывал в ней, и как больной убудок, каким и являлся, я наслаждался этим. Мне нравилось знать, что я мог сбить спесь этой сильной женщины, тем эффектом, который производил на нее.

Осторожно, я наклонил свою голову к ней, пока не оказался в нескольких дюймах от ее лица и нежно проговорил ей, обнажая небольшую часть своей души.

— Что ты делаешь со мной? — спросил я, удивляясь, почему озвучил свои опасения.

Ее рука прошла вверх по моей груди, потом по моей шее и, наконец, обхватила мою щеку. Ее большой палец погладил щетину на моей челюсти, а ее глаза смягчились, когда она потянула мою голову к себе. Очень легко, она прикусила мои губы, и я медленно позволил ей открыть мой рот своим языком, разжигающим пламя внутри меня, которое горело продолжительное время.

Я опустил на свои локти, так чтобы вес моего тела был более равномерно распределен на ее верхней части, и обхватил ее лицо, целуя в ответ с той же страстью, что и она дарила мне. Ее губы идеально скользили по моим. Я почувствовал, как кончики ее пальцев медленно проделывают свой путь под мои штаны, желая подразнить меня.

Тепло от ее прикосновений отправляло пламенный огонь по моим венам, разжигая мое желание к ней, мою потребность в большем, мою потребность быть глубоко внутри нее.

Я нырнул своим языком глубже в ее рот, синхронно с ее толчками. Стон покинул ее

горло. Ее губы прижимались к моим, умоляя о большем, желая, чтобы я двинулся ниже, уделил внимание остальной части ее тела, но я был слишком потерян в поцелуе. Я наслаждался ее ртом слишком, черт возьми, сильно, чтобы отстраниться.

— Кейс... — сказала она с придыханием. — Прикоснись ко мне.

— Да, — сказал я хрипло, когда мой рот вернулся к ней. Что скажешь о занятии сексом с роскошной женщиной. Да, секс станет конечным результатом, но с их ртами я поступаю по — своему, вот такой я хрен.

Желая ее удовольствия, я слегка погладил ее волосы, потом опустился к ее боку, где поиграл с частью ее груди легким поглаживанием большого пальца. Сквозь прозрачную ткань нижнего белья, я чувствовала тепло льющееся из нее, легкое сияние пота покрывало ее восхитительное тело. В этот момент я понял, что она необходима мне голой, полностью и совершенно голой.

Неохотно я оторвался от ее губ, вызывая вспышку неудовольственного протеста. Я усмехнулся от недовольного выражения ее лица, но потом потянул за низ ее белья, оседлав ее на коленях и начал тянуть вверх через ее голову. Она села и подняла свои руки, помогая мне снять топ. Я отбросил его в сторону. К моему удивлению, на ней все еще был лифчик под комплектом белья. В магазине я никогда бы не догадался, что она была одета в него.

Я скатился с ее коленей, зацепив ее трусики своими пальцами, и с лёгкостью стянул их.

Я встал на колени сбоку, разглядывая Лайлу, пока она лежала на кровати с растрепанными волосами и слегка подогнутыми и скрещенными в лодыжках ногами. Если бы она хотела соблазнить меня, ей бы не потребовалось сильно стараться, потому что я был твердым, как хренова скала.

Пока рассматривал ее, я расстегнул медленно свой ремень, отбросил его в сторону, а потом расстегнул джинсы. Я не стал их снимать, потому что хотел, чтобы она сделала это для меня, но я оставил их раскрытыми, демонстрируя ей дорожку волос, чтобы приманить ее.

Она облизала свои губы и потянулась ко мне. Я принял ее жест и переплел наши пальцы. Я лег рядом с ней, положив наши сложенные ладони над ее головой. Я погладил ее живот, упиваясь ощущением ее кожи. Ее мышцы вздрагивали под моими прикосновениями, а ее дыхание перехватывало, пока я исследовал каждый дюйм.

Я покругил пальцами вокруг ее пупка, и двинулся ниже к ее тазовой кости, но быстро отстранился, мучая ее. Потом моя рука передвинулась вверх к ее груди, где я двигал своими пальцами очень медленно по выдающемуся декольте.

Она извивалась подо мной, умоляя меня прикоснуться к ней больше, прикоснуться к ней там, где она хотела, но я пользовался своим счастливым временем. Сегодня все будет на моих условиях.

Я опустил голову к ее шее, и она наклонила ее в сторону, чтобы у меня был лучший доступ, чтобы провести своим языком вдоль ее пульса. Мне никогда не будет достаточно ее вкуса. Он сладкий, как мед, и может быть, немного с перчинкой. Он уникален — все в ней нахрен уникально — и именно этим она меня пленила.

Вместо того, чтобы использовать пальцы, я растопырил ладонь на ней и провел вверх от ее живота, останавливаясь под грудью. Она перекатилась на одну сторону, пытаясь заставить меня пойти выше, но я не позволил ей выиграть. Я все еще сдерживал себя и продолжал покусывать ее шею, все это время, понимая, что свожу ее с ума.

— Пожалуйста, Кейс, — простонала она, теперь двигались ее ноги, ее бедра

приподнялись в воздухе. Если она завелась так же, как и я, я знал, что она была влажной. Я хотел узнать это, но понимал, что если бы решился опуститься в низ к ее киске, я никогда бы не был способен оставить ее.

Я прижался ребром пальцев под нижней частью ее груди, заставляя ее давить вниз достаточно для того, чтобы ее грудь расположилась на моих пальцах. Если бы я не был настолько потерян в этот момент, я мог бы рассмеяться от отчаяния, которое она выражала.

— Прикоснись ко мне, Кейс. Не заставляй просить меня снова, — потребовала она, пытаясь перевернуть меня. Только она не знала, что не добьется ничего своими маленькими командами.

— Каждый раз, когда ты будешь просить о чем — то, ты будешь ждать еще дольше, — я потерял об ее ухо.

— Ты не можешь этого делать, — пожаловалась она.

— Я могу делать все, что я, блядь, захочу, — ответил я. — Я могу уйти нахрен прямо сейчас, если захочу, — я угрожал, зная чертовски точно, что нет ни единого хренова шанса, что я не пойду до конца. Я практически уверен, что хотел этого больше, чем она.

— Не уходи, — сказала она с оттенком грусти.

Я потянул рукой вверх по ее груди, обхватил ее лицо и сказал:

— Я никуда не собираюсь, детка, — хоть это и была ложь, она ослабила обеспокоенное выражение ее лица. — Почему я? — спросил я, мне необходимо знать, что было привлекательным, что она увидела во мне. Если ничего, мне нужно было узнать, что, может быть, кто — то увидел того, кем бы я хотел быть — сильным, уверенным мужчиной, — а не тем, кем я, на самом деле, являлся.

К сожалению, я не был таким мужчиной. Вместо этого, меня каждый день пожирали куча демонов, которые не оставляли меня одного, не имело значения, как сильно я старался игнорировать их.

Терпение Лайлы было на исходе. Я видел напряжение, которое начинало извиваться внутри каждой ее частички. Она сместилась подо мной и положила одну руку на мою грудь, прямо на мое сердце. Другой рукой, нежно лаская мою челюсть.

— Так много в тебе привлекает меня, Кейс. Тяжело быть не увлеченной тобой. И не только из — за твоей невероятной привлекательности, но я вижу твое сердце. Ты может и думаешь, что не показываешь его, но у тебя огромное сердце. Ты заботишься о девушках, ты заботишься о Джетте, и ты заботишься об этом обществе, даже после того как они отвернулись от тебя в самый плохой момент твоей жизни. Ты сильный, ты уверен в себе, и ты знаешь, чего хочешь. Ты чертовски сексуален, и даже несмотря на то, что ты ведешь внутреннюю борьбу, у тебя все еще есть искра в глазах, которую я вижу иногда, когда ты волнуешься о таких вещах, как общественный центр или помощь остальным. Ты хороший человек, и ты делаешь невероятно трудным для меня, не давая мне шанса.

Воздух покинул мои легкие от ее слов. Как она могла увидеть меня настолько иначе? Когда я каждое утро смотрел в зеркало и видел убийцу, труса, отстраненного и сломленного человека. Как она могла видеть настолько противоположные вещи обо мне? Как она могла видеть меня в таком сияющем свете, когда я знал то, как она описывала меня, настолько сбивало с толку?

Я покачал головой и начал отступать от нее, но она схватила меня за плечи до того, как я успел отстраниться.

— Останься со мной, Кейс. Пожалуйста, не уходи. Проживи это момент со мной. Даже если это единственный раз, проживи его со мной. Будь со мной в это промежуток времени.

Ее глаза увлажнились, когда она уставилась на меня, умоляя остаться. Я говорил себе, что подарю ей эту ночь, и даже если ее слова и потрясли меня до глубины души, я знал, что должен остаться, не столько для нее, сколько для себя. Я хотел побыть эгоистом еще один раз.

Я прижал руку к ее щеке и вытер случайную слезу. Наклонившись, я коснулся мягким поцелуем ее лба, задерживаясь губами, пока выдыхал ее сладкий запах, запах, который мгновенно успокаивал мое бушующее сердце и облегчал мою душу.

Я медленно передвинулся губами по ее щекам к челюсти, целуя ее на протяжении всего пути, пользуясь временем, пока наслаждался мягким ощущением ее кожи на моих губах.

Ее пальцы нашли петлю моих джинсов и, крепко ухватившись, она потянула мои бедра ближе к себе. Я прижался своей эрекцией к ее извивающимся бедрам, которые молили о большем, заставляя меня внутренне улыбнуться от ее потребности. Хотя я и бесчувственный ублюдок, все равно наслаждался ощущением нужности, ощущением способности позаботиться о женщине, обладать ею, по крайней мере, на одну ночь.

Я продолжил свой спуск, пока не добрался до ее груди, ноющей об освобождении из границ нижнего белья, которое она надела в магазине. Спасибо хлипкой ткани, я разорвал ее, открывая ее голую грудь теплему ночному воздуху. Она задышалась, от чего ее грудь поднималась и опадала, двигаясь быстрыми темпами, от чего моя промежность пульсировала в джинсах.

— Тебе лучше голой, — сказал я, двигаясь губами к выпуклости ее груди.

Ее ноги обхватили меня за бедра, притягивая еще ближе. Как отчаянный, я потерял промежностью своих джинсов об ее тепло, впитывая каждое мяуканье, которое покидало ее рот.

Мой язык покинул ее кожу, и намеренно закружил по одному ее соску, вызывая крик разочарования, покинувший ее губы. Осторожно, мои зубы прикусили ее твердый сосок, заставляя ее вцепиться ногтями в мою спину. Я поприветствовал новую боль и в ответ толкнулся языком по ее соску и вылизывал кожу. Я кружил по ее нему, щелкал, а потом, наконец — то, втянул его в свой рот, одновременно прикусывая с небольшим давлением.

— Да, выкрикнула она, выгибаясь подо мной.

Довольный ее реакцией, я переместился к другой груди и обращался с ней так же. Пока она извивалась подо мной и прижималась к моим бедрам, я передвинул руку к соединению ее бедер, давая ей знать, каким будет мой следующий шаг.

Отстраняясь от теперь ее красных сосков, я посмотрел на нее и был награжден образом картинке идеальной женщины, лежащей обнаженной подо мной. Ее глаза остекленели от страсти, ее кожа была скользкой от пота, а ее волосы — в беспорядке от моих рук. Она была нуждающейся, и черта с два, я не исполню это потребность.

Встал и нашел пуговицу на своих джинсах. Потрясающая улыбка разгладила ее лицо, когда она поднялась над кроватью и потянула меня между своих разведенных ног. Со своей стороны, я видел, насколько она была возбуждена из — за меня, что в ответ заводило меня еще больше.

Она провела руками по моей талии, по моей спине, где прижалась ими под моими штанами и боксерами, стягивая их по заднице вниз к полу. Мой отяжелевший ствол выскочил на свободу.

Я вышагнул из одежды и встал лицом к ней, мой член был на уровне ее глаз. С жадностью в глазах, она схватилась за основание члена и жестко потянула, выжимая меня одним гладким движением.

Резкое шипение покинуло мои губы, когда я уронил руки на ее плечи, чтобы обрести какое — то равновесие. Ее язык рванул облизывать головку моего члена. Легкое поддразнивание не ускользнуло от меня; я знал, что она попытается помучить меня так же, как и я несколько минут назад, но разница между моими мучениями и ее — что мои будут краткосрочными.

Я надавил на ее плечи, заставляя ее упасть на кровать. Я упал на нее сверху, наша кожа встретилась, тепло наших тел разжигало пламя, который, я знал, будет гореть до первого утреннего луча.

Я схватил ее руки своими, сплетая пальцы вместе, и поднял их над ее головой, когда оседлал ее тело. Мой член тяжело лежал поверх ее лобка, и я наклонил свою голову к ее рту, где жадно покусывал, сосал и целовал ее полные губы.

— Боже, Кейс. Ты нужен мне так чертовски сильно. Трахни меня, пожалуйста, просто трахни меня.

Часть меня хотела сделать так, как она просила, зарыться в нее и взять то, что хотел, но я не мог сделать этого, не после того, что она сказала мне ранее, не после тех добрых слов, которые она высказала мне. Она заслуживала большего, она заслуживала занятий любовью, и именно это я намеревался сделать.

Я впился своими пальцами в ее, и мои мышцы пульсировали над ней, пока я продолжал медленный процесс поклонения ее телу, от медленного перекачивания своими бедрами достаточного для того, чтобы она задыхалась, где я мог едва ощутить влагу, сочащуюся из нее.

Ощущение Лайлы подо мной, полностью в моей власти, — привлекательно. Оно изменяло сознание. Оно заставляло меня думать, что смог бы, вероятно, дать ей больше, что смог бы покончить со своими демонами и попытаться жить нормальной жизнью с этой женщиной. Она давала мне надежду на будущее, будущее, которое, я знал, не для меня.

Освободив одну свою руку, я провел ей вниз о длине ее тела до соединения ее бедер, где я надавил пальцами на ее клитор. Сразу же, меня встретила теплая жидкость, в которой была вся Лайла.

— Твою мать, — простонал я от осознания того, насколько влажной она была. — Лайла, ты такая чертовски влажная.

— Для тебя, только для тебя, — ответила она, слегка целуя мою челюсть.

Зарычав, я толкнул два пальца внутрь нее и наблюдал, как все ее тело реагирует на вторжение. Она застонала, зажмуривая глаза, и прикрывая лоб своей рукой.

Нуждаясь в небольшой дегустации, я прошелся дорожкой поцелуев вниз по передней части ее тела, пока не завис прямо над ее киской. Я воспользовался возможностью развести ее ноги достаточно широко, чтобы расположиться между ними, и потом опустился.

У нее перехватило дыхание, она извивалась, ее кожа блестела от пота, когда мои пальцы развели ее, а мой язык ударил с силой, заставляя ее бедра податься вперед.

— Да, — выдохнула она, притягивая одну из подушек к себе. Я зачарованно наблюдал, пока работал своим языком в ней туда и обратно, как она хватала простыни, умоляя о большем.

Пока проводил по ее киске своим языком вверх и вниз, я удерживал свой взгляд на ней

все время. Я наблюдал за тем, как слегка приоткрылись ее губы, как мягкие звуки покидали ее пухлые губы. Я упивался ее вкусом, каждой реакцией и каждым движением, что она делала. Она притягивала.

Должно быть, так ощущается небольшое дыхание небес. Прямо здесь, наблюдая за женщиной своей мечты распадающейся на частички от прикосновений моего языка. Я был в чертовом сне.

Из — под своих ресниц, я уставился на мышцы ее живота, которые сокращались от каждого движения моего языка. Ее рот хватал воздух от каждого моего вдоха ее пьянящего аромата, и ее контроль медленно опадал. Я был беспощаден.

— Я собираюсь кончить, Кейс, — заявила она, в тот момент, когда я толкнулся двумя пальцами в нее. Она выгнулась над кроватью, и пронзительный крик вырвался из нее. — Да! Блядь, блядь! Да, сильнее, пожалуйста, сильнее.

Ее бедра раскачивались на моем языке, выводя ее оргазм на новый уровень. Я позволил ей объезжать меня именно так, как она хотела, и зачарованно наблюдал, как она растворяется в лужицу удовольствия подо мной.

Мой член болезненно пульсировал между ног, умоляя войти в нее, взять то, чего он хотел. У меня чесались руки почувствовать, каково быть внутри нее снова. Я хотел, чтобы меня обволокло ее теплом, потеряться в ее теле, поэтому я потянулся к своим джинсам, пока она восстанавливалась, и схватил презерватив из кошелька.

Быстро облачив себя, я снова навис над ней и ждал, когда она откроет глаза. В тот момент, когда ее бассейны луговой зелени уставились на меня, мое сердце переполнилось, и я улыбнулся. Что — то изменилось в Лайле, что — то, что заставило меня подумать на мгновение, что, может, только может, она понимает мой пьяный грех.

Она обхватила мою щеку. Невысказанные эмоции, которые мы оба ощущали, осели на дне моего живота в тот момент, как она раскрыла свои ноги для меня, а ее рука плотнее прижалась к моей щеке, призывая меня двигаться дальше.

Мои глаза мгновенно закрылись от излучаемого ею тепла.

— Возьми меня, Кейс. Забери меня в место далеко отсюда. Заставь нас забыть о прошлом и настоящем, — ее голос мягкий, обнадеживающий.

Сделав глубокий вдох, я наклонился своими губами к ее, и неистово целовал, когда мои руки опустились по бокам от ее головы, обрамляя ее своим теплом. Мои бедра расположились между ее ног, а головка моего нуждающегося члена терлась об ее скользкую сердцевину. Ее бедра двигались с моими, позволяя моему члену играть с ее входом, но это все позволял я, пока трахал своим языком ее рот.

Я был жадным, эгоистом, я брал все, что хотел, не позволяя ей ничего сказать, но она не жаловалась. Вместо этого, она соответствовала каждому удару моего языка, каждому толчку моих бедер, и каждому напряжению моего тела.

Она была такой же жадной, как и я, если не больше. Это была битва интересов. Кто даст слабину первым? Кто сдастся и начнет умолять о большем?

Мой член терся от потребности, от томления, и даже если я и завладел ситуацией, я хотел чтобы она поумоляла еще раз. Я не думал, что продержусь еще дольше, поэтому схватил ее руки и отстранился.

Соединяя наши руки снова, я поднял их над ее головой и опустил на нее лбом. Глядя в ее глаза, я надавил своими бедрами и почувствовал, как мой член медленно скользил по ее тугому каналу. Она зажмурила глаза, и у нее перехватило дыхание.

Целуя ее в лоб, я сказал:

— Посмотри на меня, детка. Позволь мне смотреть в эти прекрасные глаза.

Тут же она распахнула их, и мои долбаные кишки скрутило от нежности, исходившей от нее. Ее глаза блестели, и крепкие стены, которые я возвел вокруг своей души, начали рушиться.

Вместо того, чтобы сосредоточиться на ее глазах, которые разрывали меня на части, я попытался перенести свое внимание вниз, на нашу более интимную связь. Я сосредоточился на ощущениях ее тугой киски, на том, как ее бедра двигались со мной, и зарождавшемся давлении внутри моего члена с каждым ударом.

У нас был секс с Лайлой раньше. Мы трахались, и никогда не разделяли такого интимного момента, как этот раньше. Мы никогда не смотрели друг другу в глаза, пытались понять каждого. Это отличалось от траха. Это было занятие любовью, и почему позволил этому произойти, я никогда не пойму.

Может, я — мазохист. Я наслаждался, причиняя боль себе, заслуженную боль. Может быть, я знал, что после сегодняшней ночи, ничего не произойдет между нами, поэтому шел до конца. Я отдал ей все, что у меня было, зная, что в ответ мое сердце разорвет в груди, когда я уйду.

Но что насчет Лайлы? Мог ли я, на самом деле, так поступить с ней?

— Кейс, да, жестче, — Лайла извивалась подо мной, сильнее стремясь ко мне, и даже если я и знал, что уничтожу нас обоих, когда мы закончим, я не мог, блядь, остановиться. Я хотел дать ей все, что она хотела, поэтому делал это.

С невероятной силой я врезался в нее, а потом прижался своим губами к ней. Ее пальцы крепко вцепились в мои, демонстрируя мне, каким сильным я был, как много удовольствия я был способен доставить.

Вес моего члена был очевиден. Я был на краю оргазма, ожидая, продлевая неизбежное, надеясь, что она кончит со мной, нуждаясь в том, чтобы она кончила со мной.

Я собирался освободить свою руку и надавить на ее клитор, когда ее грудь выгнулась подо мной, и она хватала воздух.

Как долбаные тиски, ее киска сжималась вокруг меня и неопиcуемый звук сорвался с ее соблазнительных губ. Она взмыла ко мне, выкрикивая мое имя, когда слезы покатались из ее глаз.

Это все, что потребовалось. Я чувствовал от рокота в своем животе до основания своего члена взрыв моего удовольствия внутри нее.

— Блядь...! — прорычал я, когда толкался в нее, пока она выжимала меня до конца.

Я замедлил свои бедра, пока мой член продолжал пульсировать внутри нее. Ее дыхание выровнялось, и в тот момент я осознал, что зарылся головой в ее плечо. Медленно, я поднял свою голову и улыбнулся ей.

— Ты такой чертовски сексуальный, когда кончаешь, — говорила она, пока ее возбужденные соски дразнили мою грудь.

— То же самое могу сказать тебе, детка.

Глава 15.

Мое настоящее...

Сотни трещин на покрытом шпукатуркой потолке в квартире Лайлы, — еще одна особенность, которая меня беспокоила, — где живет Лайла. Я гладил ее спину, пока она прижималась ко мне, устроив свою голову у меня на плече и пробегая кончиками пальцев по краю моего живота.

Ни одного слова не было произнесено, пока мы лежали на скомканных простынях, лунный свет лился сквозь ее окно на наши слегка вспотевшие тела.

Тишина была приятной. Это было необходимо моему колотящемуся сердцу, моим беспокойным мыслям о том, что будет дальше. Я не хотел разговаривать о будущем, — останусь ли я на ночь, или способен ли я встать с ее кровати и уйти.

Свободной рукой, я потер макушку своей головы, мучаясь от моих чувств к ней, моему желанию держать ее рядом с собой, и моей настойчивости, отталкивающей ее от себя настолько далеко, насколько это возможно.

— Пить хочешь? — спросила она.

— Я в порядке, — ответил я, чувствуя неловкость.

— Я хочу пить, — она оттолкнулась от моей груди и пробралась по кровати с голым задом, а потом вышла из комнаты, раскачивая своей попкой самым восхитительным способом.

Когда она ушла, я застонал и потянул себя за волосы. О чем я, блядь, думал? Внутреннее смятение закручивалось, пока я взвешивал свои возможности. Часть меня продолжала говорить мне — уходи, убирайся нахрен из ее квартиры, пока еще остался хоть клочок, защищающий твою темную душу. Другая часть страстно желала держать ее в объятиях всю ночь напролет.

С бешеным сердцебиением, я отбросил простыни в сторону и собирался выбраться из кровати, когда вновь появилась Лайла. Ее волосы были спутаны моими пальцами, ее губы припухли от моих настойчивых поцелуев, а ее глаза были насыщены моим занятием любовью. Она была полностью удовлетворенной женщиной с появившимся пониманием в глазах.

— Уходишь? — спросила она, прислонившись к стене своей комнаты и глотнув воды из стакана. Она не выглядела расстроенной или злой, она как будто ожидала того, что я захочу уйти.

— Не знаю, — ответил честно. Я не был уверен в том, что я нахрен хотел. Я никогда не был настолько не уверен в чем — то в своей жизни.

Уставившись на ее чертовски восхитительное тело и прекрасную личность, я понимал, что не заслуживаю ее. В то мгновение, когда я забрал человеческую жизнь, я поклялся, что никогда не буду счастлив снова, что я буду нести свое покаяние, пока не умру в одиночестве, так почему я стою практически на коленях на кровати Лайлы, рассчитывая на то, на что не имел права?

— Что она означает? — спросила она, кивнув на татуировку на моих ребрах.

— Ничего особенного, — ответил я, поворачиваясь, чтобы ее не было видно.

Гнев пересек черты Лайлы, когда она поставила свою чашку с водой на пол рядом с окном и подошла прямо ко мне. Мой взгляд упал на пол, чтобы избежать красивого изгиба ее бедер и того, как ее пухлая грудь пыталась захватить мое внимание. Если не буду смотреть вниз, я снова сгребу под себя это тело, — ошибка, которую я продолжал так отчаянно повторять.

Она схватила меня за плечи и толкнула на кровать. Как долбаный лист на ветру, я

плюхнулся на матрас, не сопротивляясь. Я был таким чертовски слабым, так отчаянно нуждался в человеческом контакте, чтобы огородиться от нее.

Я опустошенный человек, разбитый и сломленный, цепляющийся за единственное что, как я знал, уничтожит меня.

Лайла оседлала мои бедра, не подпуская мою растущую эрекцию к своей горячей сердцевине, пытая меня, не давая моему члену того, чего он хотел. Я был слишком погружен в то, что она делала, и не заметил, как ее руки пошли вверх по моим ребрам.

— «В поисках раскаяния», — прочитала Лайла, нежно проводя своими пальцами по черным чернилам, которые заклеили мое тело. Ее нежный взгляд нашел мой, а ее голова склонилась на бок с вопросом. — В чем ты раскаиваешься, Кейс?

Мои глаза мгновенно зажмурились, когда я попытался заблокировать вопрос, пытался игнорировать тот факт, что она капалась все глубже и глубже в моей чертовой душе.

Я ни с кем не разговаривал о своем прошлом. Я едва ли говорил об этом с Джеттом, — человеком, который знал всю историю. Общее понимание, которое мы не обсуждали. Единственный раз, когда вообще вспоминались мои действия — в годовщину того дня, когда умерла моя душа, и никогда больше.

— Кейс, разговор может помочь.

— Я не хочу, — проскрежетал я. Я оттолкнул Лайлу в сторону и сел. Мои локти уперлись в мои колени, пока я сгибался и хватался за волосы. Когда эйфорическое, все еще смущающее чувство испарилось от упоминания моей татуировки, на его место пришла холодная, темная бездна, пустота, которая, как я рассчитывал, поможет мне прожить день за днем.

Мою боль было легче забыть, чем переживать заново.

Маленькие ручки легли на мою спину в тоже время, как прогнулась кровать позади меня. Лайла обхватила меня сзади и обняла за талию.

— Прости, — пробормотала она, целуя мою спину.

Я напрягся от ее нежного прикосновения. Я не заслуживал этого, этой теплой, заботливой женщины. Каким она вообще меня видит?

— Нет. Не извиняйся, блядь, — выругался я, ненавидя себя.

Она обхватила меня крепче, а ее тепло начало проникать под мою холодную оболочку, плавя меня в своих руках.

Она подбила меня лечь. Я говорил себе встать вместо этого, схватить свою одежду и убираться к чертям собачьим из ее дома, но мое тело предало меня и устроилось на одной из ее подушек. Лайла устроилась сбоку от меня и обхватила своей рукой мою талию. Я переместил свою руку к ее волосам, пропуская их сквозь пальцы.

Комок образовался в моем горле, пока я снова изучал трещины на ее потолке, и наше дыхание выровнялось. Почему я не могу позволить этой женщине уйти?

— Ты не одинок, Кейс, — сказала Лайла, нарушая тишину между нами. — Ты не единственный у кого есть демоны.

Это был не первый раз, когда Лайла упоминала о чем — то из своего прошлого. Я знал, что, должно быть, что — то случилось в ее жизни, что она превратила ее в ту, в которой сейчас живет. Часть меня хотела узнать о ее истории, исправить ее проблемы, защитить ее и дать ей все, в чем она нуждалась, но как я мог помочь ей, когда не мог помочь сам себе? Она хотела цельного мужчину, кого — то, кто встанет на ее сторону, будет бороться и пройдет с ней по этому мрачному миру.

Я не такой.

— Тебе не обязательно говорить, — сказала Лайла, растирая мой бок. — Ты даже не обязан задавать никаких вопросов. Я просто хочу, чтобы ты знал, — откуда я. Я хотела, чтобы ты знал, что ты не одинок, Кейс.

Нет ни одного чертова шанса, что наши истории будут даже близко похожими, но было тяжело сопротивляться тому, что она предлагала. Хоть и понимал, что должен отдалиться, я все еще хотел узнать о ней.

Не задавая ей вопросов, я притянул ее ближе, упиваясь тем, как ее грудь ощущалась рядом со мной, тем, как ее соски напряглись, хотя я даже не пытался ее завести.

— Я не всегда жила в бедности, выскребая каждый цент, — сказала она. Я насторожился, задаваясь вопросом — хочу ли я, на самом деле, услышать это. — Были только я и мой папа всю мою жизнь. Моей маме была неинтересна роль мамы, что было прекрасно, потому что я бы предпочла не иметь матери, чем жить с такой, которая никогда бы не уделила мне и унции внимания. Мой папа дарил мне все внимание, в котором я нуждалась.

Я чувствовал, как она улыбалась у моей груди, когда говорила о нем. Это было мило.

— Он был лучшим человеком, которого я когда — либо знала. Он усердно работал, обеспечивал меня, и приходил на каждое танцевальное выступление, которое у меня было. Он был идеальным отцом.

— Кажется, так и есть, — ответил я, удивляясь себе, поскольку комок в моем горле возрастал. Я не понимал, какими близкими отношения с отцом могут быть. Как говорил мой отец, я был разочарованием. Он, наверное, смеется в своей могиле надо мной прямо сейчас, наблюдает, как я сражаюсь день за днем в своей жизни. Я знал, что в его глазах, я был полным ничтожеством, не стоящим воздуха, которым дышал.

Аккуратно отбросив мысли о своем отце, я слушал продолжение истории Лайлы.

— После каждого выступления, он отводил меня поесть мороженное. Мы могли сидеть на диванчике с видом на реку Миссисипи и обсуждать наш день. Он мог хвалить меня за мои пируэты и говорить, какой красивой я была.

Я поцеловал ее в макушку.

— Ты говоришь так, как будто его больше нет в твоей жизни.

Она обхватила меня крепче и вздохнула.

— Его нет, — она глубоко вдохнула. — У него был вспыльчивый характер.

— Твою мать, он трогал тебя? — зарычал я, внезапно готовый сорваться.

— Нет! — она практически закричала. — Он никогда не делал со мной ничего подобного. Я была всей его жизнью, Кейс. Его вспыльчивость никогда не была направлена на меня. Он сильно любил меня.

Напряжение во мне ослабло. Не думаю, что справился бы, услышав о том, что она подвергалась насилию со стороны отца.

— Как он умер? — спросил я, ненавидя то, насколько был вовлечен, добиваясь ее рассказа.

— Мой отец работал на фабрике по производству кускового сахара.

— В Шалметте? — спросил я, имея ввиду расположение завода.

— Угу, он был начальником линии.

Я был впечатлен. Завод был одним из больших и старинных в стране. Он предоставил необходимые рабочие места в Новом Орлеане.

— Он усердно работал, чтобы добиться того, что имел, — продолжила Лайла. — Он забил на себя, решив дать мне все, как он думал, чего я хотела, когда, на самом деле, все, чего я хотела, — это он. Он всегда был моим героем.

— Что произошло? — спросил я, мое сердце раскалывалось из — за Лайлы.

— Когда только получил там работу, он начинал с кучкой своих друзей. Там были мой отец и еще три парня, которые вместе управляли системой. Они были неразлучны, а для меня были, как дяди. Когда бы я ни приходила к своему отцу, у них всегда была маленькая розовая каска для меня.

Блядь, мое сердце.

— Мои занятия танцами становились дороже с каждым годом, а отец настаивал на том, чтобы заниматься ими, поскольку у меня был талант, и они шли после занятий в школе, что занимало меня, пока он был на работе. Так как расходы росли, он засучил рукава и заработал усерднее, испытывая свои пределы, пределы своих друзей.

— Он хотел заработать больше денег. В этом нет ничего плохого, — сказал я.

— Есть, когда у тебя взрывной характер, который не спускает малейшего нарушения. Я, в действительности, не знаю всех деталей, потому что никто не говорит мне, но мне кажется, мой отец поспорил с кем — то на работе. Это быстро замяли, но на спине моего отца осталась цель. Позже тем вечером, когда он шел забирать меня из танцевальной студии, его убили в переулке, жестоко избив до смерти.

Кто — то забрал жизнь ее отца?

Пот начал выступать на моем теле, а мою грудь защемило.

— Кто — то убил твоего отца? — спросил я, едва способный пропихать слова.

— Поначалу, они думали, что его похитили, поскольку никто не мог найти его. Я ждала несколько часов в танцевальной студии, когда он придет и заберет меня. Когда поняла, что он не придет, я пошла к своему преподавателю, которая вызвала копов. Меня взяли под временную стражу. Они нашли его тело на помойке в переулке.

Мое горло сдавило. Я проглатывал все горе Лайлы и мысли о том, что ее отца забрали у нее... как у Мэделин.

— Вскоре после этого меня поместили в систему опеки, поскольку у меня не было больше семьи, и я была быстро представлена другому миру, в котором не существовало уроков танцев, а любящие отцы больше не существовали. Меня пытали другие девочки, обзывали прозвищами вроде «принцесса» и «испорченная», потому что мои вещи превзошли то, что было у других девочек.

— Сколько тебе было? — выдавил я.

— Четырнадцать. Я терпела четыре года мучений, пока не смогла выбраться из дома и выживать самостоятельно. Недостаток моего образования и мой потрепанный вид привели меня в руки Марва, владельца «Киттен Касл». Он взял меня и ввел в курс дела. Медленно, я начала работать на гесте, где и сейчас нахожусь.

Твою мать, я не мог дышать, не мог сосредоточиться. Комната вращалась, вызывая калейдоскоп трещин на потолке Лайлы. Темный туман заполнил мою голову, когда одна единственная мысль появилась в моей голове.

Мэделин, дочь человека, которого я убил. Она могла закончить так же, как Лайла, замученная и живущая в бедности без будущего.

Желание вырваться подорвало меня с кровати. Пот выступал на моей спине, а слюна наполнила мой рот. Я быстро схватил свои вещи и побежал в туалет, убедившись, что запер

за собой дверь.

Я упал на колени перед унитазом и меня рвало с неистовой силой, очищая содержимое моего желудка, вместе с ужасной болью догоняющей мое тело, от рассказанной Лайлой историей. Мое горло горело от желудочной кислоты, мои мышцы яростно тряслись, а я сжимал холодный фарфор, пока не понял, что все вышло из меня.

Легкий стук прозвучал из — за двери, и я молился, чтобы она не зашла. Я, наверное, не смог бы восстановиться после того, как она увидит меня таким. Я уже был опустошен. Мне не нужно было еще и унижение.

— Кейс, могу я войти?

Сделав глубокий вдох, я ответил:

— Нет.

Я услышал ее вздох по ту сторону двери, но на этот раз я не поддамся искушению. Я удерживал барьер дверью между нами.

Подняв себя с пола, я натянул джинсы и посмотрел в зеркало.

Уродливая версия человека, которого я когда — то знал, уставилась на меня. Вместо молодого лица кого — то полного потенциала и славы, развалившийся, сломленный и избитый человек смотрел на меня. Мужчина с возрастом, заметным в его глазах, мужчина абсолютно пустой, мужчина, который только и знает о чувстве раскаяния.

Я схватился за островок и наклонил голову, не в состоянии больше смотреть в свои пустые, голубые глаза. Одинокая слеза покинула мои глаза и скатилась вниз по моему лицу, удивив меня тяжестью эмоций, которые я испытывал, понимая, что через все, что прошла Лайла, потенциально прошла Мэделин из — за меня или могла бы пройти.

Пронзительная боль выстрелила в моем животе, парализуя меня у островка в ванной. Мои ноги шатались подо мной, пока я пытался восстановить контроль над своим телом. Я был лучше этого. Я был сильнее этого. Я не позволю этим чувствам завладеть моим телом.

От потребности убраться из квартиры Лайлы, я повернул вентиль и ополоснул лицо водой. Я вытер его розовым полотенцем, которое висело на крючке, упиваясь запахом Лайлы. Она была повсюду, делая потребность убраться намного сильнее.

Я смыл, натянул свою футболку с кисточками через голову и сделал глубокий вдох прежде, чем открыть дверь в ванную. Я частично ожидал, что увижу Лайлу, ждущую меня, голую со скрещенными на груди руками, но ее не было там.

Благодарный за это, я пошел к ее двери, пренебрегая всем, что мог оставить. Я уже собирался уйти, когда вспышка фиолетового привлекла мой взгляд. Лайла сидела на диване, одетая в короткий, фиолетовый, шелковый халат, с бокалом вина в руках, и уставившись в стену.

Она не смотрела на меня, даже не замечала моего присутствия, когда я схватился за дверную ручку. Не попрощавшись, я выскользнул наружу и прошел несколько кварталов до квартиры Диего, где захватил литр виски и отнес его в свою комнату.

Время забыться.

Глава 16.

Мое прошлое...

Веселье бушевало на расстоянии, когда я вышел под яркую, удушающую погоду Нового

Орлеана. Солнце светило беспощадно, отражаясь от каждой поверхности в парке, от чего практически невозможно было открыть свои глаза. Я натянул солнцезащитные очки, чтобы прикрыться защитным слоем не только от солнца, но и от реальности, с которой столкнусь лицом.

Прошло несколько месяцев со дня смерти, и я подумал, что, может быть, парализующее чувство, которое испытывал каждый день, ослабнет немного со временем, но это было далеко от истины. Ощущение, что боль только сильнее росла.

Джетт пытался отвлечь меня в «Клубе Лафайет», нагружая бóльшей ответственностью и добавив еще троих девушек к списку. Он вынудил меня тренировать их в современном спортивном зале, но это всего лишь незначительное отвлечение, ничего большего.

Мой типичный день начинался с длинной тренировки, избивания груши, пока мои костяшки не превращались в мясо под боксерскими перчатками, потом я принимал душ, встречался с девочками в спортзале и занимался с ними простой плиометрикой. После всего этого, мы проводили несколько часов в комнате Тулуза, где я наблюдал, как девочки практикуются в своих обычных делах, пока не становился довольным их выступлением. Еда падала куда — то, но она никогда не была тем, чем я наслаждался, потому что, честно, я больше не чувствовал вкуса. Вся эта пресное питание было необходимо мне, чтобы жить в своем ненавистном состоянии. Мои ночи были наполнены крепкой выпивкой, которая в избытке хранилась в «Клубе Лафайет». На следующее утро я повторял свой день, никогда не позволяя себе насладиться любым аспектом своей жизни.

Я мертвец, прогуливающийся по улицам Нового Орлеана, без души, без будущего, расколотый и избитый человек, страстно желающий прожить несчастную жизнь, продолжая раскаиваться до ее конца.

Треск от удара мяча по алюминиевой бите сместил мои размышления на детскую игру в бейсбол. По близости не было бейсбольного поля, только трава размеченная конусами и базами и с линией из стульев для родителей, подбадривающих своих детей. В парке, по крайней мере, четыре поля с подобной установкой, максимально используя пространство парка для подрастающей маленькой лиги, все это предлагала городская община городу.

Стол с закусками стоял сбоку от полей, где группа мамочек платила за спортивные напитки и семечки.

Детский смех эхом разносился по парку, владельцы выгуливали своих собак, а родители пытались ограничить своих малышей, которые, как предполагалось, должны были смотреть за своим старшими братьями и сестрами, играющими в простой бейсбол.

Парк пропах семьей, отчего все мое тело зудело.

Это была желанная пытка.

Мазохистская боль выжигала свой путь по моим костям и лучилась по моим венам, напоминая мне снова, что я живу, чтобы испытывать такую боль.

— Попался! — маленький мальчик закричал передо мной, сая своего друга.

— Нет. Ты поймал меня за футболку. Это не считается, — ответил его друг.

— Футболка на тебе, так что я поймал тебя.

— Это не считается, — ответил мальчик, который не делал веского заявления.

— Считается, — сопротивлялся ведущий салок.

— Нет, не считается, — ответил обманщик.

— Ладно, — сказал маленький мальчик, шагая вперед и ударяя своего друга по руке. —

Теперь попался!

Черт, небольшая ухмылка пересекла мое лицо от гениального хода.

Другой мальчик начал заваливаться назад на секунду, но потом восстановил равновесие, пока держался за свою руку. Его лицо было в ярости и внезапно, они оба побежали, все время крича друг на друга.

Их взаимодействие заставило меня задуматься обо всех тех разгах, когда мы с Джеттом гонялись друг за другом на переменах. Мы были в разных классах на социологии, но это не останавливало Джетта от встреч со мной на игровой площадке и формированию крепкой связи, которая никогда не нарушится.

Мы прошли через многое вместе, и даже не смотря на наши драки, наши разногласия, мы всегда четко понимали, что что бы ни случилось, всегда будем поддерживать друг друга.

Это соглашение вступило в силу в прошлом году. Джетт никогда не оставлял меня в начале моей боксерской карьеры. Он был движущей силой позади меня, убеждался, что я верен себе. Когда я все потерял, лишился своей карьеры, он поддержал меня, поверил в мою невиновность. Когда я забрал человеческую жизнь, он прикрыл мою вину. Он забрал меня и обеспечил укрытием, местом для моего раскаяния.

Он поддерживал меня в такие дни, как сегодня, когда желание замучить себя давило тяжелым весом на мои плечи.

— Знаешь на каком поле? — спросил Джетт, подтягиваясь ко мне и надевая солнечные очки.

— Нет, — ответил я, оглядываясь.

— Уверен, что хочешь сделать это? — спросил Джетт, положив руку на мое плечо.

— Я должен. И это не обсуждается.

— Почему ты мучаешь себя?

Я заговорил так мягко, как мог, под шумные крики родителей на краю поля.

— Ты можешь пойти со мной на поле и стоять рядом, или можешь убираться. Вопросы не приветствуются. Я, твою мать, сделаю это, потому что хочу. Смирись.

Не говоря ни слова, Джетт коротко кивнул и последовал за мной, когда я направился к полям в поисках женщины, которая прочно укоренилась в моей голове.

У нее длинные, каштановые волосы, которые струятся по ее плечам. Ее хрупкое телосложение не так уж сложно заметить, поскольку эта женщина была высокой. Ее угловатые плечи и узловатые колени так же несложно найти, но то, что он никогда не забудет — темные круги под ее глазами.

Линда Дункан, чья — то мать и ничья жена.

Я просканировал родителей, которые сидели на складных стульях, растянувшись у вентиляторов, и разговаривая друг с другом, пока их дети пытались играть в бейсбол.

На первом поле было две команды, одетые в непонятное месиво из одежды, но можно сказать, что одна команда была в желтом, а другая — в оранжевом. Я не заметил никого, похожего на Линду Дункан, поэтому перевел свое внимание ко второму полю, где друг против друга играли команды в сером и фиолетовом. С краю стояла группа родителей, смеющихся и попивающих воду из бутылок, но и здесь я не увидел Линду. Я собирался переключиться к третьему полю, когда услышал, как толпа родителей захлопала и начала подбадривать Мэделин.

— Порви их, Мэделин! — проорал мужик, одновременно размахивая кулаком в воздухе.

Я увидел девочку, которая преследовала меня во снах. На ней была пара джинсовых шорт, которые определенно слишком велики для нее, и удерживались на талии розовым

ремнем. Ее огромная фиолетовая джерси была заправлена в шорты, а белые ботинки с розовыми шнурками были испачканы грязью.

Она схватила битку с земли и поправила шлем, чтобы видеть куда идет. Она была крохотной, чертовски крохотной. Это разбило мое сердце на части.

— Давай, Мэделин. У тебя получится, детка, — сказала женщина позади меня.

До того, как я оглянулся, Линда Дункан проскользнула мимо меня по пути к полю, неся с собой пакет с апельсиновыми дольками. Мое сердце вырвало из груди, когда вдова человека, которого я лишил жизни, прошла мимо меня, ее каштановые волосы развевались от небольшого ветра. Она была все еще слишком худой, но при мимолетном взгляде на ее лицо, темные круги исчезли, а она ярко улыбалась.

Смятение жестко ударило по мне, и я заинтересовался — почему она выглядела такой свободной, такой счастливой. Я оглянулся на Мэделин, которая держала одной рукой алюминиевую битку и снова поправляла свой шлем другой рукой. Веснушки рассыпались по ее щекам, и крошечная улыбка растянулась на ее лице, когда она увидела, как ее мать подходила к полю. Мэделин подняла руку и возбужденно помахала своей матери. Линда показала ей большие пальцы вверх и указала на поле.

Мэделин решительно кивнула и подняла битку, едва ли способная удерживать металлическую трубу в своих ручонках

— Это они? — спросил Джетт.

Не способный произнести ни слова из — за комка в горле, я кивнул и шагнул ближе, пока Мэделин ждала, когда перед ней встанет подающий.

Бегуны наполнили базы, в ожидании, когда Мэделин получит свою возможность размахнуться.

— Подача, — крикнул один из тренеров.

Подняв битку вверх, она замахнулась прямо по направлению к подающему и промахнулась.

— Страйк, — засчитал судья, бросая обратно мяч подающему.

Мэделин склонила голову, когда поняла, что промахнулась.

Мой желудок перевернулся от ее пораженного вида.

Линда подошла ближе к краю поля и нагнулась, чтобы Мэделин могла видеть ее.

— Детка, у тебя получится. Смотри на мяч и сильнее размахивайся, как мы и тренировались. Ты сможешь сделать это, детка.

Мэделин подняла свои глаза к матери, снова поправляя свой шлем, и кивнула. Она подняла битку, которая определено слишком большая для нее, и заняла позицию.

— Подача, — снова выкрикнул судья.

Мэделин глубоко вдохнула и снова замахнулась, в этот раз, попадая по мечу в тот момент, когда ее шлем свалился на глаза.

— Беги, Мэделин, беги! — заорала Линда.

Мэделин забавно подняла свой шлем и огляделась, наконец — то, заметив мяч, который она отбила прямо в центр шортстопа. Как детеныш жирафа, который побежал в первый раз, она кинулась к третьей базе, сталкиваясь со своими партнерами по команде на пути. Толпа засмеялась, пока тренер и Линда говорили Мэделин бежать в другом направлении.

Мэделин вскарабкалась на ноги и пересекла ромб на другом конце поля, где коснулась первой базы до того, как другая команда была способна выбросить мяч в нужном направлении.

Все попытки были катастрофичными, вроде «какого черта я должна делать с этим мячом»

— Это было весело, — сказал мне Джетт. Я слышал улыбку в его голосе, черт меня побери, если мои губы не изогнулись от веселья.

Это не то, что я хотел увидеть. Я не хотел смотреть, как Линда подпрыгивала вверх и вниз, беззаботно болея за свою дочку. Я не хотел смотреть, как побеждала малышка Мэделин. Как будто у них все еще есть муж/отец, как будто я не украл у них самого важного человека в их жизнях.

— Это не правильно, — пробормотал я Джетту, отворачиваясь.

— В смысле? — спросил Джетт, подходя ко мне.

— Они...счастливы, — я указал прямо на них. — Они, блядь, счастливы.

— И это проблема потому...?

Я провел рукой по своему затылку и посмотрел в небо, пока пытался подобрать правильные слова, чтобы описать свои ощущения.

— Не знаю. Я просто думал...что они оплакивают потерю Маршала.

— Может, они пытаются двигаться дальше, Кейс. Что и ты должен сделать. То, что ты только что видел — это две души, которые пытаются жить своей жизнью. Люди двигаются дальше после трагичных событий. Сильные двигаются дальше, Кейс. Ты должен сделать то же самое. Если счастливы они, если они наслаждаются жизнью, то и ты должен делать то же самое.

— Я, блядь, не собираюсь у них учиться, — накинулся я на Джетта. — То, что у них хороший день. Это не означает, что они не оплакивают свою потерю. Внешность всегда обманчива.

Не дожидаясь возражений Джетта, я кинулся к машине. Бутылка виски дожидалась меня дома, и она не выпьет себя сама.

Глава 17.

Мое настоящее...

Онемело.

Все мое тело онемело и не потому, что я просидел на жестком, деревянном полу своей спальни несколько часов подряд. Нет, это от осознания, что Лайла — повзрослевшая версия Мэделин.

Прошла неделя, как я говорил с Лайлой, неделя жизни в своей комнате, не выходя за пределы своих крошечных четырех стен, кроме туалета или для пополнения выпивки.

Диего и Блейн оставили все попытки вытащить меня из комнаты на четвертый день, особенно после того, как я швырнул в них матрасом.

Моя комната разрушена, кровать перевернута вверх дном, комод лежит на полу, а постель — у двери, блокируя проход всем посетителям. То, что было безопасным убежищем, теперь место для раскаяния.

Ящик Marker's Mark (марка бурбона) стоял передо мной, так же как и множество пустых бутылок. Алкоголь сочился из моих пор, и каждый раз, как ходил в туалет, из меня вытекал кусочек печени, но я оставался безмятежен. Разрушение моего тела было желанным. Оно было почти кайфом для меня.

Моя голова в тумане, пока я разглядывал комнату от разорванных штор до разбитого телефона, который лежал рядом с плинтусом на полу, после того, как я швырнул им в стену. К тому же тут были множество дыр в стенах, где мой кулак врезался в них в поисках небольшого облегчения от страданий, которые я испытывал.

Мои руки отекали, все в синяках и разбиты. Множество трещин испестрило их, а кровь высохла коркой на моих костяшках.

Последний раз я принимал душ неделю назад, и хоть и пах, как гниющий труп, мне было насрать. Единственное, что меня волновало — бутылка в моей руке и как быстро она достигнет моих губ.

Я гордился своей способностью удерживать бутылку в руке, жить на алкогольной диете и бесполезно растрачивать свою жизнь с каждой янтарной каплей.

Я принял вызов.

Я положил голову на руку, которая упиралась в колено, пока другой удерживал бутылку за горлышко. Я уставился на пол, — холодный, твердый пол, — надеясь, что мучительная жизнь подойдет к концу. В моем теле слишком много боли, слишком много сожалений. Я обещал себе, что проживу такую жизнь в мучениях, расплачиваясь за грехи через муки сожалений, но прямо сейчас, я отдал бы все, чтобы она закончилась.

Лайла потеряла своего отца, которого убили руки другого человека. Она выросла в в системе опеки, защищая себя самостоятельно, молясь изо дня в день, чтобы выбраться из своего положения, сбежать из ада, в котором жила.

Сейчас, она живет в разваливающейся квартире, проводя ночи на шесте для похотливых и мерзких мужиков, которые хотят трахнуть ее на заднем сидении, попусту проживает свою жизнь тем, чем зарабатывает на нее.

После всего, что с ней случилось, она ни на кого не полагается, и эта главная причина, почему она не принимала помощь Джетта. Она верила в идею, что самостоятельно способна обеспечивать себя, что похвально, но она заслуживала намного большего.

Предательский треск ступенек сообщили о чьем — то приближении к моей комнате. Я продолжал смотреть в пол, не позволяя комнате кружиться из — за количества алкоголя, пылающего во мне, вместо того, чтобы дожидаться незваных гостей.

В считанные секунды в мою дверь постучали.

— Кейс?

Чертов Джетт Колби. Я бы поспорил на миллион долларов, что он покажется сегодня. Я чувствовал нутром, что он появится вскоре.

— Убирайся нахрен отсюда, — проворчал я, ощущая эффект алкоголя в своем организме.

Не подчиняясь моим приказам, не то чтобы он стал, Джетт толкнул дверь спальни, но ее остановил матрас на полу. Я мысленно улыбнулся своей попытке забаррикадироваться.

— Какого хрена, — сказал Джетт из — за двери, все еще толкая ее вперед.

— Я могу протиснуться через нее, — проговорила Голди, от чего я застонал.

Какого хрена она здесь делала?

— Не смей, блядь, входить, Голди, — заорал я, поднимая свою голову и заваливаясь набок, разливая выпивку по полу. Сильно запаниковав, я вернул бутылку в правильное положение и наклонил к своему рту, лежа щекой на твердом полу.

Мои вкусовые рецепторы полностью онемели от спиртного, позволяя алкоголю выжигать быстрый и легкий путь по моему горлу.

— Заткнись, Кейс, — сказала Голди. Она пролезла в щель между дверью и косяком.

С того места, где я видел ее, она была пятном ног, покрытых черным хлопком, и длинных, золотистых волос.

— Твою мать, — сказала она. — Какого черта ты натворил?

— Впусти меня, Голди, — попросил Джетт с другой стороны двери.

— Подожди. Комод блокирует матрас, прижатый к двери.

Как в тумане, я наблюдал, как Голди старалась сдвинуть матрас в сторону, пытаюсь освободить пространство для открытия двери. Ее каблуки стучали по полу, и она ворчала, пока работала.

Даже если бы хотел помочь ей, я не смог бы. Я едва мог сосредоточиться на том, что она делала, не говоря уже о том, чтобы встать.

Должно быть, она достаточно освободила комнату, раз Джетт вошел внутрь, потому что с моего ракурса на полу, я заметил пару ног в брюках, идущих по комнате.

— Блядь, — пробормотал Джетт, когда вошел и оглядел разруху, которую я устроил. Согнувшись до моего уровня, Джетт попытался выхватить бутылку из моей руки, но я прижал ее ближе к груди. — Кейс, отдай мне бутылку, — предупредил Джетт властным голосом.

— Пошел на хер, — огрызнулся я, поднося горлышко к своему рту.

Горлышко ударило по моим зубам прежде, чем я был способен поднести ее к своим губам. Одним гладким движением, я запрокинул голову назад и ждал, когда алкоголь обожжет мое горло, но я не был вознагражден сладким привкусом виски. Вместо этого бутылку вырвали из моих рук, а меня толкнули в сторону.

Моя голова завалилась вперед, мышцы шеи больше не работали в соответствии с мозгом.

— Проклятье, — сказала Джетт. — Голди, иди и принеси мне немного хлеба и воды. Мне надо сделать с ним что — нибудь.

— Не слушай его, — ответил я, заваливаясь вперед.

— Иди, малышка, — нежно попросил Джетт.

— Джетт, мне страшно, — голос Голди прозвучал слабо. Впервые в жизни я мог сказать, что она напугана.

— Я разберусь с этим, малышка. Пожалуйста, сходи и принеси немного воды и хлеба, ладно?

— Ладно, — она хлюпнула носом, а потом ушла.

Я ощутил облегчение, после ее ухода. Я наслаждался своим пьяным состоянием...я упивался им, на самом деле...но не хотел, чтобы Голди видела меня таким. Я не хотел, чтобы она видела меня, помеченным моими демонами, как чертовой алой буквой.

Джетт толкнул меня к каркасу кровати так, чтобы моя голова была на уровне его глаз. Мое зрение размыто, но из того, что я видел, — Джетт был не очень — то счастлив.

— Какого хрена произошло? — спросил Джетт, все еще удерживая мою голову, чтобы я смотрел ему в глаза.

— Ты, выглядишь расстроенным, — подразнил его я.

— Конечно, я чертовски расстроен. Я не видел тебя неделю, прихожу и вижу, как ты напиваешься до смерти. Какого хрена, Кейс?

Я потянулся сквозь дымку к его голове и коснулся его щеки.

— Не плачь, детка.

— Мудак, — сказал Джетт, хватая меня за руку.

— Эй, эй, полегче, блядь, — потребовал я, когда комната начала вращаться.

Мой мир накренился, пока Джетт вел меня в ванную, меня, спотыкающегося всю дорогу. Желудок скрутило, и я знал, что резкие движения станут результатом того, что я вычищу из себя каждую каплю алкоголя, которой запасся.

— Помедленней, блядь, — потребовал я снова.

Джетт не слушал и продолжал тащить меня в ванную.

— Ты махнешь, как дерьмо, — сказал он, заталкивая меня в туалет.

Холодный фарфор звал меня. Я схватился за край унитаза, направляя голову туда как раз вовремя, когда мой желудок сотрясли судороги и меня вырвало.

Сидеть в собственной грязи, не двигаясь, просто пить, — почти безмятежное состояние для меня, но в ту минуту, как вы передвинули меня, в ту минуту, как вы заставили меня сосредоточиться на чем — то еще, кроме волокон деревянного пола, из — за этого всего алкоголь, который я поглощал всю неделю, был под угрозой выйти наружу, и именно это со мной и произошло сейчас.

Джетт толкнул мою голову в дыру унитаза, убеждаясь, что все выходящее попадало точно в цель.

Холодок прокатился по мне, когда выступил пот на моей коже от судорог желудка. Пока меня выворачивало, я схватился за унитаз, молясь о том, чтобы все, наконец — то, закончилось.

Медленно, мой желудок перестало скручивать, а на его место пришла жгучая головная боль, пульсирующая в моем мозгу.

Я рухнул на пол и положил предплечье на глаза, блокируя флуоресцентный свет в туалете. Моя футболка прилипла к намочшей от пота коже, а в голове пульсировало, пока та располагалась на плитке на полу, умоляя об облегчении.

— Закончил? — спросил Джетт, не выказывая никакой пощады.

— Ага, — прохрипел я. Мое горло горело от смеси желчи и алкоголя. Разговоры — в данный момент инородное понятие для меня.

— Хорошо, — Джетт снова меня поднял, удивляя меня этим, поскольку во мне на пару фунтов мышц было больше, чем в нем. Он затащил меня под душ, укладывая на пол, и включил холодную воду.

Арктический душ капал сверху на меня, очищая туман в моей голове.

Я не корчился, я даже не двинулся с места. Я радовался ледяной воде, превращающей когда — то мой затуманенный взгляд в более ясный сейчас.

Джетт стоял снаружи душа со скрещенными руками и разочарованием на лице.

— Когда ты в последний раз мылся? — спросил Джетт.

— Когда сосал твой член, — ответил я, довольный своим поганым комментарием.

— Рад, что ты находишь это смешным.

— Единственное, что смешно во всем этом мире, — безжалостное невезение, которым меня, блядь, благословили.

— Все, что знаю я, — у тебя идеальная жизнь, а ты растрачиваешь ее попусту, живя в тени своего прошлого и не двигаясь вперед.

— Ты нихрена не знаешь, — огрызнулся я в ответ. — Ты не знаешь, каково быть мной, жить с виной того, что я сделал.

— Ты вообще разговаривал с ними? — спросил Джетт, ссылаясь на Линду и

Мэделин. — Ты вообще пытался узнать, как у них дела? В последний раз твоей попыткой стало наблюдение за ними на детском бейсболе. А теперь ты просто скрываешься, как неуловимый мушкетер, не желая встретиться с ними. Они могут быть в порядке, Кейс, а ты и понятия не имеешь.

— Они не могут быть в порядке. Как может кто — то когда —нибудь оправиться от потери родителя? Черт, ты потерял свою мать несколько лет назад, но по —прежнему страдаешь из —за этого.

Джетт собирался ответить, но потом закрыл свой рот.

Вот, что я, блядь, думал.

Я потянулся и выключил воду. Я сел на дне душа и стянул футболку и штаны, когда Джетт бросил мне полотенце. Я провел им по лицу, а потом медленно встал, позволяя своим ногам привыкнуть к весу своего тела.

Джетт стоял передо мной с руками в карманах, а манжеты его деловой рубашки были закатаны до локтей. Он источал роскошь и власть, но я знал другое. Парень испытывал боль, как и большинство, кто потерял родителя. Я знаю о потере, которая пришла к нему, когда его мать умерла от СПИДа. Я знаю о скорби, которую он испытывал. Я знал потому, что был тем, кто поддерживал его в те мрачные дни, и даже если он и был ослеплен болью, он продолжил двигаться вперед по жизни, как и Линда с Мэделин. Он не мог говорить мне, что больше не думал о своей матери.

— Все иначе, — сказал Джетт. — Моя потеря отличается от их.

— Потеря есть потеря, Джетт.

— Все иначе, — Джетт прочистил горло. — У меня даже возможности не было побить со своей матерью. У меня был небольшой проблеск того, что бывает, когда мать присутствует в твоей жизни, и то в зрелом возрасте. Я узнал, какой моя жизнь могла бы быть. Мэделин молода. Она может двигаться вперед, не зная сожаления, которое испытал я.

— Я знаю, что ты любишь контроль, Джетт, но ты не можешь диктовать чувства людям.

— Я знаю это, но все иначе.

Отец Джетта был мудаком эпических размеров, используя мать Джетта для продолжения рода, а потом вышвырнул ее на улицу после родов, оставляя бездомной и ни с чем, кроме одежды, которая на ней была, обратно к борьбе за свою жизнь. Так было, пока Джетт не покинул плот своего отца и начал свою собственную жизнь, в которую он мог пригласить свою мать, но было слишком поздно. Ему достался короткий промежуток времени с ней до того, как она умерла от СПИДа в спокойствие его дома.

Я видел отличие, о котором говорил Джетт, но придерживался своей позиции. Потеря была потерей, и кто мы такие, чтобы судить, как кому — то реагировать? Это не наше место, чтобы судить людей. Наше место — любить или поддерживать или скорбеть и оплакивать их.

Я выбрал путь скорби, но вместо того, чтобы медленно выходить из темноты, я чувствовал, что разумно оставаться там, чтобы оплакивать свою жизнь.

— Я принесла воду! — прокричала Голди из спальни, нарушая напряжение между мной и Джеттом. — Где вы?

— Здесь, — позвал Джетт, все еще глядя на меня.

Ее маленькие каблучки стучали по полу, но она остановилась, когда заметила нас с Джеттом, уставившихся друг на друга. Я мельком посмотрел на нее, и заметил ее обжигающий взгляд, изучающий мое тело. Хотя и был полупьяным, я оценил ее

разглядывание моего тела.

— Нашла, что нравится? — спросил я, немного раскачиваясь.

— Ты похож на дерьмо, — ответила она.

— Самое сексуальное дерьмо в городе, — возразил я, вытягивая руки над головой, полностью осознавая, что мое полотенце висело низко. Слишком плохо то, что я все еще в боксерах, или все еще обладал возможностью разыграть неплохое шоу для Джетта и Голди.

Черт, я на самом деле, все еще пьян.

— Я разберусь, — сказал Джетт Голди. — Иди потусуйся с Диего. Я ненадолго.

— Нет, — сказала она вызывающе. — Я хочу объяснения.

— Объяснения чего? — спросил я. Я прошел мимо них обратно в свою комнату. Обычно, я завалился бы на кровать, но поскольку она была разобрана, я сел на край комода, который плашмя лежал на полу.

Голди и Джетт последовали за мной и встали передо мной, ожидая от меня какого — то ответа.

— Что? — спросил я, растирая лицо и желая, чтобы под рукой оказался пузырек с валиумом.

— Что, твою мать, ты сделал с Лайлой? — спросила Голди, ее гнев возрастал.

— О чем ты? — спросил я, мой пульс ускорился от одного упоминания имени Лайлы.

— Из нее будто высосали жизнь, — ответила Голди, руки на бедрах, готовая к схватке.

В ней едва ли полтора метра роста, отсюда и ее прозвище от Джетта, и ноль жира на костях, но я не сомневался в ее способности устроить отличную драку.

— Уверен, что она в порядке, — ответил я, чувствуя себя еще больше опустошенным, чем прежде, из — за Лайлы. Человек, который высосал из нее жизнь — я. Еще одна жизнь, которую я смог повредить.

— Она не в порядке, Кейс. Она не рассказывает мне, что произошло, поэтому тебе лучше начать говорить.

— Мы переспали. Потом я ушел, — я выдохнул, упуская все интимные детали и мгновения, что мы разделили.

— Я не верю, — ответила Голди.

— Не веришь? — я схватился за затылок. — Проверь кошелек. Там на один презерватив меньше.

Токая ножкой, как ребенок, она сказала:

— Нет, не верю, что это все, что произошло.

— Брось, это того не стоит, — сказал ей Джетт, притягивая к себе.

— Я так устала мириться с его непостоянностью. Пришло время взять себя в руки, Кейс. Утомительно быть другом тому, кто думает, что миру придет конец в любой день.

— Рад, что ты, наконец, осознала, что мы не обязаны дружить, — ответил я, на самом деле, желая, чтобы она оставила меня в покое.

— Ты придурок.

— Угу, — сказал я, прислоняясь головой к стене.

— Пошли, — подтолкнул ее Джетт.

— Так глупо. Почему мы должны ходить вокруг него на цыпочках? Какое отношение имеет к этому лето?

Как чертов полуприцеп врезался в стену, осознание ударило меня в грудь.

— Твою мать, какой сегодня день? — спросил я, глядя на Джетта.

Печальное выражение его лица подтвердило мои мысли.

Сегодня день рождения Мэделин, а я, блядь, забыл. Я был так заиклен на топлении в собственной печали, что забыл о ее дне рождения.

— Какой сегодня день? — спросила Голди, разглядывая нас. — Какого черта происходит?

— Мне нужно идти, — ответил я, хватая джинсы и футболку с пола.

— Протрезвей для начала, — сказал Джетт, бросая в меня водой и хлебом. — Потом можешь идти. Полупьяное состояние не поможет.

Даже если я и хотел больше всего уйти, Джетт был прав. Чтобы позаботиться о деле, мне нужно протрезветь, поэтому я схватил воду и хлеб и пропихнул их вниз.

Глава 18.

Мое прошлое...

— Пора, — сказал я Джетту, когда он встретил меня у подножия лестницы расположенной у служебных помещений в «Клубе Лафайет».

— У меня было несколько дел, — ответил он, застегивая пуговицы на своем пиджаке. Он сжал мое плечо и посмотрел в глаза. — Ты не обязан делать это, Кейс.

Это разговор повторялся каждый раз, когда я хотел сделать что — то, связанное с потерей Маршала Дункана. Джетт всегда сжимал мое плечо и говорил, что я не обязан делать что — то, из того, что запланировал, а я всегда противостоял ему. Я не видел изменений в ближайшем будущем.

— Я сделаю, — сказал я, направляясь с ним к задним дверям.

Мы шли в гараж, когда нас остановил свист одной из девушек. Я повернулся и заметил, что «Девочки Джетта» загорали на заднем дворе, топless конечно же, попивали маргариту и сплетничали. Сегодня их выходной и они воспользовались своей возможностью. Я отвел свой взгляд от их груди и пошел дальше.

Там загорали четыре «Девочки Джетта»: Бабс, Пеппер, Тутси и Франси. Их всех нашел Джетт и пригласил в клуб, чтобы изменить текущее положение их жизни. Тутси и Френси парочка...раздражающе милая, когда их видно вместе, на самом деле. Джетт нашел их в порно — клубе, где они расхаживали топless перед кучей возбужденных мужиков. Франси чертовски невероятный бармен, а Тутси взяла несколько уроков моды и оказалась отличной швеей. Когда Джетт узнал о таланте Тутси, он предложил ей работу над несколькими костюмами для девочек. Я был, действительно, впечатлен ее скрытым талантом.

Пеппер, с другой стороны, была очень сложной. Ее по — настоящему темная сторона превосходила мою временами. Я видел это в ее глазах, нанесенные повреждения. Единственную информацию, которую я получил от Джетта о Пеппер, что он смог заплатить ее сутенеру, чтобы помочь ей перейти в «Клуб Лафайет». Я не хочу знать, сколько он заплатил. Все, что я знал, — Джетт спас ее из ужасного положения, в которое она сама себя поставила.

На удивление, все девочки поладили. Это был мой самый большой страх, когда я вступал в свою должность в клубе — что будет полно кошачьего дерьма между девчонками, — но это стало негласным правилом, что они не дерутся друг с другом. Вместо этого, они поддерживали друг друга. Они все пришли из неблагополучных районов и с этим

знанием, они сформировали нерушимую связь.

Иногда они огрызались мне. Они намеренно выводили меня из себя, но опять же, думаю они находили удовольствие в таком противостоянии. И они знали о моих границах и никогда не пересекали черту. Они не спрашивали меня о личной жизни. Они знали, что у меня есть демоны, и оставили меня в покое.

Поначалу, я думал, что план Джетта по спасению этих девушек был немного надуманным, может, немного хлопотным, но теперь я все понял. Я увидел, чем клуб мог обеспечить их: безопасным святилищем от грехов, которые каждый день цеплялись за их кожу. Теперь они могли процветать, сделать что — то для себя. Было приятно смотреть на изменения в их поведении, видеть надежду в их глазах. Если бы только клуб мог оказывать и на меня подобный эффект.

— Куда собрался, босс? — выкрикнула Бабс, обращаясь ко мне, хотя, технически, я не их босс, просто менеджер.

— Не твое дело, — парировал я. Они хорошо знали о вопросах касающихся моих повседневных дел. Кроме тренировок в Комнате Тулуза или в спортзале, они не разговаривали со мной. Не потому, что я мудака. А потому, что мне нечего им сказать.

Девчонки захихикали над моим коротким ответом и устрашающе загудели, развеселив меня.

— Как ты справляешься с его капризами? — спросила Джетта Франси, который плелся позади меня.

— Бурбоном, — ответил Джетт. — Большим количеством чертова бурбона.

— Пошел ты, — усмехнулся я.

— Мы будем скучать, — сказала Тутси. Она помахала нам пальцами. Я покачал головой на самую главную блондинку в доме. Она, на самом деле, тупила временами. Слава Богу, она была красивой.

Я скользнул в черный Рендж Ровер и уселся за руль. Джетт быстро запрыгнул на пассажирское сидение и закрыл дверь, заглушая свист девушек, предназначенный нам.

Я прижал пальцы к бровям.

— И почему ты решил, что численное превосходство женщин над нами — это хорошая идея, не знаю.

— Не самое мое лучшее решение, — усмехнулся Джетт, пристегиваясь.

— Ты не имеешь представления, каково это собрать их в кучу и заставить сосредоточиться.

— Я знаю. Я наблюдаю за тобой, — засмеялся Джетт, ссылаясь на камеры в помещениях. — Рад, что не я этим занимаюсь.

— Угу, ты просто заставляешь меня делать всю грязную работу.

— А разве не так всегда происходит? Я гений, а ты делаешь тяжелую работу.

Его комментарий был сказан с юмором, но это истинная правда. Сколько я знаю Джетта, он всегда придумывал схемы неприятностей, в которые мы любили попадать, а я всегда действовал. Мы никогда не попадались. Это был небольшой кайф, в котором мы жили, когда были молоды. Теперь, когда повзрослели, наши схемы стали труднее. Вместо того, чтобы прикрывать неудачи, мы покрывали наши грехи и помогали людям избежать их.

— Куда едем? — спросил Джетт, прерывая мои мысли.

— На самом деле, не знаю, — я пожал плечами. — Я думал о Таргете, — на самом деле, я не имел понятия куда заехать.

— Таргет? Серьезно? — неодобрительно спросил Джетт.

— Черт, я не знаю, — я потер шею, пытаюсь подумать. — Я не знаю, что подарить маленькой девочке.

— Ты не обязан дарить ей что — то, — ответил Джетт. — Ты уже даришь им деньги.

— Это последнее, что я могу сделать, — сказал я, чувствуя груз ответственности на своих плечах.

У Мэделин нет отца из — за меня, поэтому я взял ответственность на себя — убеждаться, что о ней хорошо заботятся на расстоянии. Чеки, что заработал в «Клубе Лафайет», я отправлял напрямую ей каждый месяц. Я закидывал кучей денег их почтовый ящик каждый месяц с записками сожалений и скорби. Сегодня ее день рождения, и я решил, что смогу помочь отпраздновать этот день, поэтому собрался купить ей подарок, но не имею дурного представления, что хотят маленькие девочки.

— Почему поехал я? — спросил Джетт. — Ты мог взять с собой одну из Девочек.

— Это бы гарантировало кучу вопросов. А я не хочу вопросов. Они мне не нужны.

— Понимаю. Поэтому, теперь мы едем за покупками для маленькой девочки?

— Угу, — ответил я, сдерживая улыбку. — Должно быть весело.

— Или обернется полной катастрофой, — парировал Джетт. — Хотя мы не поедем в Таргет. Поехали на Французский рынок. Ты, по крайней мере, подаришь ей что — то с символикой города, в котором она живет.

— Ты пытаешься разжалобить меня? — поддразнил я.

— Ты хочешь моей помощи или нет?

— Хочу. Просто не ожидал, что ты примешь в этом участие.

— А я и не буду, — сказал Джетт. — Я просто удостоверюсь, что ты не выглядишь, как идиот.

— Она не узнает, что это от меня, — ответил я. Я повернул на улицу Святого Чарльза и направился прямо к Кварталу.

— Объясни, как все пройдет, — сказал Джетт.

Я чувствовал, как Джетт вопросительно разглядывал меня. Он всегда хотел знать каждый нюанс плана, в котором участвовал, и временами это сводило меня с ума. Я просто хотел следовать своему плану, не разговаривая о нем. Но с Джеттом, ты должен быть уверен, что проверил все ящики и принял все возможные меры предосторожности. Он бы не стал блестящим бизнесменом, если бы у него был не такой склад ума. Жаль, что это раздражало меня каждый чертов раз.

Разочарованно выдохнув и крепко ухватившись за руль, чтобы не сорваться, я ответил:

— Я просто собираюсь подкинуть его под их входную дверь. Думаешь, я лично вручаю им деньги каждый месяц?

Джетт знал, что моя ежемесячная зарплата уходила к Мэделин и Линде, он ни разу не сказал ни слова об этом. Он становился молчаливым партнером, когда дело касалось моего пьяного греха, и это стало необсуждаемым правилом, которого мы придерживались, — я был тем, кто убил человека, а Джетт прикрыл это. И исходя из этого, мы оба виновны. Поэтому Джетт принял тот факт, что мои деньги уходили к Мэделин, он ничуть не смущался выплат.

— Ты правда собираешься оставить подарок на пороге дома? Ты не думаешь, что это как — то жутковато?

— Черт, ты же знаешь, что это жутко, и я крадущийся и доставляющий им вещи, но

какой выбор у меня остается? Показать свое лицо? Ты знаешь, что я, твою мать, не могу этого сделать.

— Это может помочь перебороть эмоции, которые ты сдерживаешь, — предположил Джетт.

Я захохотал.

— Ой, ладно, так я должен пойти и вручить им подарок лично в руки? Совершенно незнакомый человек? Или я должен представиться человеком, который разрушил их жизни?

— Ты не разрушал их жизни, — возразил Джетт.

— Чушь собачья...

Джетт перебил меня.

— Они могут быть в полном порядке, а ты не узнаешь этого, потому что крадешься, скрываешься и живешь во тьме, надеясь, что смерть придет за тобой поскорее. Доставай свою чертову голову из задницы и узнай, по — настоящему ли им больно?

Это была та же ярость Джетта, приходившая каждые несколько месяцев, когда он больше не мог выносить моих страданий. Я понимал, что моя хандра делала с ним. Я понимал, что травлю его ядом, и чувствовал себя плохо из — за того, что ему приходилось иметь дело с моим прошлым.

— Оставь это, — предупредил я. Он бесил меня, и я собирался покончить с этим.

Покачив головой, Джетт прислонился спиной к своему сидению.

— Я не понимаю тебя, друг. Почему ты продолжаешь наказывать себя?

— Почему ты продолжаешь спрашивать?

— Понятия не имею, — сказал мягко Джетт, заканчивая наш разговор.

Тишина зазвенела между нами, пока я прокладывал путь через Квартал к открытому рынку, где собрались продавцы со всей страны, чтобы продать свои поделки и сувениры ручной работы. Это было туристическое направление, но еще, когда присмотришься получше, мимо подделок очков и банальных футболок, сможешь найти настоящее сокровище.

Когда нашел парковочное место, я заглушил двигатель и изучал основание руля, пока размышлял о том, что хотел сказать Джетту.

— Я понимаю, что то, что случилось той ночью — моя вина, и понимаю, что ты приложил все усилия, чтобы защитить меня, Джетт, и я ценю это.

— На это были эгоистичные причины, — перебил Джетт. Я отлично понимал, что Джетт защитил меня потому, что не мог потерять, не после смерти его матери.

— Я знаю, — ответил я. — Когда дело доходит до моей жизни, ты можешь защитить меня от закона, но не можешь защитить от моего душевного состояния. В день, когда мой кулак соприкоснулся с Маршалом Дунканом, мою жизнь забрали у меня, и пришло время для тебя принять это. Человек, которого ты однажды знал, больше не существует.

И с этим, я вышел из машины и направился прямо к рынку, не оглядываясь назад, чтобы узнать пошел за мной Джетт или нет, потому что я знал, что он пойдет. Он никогда не покидал меня.

Рынок гудел полуденным волнением, но не было ничего волнительного в задании в моих руках. Все это открывало для меня еще одну сторону темноты, которую я встретил с распростертыми объятьями.

— Это глупо, — сказал я, обсуждая подарок, который пытался завернуть. — Выглядит так, будто его завернул ребенок.

— Тогда, она может подумать, что это от друга, — Джетт посмеивался рядом со мной.

— Почему ты заставил меня завернуть его? — спросил я, разглядывая оберточную бумагу с праздничными свечами, которая хрустела и держалась на длинных кусках скотча.

— Потому что было слишком смешно, чтобы пропустить подобное, — ответил он.

— Ты придурок, — ответил я, возясь с оберточной бумагой. — Если бы он была в форме коробки, было бы легче его завернуть.

— Это плоская сумка, — указал Джетт. — Тебе просто нужно миленько подогнуть углы.

— Ты что, из чертова управления по упаковке подарков? — спросил я, пытаюсь разгладить морщинки на бумаге.

— Нет. У меня так же нет времени, чтобы сидеть с тобой в темноте, пока ты не соберешься подбросить подарок. Просто сделай это. Я уже готов съесть ужин.

— Пропустив прием пищи, ты не умрешь. Ты начинаешь толстеть.

Это было далеко от истины. Джетт был таким же подтянутым, как и я, спасибо нашим спарринг занятиям в спортзале и жестоким тренировкам, которые я проводил с ним.

— Испытываешь удачу, Хейвуд, — пробормотал Джетт, отвечая на письма в телефоне.

Я снова посмотрел на подарок, нервничая. Правильно ли я поступал? Я думал, что это добрый жест, последнее, что я мог сделать для Мэделин, но как она воспримет это? А ее мать?

Мы с Джеттом бродили по рынку несколько часов, рассматривая каждый стол, пока не нашли подарок, который решил ей понравится. Я купил сумку ручной работы, она розово — фиолетовая и сшита из забавно раскрашенной ткани. Она выглядела очень по — детски, но идеально подходила маленькой девочке. Я не знаю, что она будет делать с сумкой, но подумал, что это станет красивым, ярким жестом. До того, как я упаковал ее, я вложил в сумку ободряющую записку.

Любовь — непреклонна, потеря — неоспорима, но любовь поможет тебе двигаться вперед, что продемонстрирует твою истинную отвагу в жизни. Продолжай двигаться вперед, Мэделин.

Мудрые слова, которым я должен последовать сам. Я был слишком далеко для восстановления. Я принял свой приговор, но у Мэделин все еще впереди яркое будущее.

— Подкинь его уже, Кейс. Я не позволю тебе избежать этой части.

Он слишком хорошо меня знал.

Неохотно, я открыл дверцу машины и вышел, не позволяя хлопку двери распространиться эхом в тихой ночи. Я ждал, пока улицы города опустеют, чтобы подложить свой подарок.

Я припарковался на углу, чтобы оставаться в тени. Я бесшумно подобрался к передней части их дома, остановившись за деревом, чтобы убедиться, что у них выключен свет. Уличный фонарь почти перегорел. Я мысленно сделал себе пометку, сказать Джетту об этом, чтобы он смог договориться с кем — то в городе и сменить лампу. У Джетта были связи, и все могло произойти быстро, даже если это простая смена лампы фонаря.

Дом, в котором жили Линда и Мэделин, был маленький и тихим с зелеными ставнями и персиковыми стенами. Цветы в горшках висели перед окнами, а каменная дорожка привела

меня к входной двери.

Бесшумно и редко вдыхая, я подошел к двери и положил подарок на коврик перед дверью. Прежде, чем уйти я оглядел яркую, белую дверь с коваными светильниками. Коттеджного типа дом — классика в Новом Орлеана, теплый и уютный.

Я начал отступать, но почувствовал пару глаз на себе. Я остановился и огляделся по сторонам, разглядывал ли кто — то меня через свои окна. Все дома были темными с задернутыми шторами на окнах, закрывая обзор на любого прохожего. Было достаточно темно, и я знал, то никто не сможет разглядеть кто я, но ощущение взгляда на себе все равно было жутким. Я направился обратно к машине на холостом ходу.

Когда я забрался в нее, Джетт спросил:

— Подложил?

Я кивнул и пристегнулся. Я последний раз оглядел окрестности и выдохнул с облегчением. Один день рождения прошел, осталась вечность.

Глава 19.

Мое настоящее...

Удар за ударом, боль выстреливала в мою голову, заставляя дергаться мой глаз и охватывая весь мозг. Мой желудок переворачивался с каждым шагом, но боль была желанна. После недели вынужденной пьяной комы, я ощущал последствия.

Я поднес бутылку воды ко рту и наслаждался прохладой, которая скользила по моему пересохшему горлу. Джетт заставил меня съесть хоть что — то, но я сожалел о принятой пище, поскольку тошнота вновь охватила меня.

Я ненавидел то, что боялся Голди, и что она боялась за меня. Джетт знал мои возможности и знал, что я мог ускользнуть в еще более темную дыру, чем там, где он нашел меня, но Голди не видела раньше эту мою сторону. Она пыталась быть стойкой большую часть времени, но я заметил страх в ее глаза, когда она смотрела сегодня на меня, выражение, которое я никогда больше не хочу видеть на ее красивом личике.

Голди все еще оказывала эффект на меня. С нашей первой встречи, я знал, что она станет частью моей жизни. Это нельзя было отрицать.

Хотя боль из — за нее уже умерла. Желание пометить ее как свою, вырвать ее из рук своего лучшего друга, — все это ушло, и завязалась настоящая дружба.

Она чувствовала меня, и сейчас я не мог ничего поделать с ее беспокойством из — за того, что произошло между мной и Лайлой.

В то мгновение, как она заметила, что я трезвый, она сделала своей миссией выяснить, что произошло между нами с Лайлой. Я избавил ее от подробностей и сказал, что ничего не выйдет. По словам Голди, это было не достаточно хорошее объяснение.

Придирки, которые я получил, послужили причиной второй волны тошноты и головной боли. Маленькая девчонка с медовыми волосами становилась безжалостной, когда дело касалось ее лучшей подруги. Так было, пока Джетт не заметил, что я достаточно настрадался, чтобы увести Голди и кинуть еще больше еды в моем направлении.

Чувствуя себя наполовину человеком, я сел на капот черного Порш Каенн Джетта, поглощая воду и дожидаясь Пеппер, которая встретится со мной перед отелем. Я упирался одной ногой в бампер внедорожника, а другой в землю, проверяя свое полупьяное

равновесие. Солнце припекало мою спину, а влажность Луизианы выветривала алкоголь из каждой поры моего тела. Детоксикация — настоящая сука.

— Боже, разве ты можешь выглядеть еще сексуальнее? — спросила Пеппер, подходя ко мне, щелкая жвачкой во рту, одетая в джинсовые шорты и короткую майку. Девчонка выглядела чертовски красивой. Она встала передо мной и потрепала мои волосы. — Ты, на самом деле, вошел в образ такого задумчивого человека, — она просканировала мой простой наряд из поношенных джинс и белой футболки. — Почему это так просто для мужчины?

Я снял очки и оглядел Пеппер с головы до ног.

— Почему это так просто для женщины? — спросил я в ответ.

У нас с Пеппер время от времени были свои моменты, особенно после того, как Джетт и Голди, наконец, начали встречаться. У нас у обоих были демоны, с которыми мы боролись, и мы выяснили, что потеряться в наших телах, — легкий способ забыться. Так было, пока Лайла не вошла в мою жизнь, поэтому я прекратил все связи с Пеппер. Это было неожиданно, но она знала, что идя на соглашение, она понимала, что это просто секс и ничего больше.

Кстати, она все еще трахала меня глазами, я знал, что она хотела вернуться к нашему старому соглашению. Часть меня думала об этом в моем пьяном ступоре. Я думал позвонить ей, но был слишком пьян, чтобы даже поднять телефон и написать ей, а уж трахаться с ней бессмысленно. К тому же, подсознательно, я знал, что причину боль Лайле, а я не хотел делать этого.

Лайла и Пеппер ладили, но всегда существовало скрытое напряжение между ними, когда они обе работали в «Клубе Лафайет». Это было заметно, когда они находились в одном помещении вместе. Это сделало отношения между ними двоими намного жестче.

— Куда мы поедем? — спросила Пеппер, надувая пузырь из жвачки.

— Мне нужна твоя помощь в выборе подарка, — сказал я, вставая и удерживая равновесие. Меня все еще шатало. — Хочешь сесть за руль? — спросил я, неуверенный насколько трезвым я был.

— Твою мать, да, — она взмахнула кулаком в воздухе.

Я сразу же пожалел о своем решении, позволив Пеппер сесть за руль. Если она водила не лучше Голди, то мне потребуется бумажный пакет. По словам Джетта, Голди была самым страшным водителем, которого он видел за рулем. Очевидно, ей нравилось ездить по тротуарам, рассматривать пешеходов, как бамперы машин, и игнорировать любые ограничения скорости. С пофигизмом Пеппер и ее свободным духом, я мог только представить, во что ввязался.

— Куда? — спросила она, когда мы сели, и она завела двигатель. Она крепко схватилась за руль и нажала несколько раз на газ, хотя мы все еще были на парковке.

Боже.

— Полегче, Марио Андретти. Мы просто едем на Французский рынок.

— Давай посмотрим, как быстро мы сможем добраться туда, — сказала она, выруливая на дорогу и ударяя по газам. Я отлетел на свое сидение, а моя рука инстинктивно двинулась к «твоей матери» ручке над дверью.

— Если ты не хочешь, чтобы я заблевал твои колени, помедленнее, блядь, Пеппер.

Пеппер засмеялась и сбросила скорость.

— Джетт был прав. Это будет весело.

Я должен был догадаться, что Джетт поговорит с Пеппер. Он, наверное, рассказал всем

девочкам о моем запое и попросил их быть невероятно раздражающими рядом со мной. Он не отпустит это просто так. Это его способ проучить меня.

— Просто, блядь, рули, — ответил я, расслабившись на своем сидении и прижимаясь пульсирующей головой к руке, прислонившейся к окну.

— Какого рода подарок мы ищем?

«Девочки» не знали о Мэделин. Только Джетт знал, но он не мог поехать в этом году, поэтому отправил второй лучший вариант после себя. Она поймет мою потребность не обсуждать этого, в отличие от Голди, которая задаст миллион вопросов. Бабс занята помощью в «Справедливости», а Франси и Тутси бесполезны, поскольку они тоже заняты собой или Франси пытается объяснить все маленькой блондинке Тутси. Я бы предпочел Голди Франси и Тутси, а это говорило о многом.

Отвечая Пеппер, я сказал:

— Подарок для маленькой девочки.

— Эм, это странная для тебя покупка. Потрудишься объяснить?

— Неа, — ответил я, прислоняя голову к окну.

И на этом все. Мы сидели в тишине, пока Пеппер ехала к Французскому рынку. Мы легко могли прогуляться по отелю, но я хотел поехать прямо к дому Мэделин после этого, а с хреновым похмельем прогулки между рядами продавцов на рынке станут достаточно тяжелыми.

Поскольку была суббота, рынок был переполнен, когда мы приехали, но мы были достаточно везучими, найдя место для парковки сбоку улицы. В очках, прикрывающих мои покрасневшие глаза, мы пошли через рынок, уклоняясь от туристов и избегая сырных сувенирных лавок. Я искал что — то ручной работы или оригинальное для Нового Орлеана. С тех пор как впервые купил Мэделин подарок, это стало традицией для меня.

Я не имел понятия, нравилось ли ей вообще, что я дарил, или она даже не открывала коробки. Ее мама могла помечать коробки, как что — то от психа, и даже не отдавать их ей. Если и так, я буду продолжать приносить ей подарки на ее день рождения и рождество, потому что она заслуживала их, хоть могла даже не получать.

— Что насчет Куклы — Вуду? — предложила Пеппер, хватая жуткую куклу со стола.

— Наверное, не самый подходящий подарок, — ответил я, пытаюсь избегать зрительного контакта с блуждающим взглядом куклы.

— У меня были такие, когда я была маленькой. Хотя они ни разу не сработали. Я просила, чтобы волосы моей учительницы сгорели, каждый день, и каждый день она приходила с копной волос на голове. Проклятые штуковины были мистификацией.

— Это так тревожно на стольких уровнях, что я даже не собираюсь спрашивать.

— Лучше не стоит, — Пеппер улыбнулась мне и продолжила идти вдоль рядов торговцев.

Мы прошли продавца поддельных очков, и осмотрели каждую пару, изучая размер и цвет.

— Ты же знаешь, что мы не за твоими покупками пришли, да? — я положил руку на ее спину и наклонился ближе, чтобы она могла слышать сквозь гудящую толпу.

— Девушку невозможно остановить от покупок, — она улыбнулась мне в ответ. — Эй, а как насчет ожерелья?

Пеппер подвела меня к одному из множества столов с украшениями на рынке, но в этом продавце было что — то, что ее отличало. Ее ожерелья были боле французскими по

ощущениям, чем обычное бисероплетение. Серебряные кулоны, болтающиеся на тонких нитях, были выставлены на стойке из черного бархата, привлекая мой взгляд.

— Это вроде как милое, — сказал я, разглядывая круглый кулон с фиолетовым камнем в центре. — Но не слишком они взрослые для маленькой девочки?

— Может быть, — ответила Пеппер, разглядывая громоздкое бирюзовое ожерелье. Оно мне не понравилось, но кого я обманывал. Я ничего не понимал в украшениях, поэтому кто я такой, чтобы судить?

— Забавно встретить вас двоих здесь.

Я замер и сразу же убрал руку со спины Пеппер, как будто она обожгла меня. Не снимая авиаторы, я посмотрел на Лайлу, стоящую перед нами с фальшивой улыбкой на лице. Хотя я и говорил себе не разглядывать ее, мои глаза предали меня, когда я посмотрел на белые шорты, которые демонстрировали ее восхитительные ноги, и мятную футболку, вырез которой был чертовски глубоким. На ней были коричневые сандалии, которые соответствовали ее ремню. Ее волосы собраны в хвост, обнажая ее шею, ее шелковистую, карамельного цвета шею, которая чертовски манила меня.

Она завораживала.

— Привет, Лайла, — сказала Пеппер, немного переборщив с весельем в голосе. Она обняла Лайлу. Пока Лайла обхватывала ее своими руками, она сохраняла зрительный контакт со мной, опаяя меня своими зелеными глазами. По тому, как дернулась ее челюсть и нахмурились брови, я заметил, что она не рада этому. Я не винил ее.

— Привет, Пеппер, — Лайла практически прошептала. — Что вы двое делаете здесь?

— Пришли за покупками, — невинно ответила Пеппер, не зная истории между мной и Лайлой. — А ты что задумала, подруга? Мы не видели тебя уже давно. Ты больше не тренируешься с нами?

Интересно. Лайла перестала тренироваться с другими девочками, хотя все еще имела доступ ко всем удобствам. Это из — за меня?

Конечно из — за меня. Она лучшая подруга Голди. Единственная причина, по которой Лайла не тренировалась, потому что переживала, что я могу оказаться поблизости.

Лайла пожалала плечами.

— Мне нравится делать все по — своему.

Когда Лайла и Пеппер продолжили свою болтовню, я оставил их разговор и рассматривал, как блестели на солнце розовые губы Лайлы. Их образы, скользящие по моему члену, по моему твердому, крепкому телу, по моим собственным губам, пронеслись в моей голове. Сильное желание заняло свое место в низу моего живота, и мне сильно хотелось дотянуться до нее. Я не только хотел эту женщину, но и нуждался в ней.

Стоя в нескольких метрах от нее, я чувствовал притяжение наших душ, пьянящее желание объявить ее своей. Это неоспоримо. Лайла — моя вторая половинка. Я понял это в тот момент, когда встретил ее. Я знал, что она могла бросить мне вызов, понять меня, дать мне все, чего я когда — либо хотел. Вот почему я не мог любить ее, почему не мог быть с ней. На земле нет места моему счастью.

— Как ты, Кейс, — спросила Лайла, вырывая меня из размышлений.

— Хорошо, — ответил я, не уточняя.

— Тоже покупаешь что — то?

— Ищу подарок, — ответил я.

Она кивнула.

— Ну, полагаю, я оставлю вас на вашем свидании.

Свидании? Ох, черт.

— Это не свидание, — я и Пеппер ответили одновременно.

Лайла улыбнулась.

— Ой, не притворяйтесь.

А потом она ушла. Я наблюдал за ее отступлением, ее короткие шорты опасно подпрыгивали на ее ягодицах. Я хотел вырвать ее из толпы и заблокировать обзор каждому мужику поблизости. Я ненавидел то, что она выставляла свое тело на показ всему миру. Я ненавидел, что она работала в чертовом стрип — клубе, где мужики могли увидеть то, что принадлежит мне.

Блядь, что должно принадлежать мне. Приливная волна мучений атаковала меня, пока я пытался успокоить свое колотящееся сердце.

— Эй, ты в порядке? — спросила Пеппер, хватая меня за руку.

— Нет, — ответил я, наблюдая за Лайлой.

Прежде чем мог остановить себя, я двинулся вперед и встал прямо позади Лайлы.

— Лайла...

Она медленно повернулась, перехватила свою сумочку одной рукой, а другую засунула в карман, занимая обычную позу, хотя напряжение между нами было ощутимо.

— Чем могу помочь? — спросила она.

Черт, что я хотел сказать? Множество мыслей пронеслись в моей голове.

Прости меня.

Будь со мной.

Спаси меня, блядь.

Но я не мог произнести ни одну из этих истин.

— У меня нет времени на это, — сказала она, не предоставив мне много времени, чтобы собраться с мыслями. Прежде чем она успела полностью закрыться от меня, я схватил ее за руку и заставил посмотреть мне в лицо. Я заскользил рукой по ее руке, пока наши пальцы не переплелись вместе.

Ее плечи заметно опустились и крепкие стены, которые она возвела вокруг своего сердца, рухнули от одного сжатия моей руки.

— Прости, Лайла.

— За что? — спросила она, прожигая меня своими зелеными глазами. — За то, что относишься ко мне, как к шлюхе, каждый раз, берешь что хочешь, выворачиваешь наизнанку, а потом уходишь? Или извиняешься за то, что не хватает мужества быть со мной?

Мое сердце скрутило в груди. Последнее, что я хотел, — причинить боль Лайле. Мне больше всего на свете необходимо держать ее в своих объятиях, называть ее своей, жить в ее красоте. Я никогда не хотел причинять ей боль, но именно это я и сделал. Впустил ее в свой мир ненадолго, и нанес болезненные раны, потому что не достаточно силен, чтобы сказать «нет».

— Я не хотел относиться к тебе так, — заявил я. — Ты далека от шлюхи, Лайла, поэтому никогда не называй себя так.

— Я просто говорю тебе, как ты заставил меня чувствовать себя, Кейс. Ты думал, что я буду в порядке с твоим отношением? Ты думаешь, мне понравилось рассказывать свои секреты и получить твое отторжение?

Одинокая слеза скатилась вниз по ее щеке, и она вытащила руку из моей хватки и

быстро вытерла ее.

Я схватился за шею, мой нервный тик, пока пытался придумать, как это исправить. Ни одного простого решения не посетило меня, и это заставило меня нервничать. Хотя я и понимал, что не смогу дать ей того, что она хотела, я все еще не хотел потерять ее.

Было время в моей жизни, когда мог найти женщину, как Лайла, и никогда не отпускать ее. Я бы моментально объявил ее своей и убедился бы, что каждый чертов член в городе узнал об этом. Это время в моей жизни, когда я мог бы сделать все что угодно, чтобы вернуться. Просто момент времени, где я не носил на своих плечах вес всего мира, где я мог быть Кейсом, каким однажды был, Кейсом, который знал, что такое жить, наслаждаться жизнью.

Я больше не этот человек.

Глубоко вдохнув, я отдал ей маленькую частичку своего сердца.

— Я не отталкивал тебя, Лайла. Я оттолкнул себя.

— Потому что переспал со мной? — спросила она, вглядываясь в мое лицо и игнорируя проносящуюся толпу.

Я собирался ответить, когда кто — то толкнул меня в плечо, оправляя весь мой вес на Лайлу. Мы оба попятились назад за секунду до того, как я сумел удержать наше равновесие. Я повернулся, чтобы узнать, кто нас толкнул, и встретился с извиняющимся человеком.

— Чувак, извини. Эта бешеная толпа неуправляема.

— Без проблем, — прохрипел я.

— Эй, ты Кейс Хейвуд.

Я молился, чтобы он продолжил идти, забыл, что вообще видел меня. Мне не нужно это прямо сейчас.

— Чувак, ты был таким засранцем. У тебя был самый болезненный апперкот, который я когда — либо видел, — парень выкинул пару фальшивых ударов в мою сторону. Только он не знал, что мой апперкот мог лишить жизни.

— Спасибо, — ответил я, пытаюсь намекнуть парню, что не заинтересован в обсуждении моей боксерской карьеры.

— Ты слышал, что тренера, с которым ты занимался... Джоно... арестовали за подмешивание препаратов своим спортсменам? Ты должен знать об этом, потому что, если честно, не думаю, что ты когда — либо употреблял стероиды. И это только подтвердилось.

— Угу, я проверю это. Спасибо, мужик, — я пожал ему руку и утащил Лайлу за колонну, чтобы получить унцию уединения.

— Это было немного грубо, — сказала Лайла. — Тот парень был милым с тобой.

— Я не хочу говорить о своей боксерской карьере.

— Но он определенно фана...

— Был, — я перебил ее. — Нет необходимости сохранять лицо перед фанатами. Эта карьера давно закончилась.

— Все еще, ты мог бы быть немного милым. Ты ходишь по земле, как будто люди чем — то обязаны тебе.

— Вот в этом ты ошибаешься, — сказал я, прижимая ее к колонне. — Я хожу по земле обязанный кое — кому другому.

Лайла нашла мои глаза, а когда я попытался отвернуться, она крепко вцепилась в мою челюсть, заставляя меня смотреть на нее.

— Тем есть что — то большее, да?

— Больше в чем? — спросил я, наслаждаясь ощущением ее руки на моей коже.

— Больше в твоей боли. Это не только из — за потери карьеры в боксе. Там что — то темнее, что — то глубже, — она замолчала. — Для кого подарок? Для кого ты покупаешь его, Кейс?

То, как ее глаза впились в меня, ощущение ее кожи на мне, ее близость, которая всегда заставляла меня чувствовать себя в такой безопасности, — это сломало мои стены. Ответ появился на кончике моего языка.

— Скажи мне, Кейс. Для кого ты покупаешь его?

Я кружил с возможностью рассказать ей, когда к нам присоединилась Пеппер, с пакетом в руках.

— Купила подарок... — она затихла, когда заметила, как близко мы с Лайлой стояли. — Ой, извините, я что — то прервала?

Обеспокоенное выражение на лице Лайлы испарилось.

— Нет, я просто пойду, — сказала Лайла, пока отстранялась от меня. — Пеппер, позвонишь мне по поводу девичника, — Лайла посмотрела на меня. — Увидимся, Кейс.

Лайла ушла с печальными глазами, оставляя нас с Пеппер одних с шумным рынком позади нас.

Туристы и местные текли рекой вокруг колонн, которое удерживали крышу Французского рынка, но будто разделяя море, я четко видел удаляющуюся красотку, напоминая мне, что я не достоин того, чтобы не отпускать такую меняющую жизнь девушку.

— Ты любишь ее, да? — спросила Пеппер, переворачивая мой мир с ног на голову.

Любовь — незнакомое понятие. Любви нет на моем радаре. В этом я убеждал себя.

— Нет, — ответил я, хотя подобная мысль появлялась у меня в голове.

— Чушь, — ответила Пеппер.

— Извини за разочарование, но я не знаю что такое любовь, Пеппер, — глубоко вдохнув, я кивнул на пакет в ее руке. — Что ты купила?

Отпуская момент, Пеппер полезла в пакет и вытащила зеленую Куклу — Вуду, которая была одета в фиолетово — розовое платье. Скрученная кукла выглядела ужасно.

— Я, блядь, не стану дарить ей это, — заявил я, даже не давая Пеппер объяснить причины покупки этого.

Рассмеявшись Пеппер сказала:

— Это для меня, — она протянула небольшой кулон мне. — Это для твоей подруги. Там серый камень внутри.

Я открыл кулон и увидел небольшой, отполированный камень, закрепленный внутри. Он был простым, но красивым. Простота проходит длинный путь временами.

— Серый? — спросил я.

Пеппер схватила меня за руку и сжала ее.

— Это цвет раскаяния. Я не знаю, что ты ищешь или пытаешься достичь, но может, однажды, ты сможешь простить себя, Кейс.

Если она хотела забить кол в мое кровоточащее сердце, то она забила его, блядь, до упора.

Прощение — то, что ты заслужил, оно не предоставляется тебе. Оно достается сильным людям, которые не только простили, но и приняли прощение. Я хотел бы сказать, что достаточно силен, чтобы принять милость Линды, но знал, что слабый. сломленный и разбитый человек. Ее прощения не будет достаточно, чтобы освободить меня.

Глава 20.

Мое настоящее...

— Тяжелый денек? — спросил Блейн, садясь рядом со мной.

— Можно сказать и так, — ответил я, поднося пиво к своим губам.

Мы сидели в стороне, пока Диего репетировал выступление одной из девушек, которую только что нанял. Наблюдение за всем этим заставило меня осознать, что Диего был еще далеко не готов к открытию своего клуба.

«Cirque du Diable» привлекал ощущением винтажного цирка с легким эротическим намеком. Это новая концепция, и я был в восторге от этого, но и одновременно переживал из — за недостатка времени у Диего, учитывая то, как быстро он хотел открыть клуб.

На главном кольце, где будет происходить все действие, были разбросаны крепкие резиновые ленты, свисающие с потолка, как и подвесные обручи. Помещение было круглым по своей форме с расставленными стульями и столам по краям. Сзади поднимались ряды сидений, похожие на места на стадионе, и высокие столики, стратегически расставленные рядом с баром. Позади главной части клуба находились тематические комнаты доступные для пар.

Когда я разговаривал с Диего об его клубе на ранних стадиях строительства, он рассказал, что хотел создать убежище для тех, кто жил такой же эротической жизнью, как и он, место, где они смогут попрактиковать свои умения, свою любовь и найти успокоение. Это крутая идея, ему просто надо доработать некоторые неровности.

— Что тяжелого произошло? — спросил Блейн, откидываясь на спинку стула и разглядывая новую девушку на сцене. Он не очень отличался нежностями, когда дело касалось женского пола.

— Ничего, — ответил я, пытаясь отмахнуться.

— Знаешь, у всех нас есть проблемы, Кейс. То, как ты справляешься с ними, определяет тебя, как мужчину.

— Ты хочешь сказать, что я не мужик? — спросил я с нарастающей самозащитой, вспоминая все те разы, когда отец бросался в меня подобными словами.

— Неа, просто констатирую факт.

— Похоже на то, что ты пытаешься спровоцировать меня, блядь.

— Получается? — спросил он с самодовольной улыбкой.

— Ты идиот, знаешь?

— Угу, — он улыбнулся. — Хотя серьезно, если когда — нибудь захочешь поговорить...

— Понял, спасибо, — ответил я, когда песня перестала проигрываться через громкие динамики.

Диего вытер лоб предплечьем. В частном порядке, он прокомментировал девушку. Она кивнула и отошла за сцену, выглядя повержено. Диего стоял в середине кольца с руками на бедрах и качал головой.

— Похоже, не у одного тебя тяжелый денек, — заявил Блейн, кивая на Диего.

Раздавленный Диего пошел напрямик к нам, но остановился у бара и быстро захватил несколько бутылок пива. Он вытащил стул из — за соседнего столика и сел на него задом — наперед, расставляя пиво на столе для всех нас.

— Блядь, она ужасна, — пропыхтел Диего, откупоривая бутылку при помощи края стола.

— Зачем ты взял ее на работу? — спросил Блейн. — В смысле, убийственно — охренительное тело, но она была похожа на работа там.

— Да ну! Она сказала, что нервничала из — за того, что вы парни наблюдали.

— Она понимает, что здесь будет аудитория побольше, чем два человека, да? — спросил Блейн.

— Твоими молитвами, — усмехнулся я поверх пива.

— Здесь будет больше двух человек, осел, — возразил Диего. — Когда я проводил с ней собеседование, она была чертовски уверенная и сексуальная. У нее приличный танцевальный опыт. Очевидно, она забыла натянуть на себя маску виртуозной притворщицы, какой являлась.

— Ты уволил ее? — спросил Блейн.

— Не, пока нет. Подумываю дать ей еще один шанс.

— Не знал, что ты занимаешься благотворительностью, — сказал я.

Диего ухмыльнулся мне.

— Проклятье, кто пожевал твой член и выплюнул его?

— Твоя мама, — ответил я с улыбкой, проглатывая огромный глоток пива.

Пол в коридоре скрипнул, давая нам понять, что кто — то приближался. В считанные секунды появился Джетт рядом с великолепной Голди.

Счастливый ублюдок мог взять ее с собой, когда захочет, держать ее, когда заблагорассудится и прожить свою жизнь с нахальной, но красивой женщиной, которая вскружила голову всем мужчинам.

Я был так влюблен в нее, «был» — ключевое слово.

Черт, она перевернула мой мир, когда я впервые заговорил с ней. Я все еще помнил тот день, когда Джетт пришел домой в «Клуб Лафайет», после поездки на кладбище. Он сказал, что нужно подготовить комнату для еще одной «Девочки Джетта». Их уже было четыре. Приход еще одной делал все неровным, но он был непреклонен насчет этого. Я не понимал, но согласился с ним и перевел Франси на постоянную должность бармена. Это, на самом деле, сработало, потому что она была больше рада протягивать напитки, чем танцевать перед городской элитой.

Постоянная потребность Джетта добавить в ряды Голди сбивала меня с толку. Я не понимал срочность, но потом, когда встретил ее при свете дня, в ресторане, она перевернула мой мир с ног на голову. Небольшая часть меня ненавидела Джетта в тот день за то, что он нашел ее первой.

Единственный клочок надежды, что я хранил, состоял в том, что Голди решит, хочет ли она вообще стать «Девочкой Джетта». Если она решит отказаться от подписания контракта, тогда окажется в честной игре, и у меня не было сомнений, что я отобью ее, но она выбрала — подписать, оставляя себя вне зоны досягаемости.

Были ночи, когда я лежал в одиночестве в своей кровати, молясь, что она ищет меня, хочет поговорить со мной, просто чтобы я послушал ее нежный, тоненький голосок, болтающий Бог знает о чем. Но она выбрала другого мужчину, более достойного мужчину.

Я понимал, что она не предназначена для меня, но временами мечтал, что однажды смогу удержать что — то положительное в своей жизни.

А потом появилась Лайла.

Я думал, что знал, каково себя чувствовать сраженным женщиной, но, проклятье, я ошибался.

Лайла ворвалась в мою жизнь и схватила мои чертовы яйца в тиски, не отпуская. Она и сейчас все еще сжимала их, даже на таком расстоянии.

— Как, черт возьми, нам посчастливилось, что ты почтил нас своим присутствием сегодня? — спросил Диего у Джетта.

Голди и Джетт прошли в главное помещение, держась за руки и ярко улыбаясь. Их любовь тошнотворна, и я, твою мать, зеленел от зависти.

— Я хотела показать Джетту все комнаты, которые раскрасила.

Голди превосходный художник, нарисовала настенные фрески и украсила стены в соответствии с тематикой каждой комнаты. У меня была возможность посмотреть на несколько ее работ, и я бы солгал, если бы сказал, что не был впечатлен.

Джетт кивнул в приветствии.

— Как похмелье?

— Я в порядке, — ответил я наклоном своего пива. Его челюсть напряглась, когда он заметил алкоголь в моей руке. — Не беспокойся, мамуля. Всего парочка пива.

— Как мило, — сообщил Блейн. — Что ты зовешь его мамулей. Ты и сиську у него сосешь?

— Осторожнее, — предупредил я, действительно не в настроении.

— Блейн, разве ты не знаешь, что нельзя шутить с Кейсом? — встряла Голди, ее руки скрещены и на вид она взбешена. Я не винил ее. Я обидел ее лучшую подругу и обычно был мудаком с ней.

— Успокойся, малышка, — заворковал Джетт. — У него тяжелый день.

— А когда не был? — Голди закатила глаза и ушла по коридору.

Джетт, извиняясь, посмотрел на меня и ушел за Голди.

— Ее укрощение, должно быть, чертовски приятное занятие, — сказал Диего.

— Это нихрена нелегко, — ответил я, отлично зная, как тяжело переспорить ее.

— Как общественный центр? — спросил Блейн. — Уже открылся?

Честно говоря, я не имел понятия. Открытие предполагалось в скором времени, но мой запой оставил меня в данное время в неизвестности о положении общественного центра. Тошнота и страх непрерывно текли через меня, отчего мои дни стали беспокойными.

Это на меня не похоже — забивать на свои обязанности, особенно, когда я нахожусь во главе, но из темной бездны, в которую я соскользнул после ночи с Лайлой, было тяжело выкарабкаться. К этому еще и примешивался тот факт, что я чуть не пропустил день рождения Мэделин, — от этого мой желудок бурлил тревогой.

— Не знаю, — ответил я.

— Могу я быть честным с тобой, мужик? — спросил Блейн, выглядя серьезно.

— Не останавливайся, — подбодрил я.

Закатив глаза, Блейн сказал:

— Почему ты позволяешь своим демонам побеждать? Почему ты позволяешь им разрушать свою жизнь?

— Потому что я не заслуживаю жизни, — ответил я, как чертова обломщик, каким я и являлся.

— Достаточно справедливо, — Блейн глотнул своего пива. — Я не пойму, что происходит, и вероятно никогда не узнаю твою историю, но твою мать, мужик, ты, по

крайней мере, должен дать шанс людям включить тебя в свои жизни. Ты хороший парень, чертовски забавный парень, когда твоя голова не засунута в задницу. Если ты хочешь печалиться, унывать из — за того, что натворили твои руки, конечно, продолжай и скорби блядь, но когда ты находишься рядом со своими друзьями, людьми, которым ты не безразличен, просто расслабься на часок или около того, потому что, черт, ты приводишь в уныние всех вокруг.

Ублюдок поднял серьезную тему, и я ненавидел это.

Я кивнул Блейну, залпом осушая свое пиво, и встал со своего стула.

— Извини, что убиваю твое веселье, чувак.

Я шел, пока оба Диего и Блейн звали меня, но я игнорировал их. Я уходил не потому, что мне сказали, что я самая большая трусиха. Я ушел потому, что Блейн сказал все настолько верно

Это накрыло меня, как чертов удар по печени. Люди в моей жизни важны для меня, и даже если я жил отлично от их образа жизни, это не означало, что я должен быть мудаком с ними. Не они облажались. Они просто несчастливые души, которые имеют дело с моей капризной задницей.

Размышляя над тем, что сказал Блейн, я шел по коридору к себе. Джетт и Голди вышли из одной из комнат.

— Эй, — сказал я, когда они заметили меня.

— Ты куда? — спросил Джетт. Голди стояла рядом с ним, избегая зрительного контакта со мной и вела себя вызывающе. Я не ожидал от нее меньшего.

— Могу я поговорить с вами двумя в своей комнате?

— Пытаешься сообразить на троих? — саркастично спросила Голди.

Стиснув зубы вместе, чтобы не ответить на ее остроумное замечание, я повел нас в мою комнату, которая была все еще разрушена после моей пьяной выходки.

— Вижу ты прибрался, — сказала Голди, отпिनывая что — то из моей одежды в сторону.

Я поднял матрас с пола и небрежно положил его на каркас, потом запихнул его на место. Это произойдет. Я указал на кровать и сказал:

— Сядьте.

Джетт был спокоен и собран, но Голди была готова плевать дерьмом из своего рта. Я видел это по ее глазам. Она готовилась к схватке. Ее руки заострились, а ногти были готовы к броску.

— Я хочу извиниться.

— Самое время, — фыркнула Голди. — Знаешь, Кейс, ты не можешь вести себя, как придурок, когда тебе хочется только потому, что что — то произошло много лет назад. Это полня фигня. Черт, да я потеряла своих родителей в Урагане Катарина, и ты не видишь меня, ходящую со сморщенным членом между моих ног.

Джетт положил свою руку на ее бедро.

— Голди, дай ему сказать, и пожалуйста, никогда больше не говори, что у тебя есть член. Визуализация — это перебор.

— Это потому что ты знаешь, что мой член будет больше твоего? — невозмутимо спросила Голди.

— Даже если бы я хотел послушать, как ты выразилась, о том, что твой член больше моего, думаю, мы должны свернуть этот разговор и послушать Кейса.

— Это потому, что я принимаю капсулы рыбьего жира, а ты отказываешься, — ответила Голди, не признавая того, что предложил Джетт.

— Да, я слышал, что от рыбьего жира растут гигантские члены, — сообщил с сарказмом Джетт, пощипывая свою переносицу. — Мы можем продолжить?

— Скажи это. Скажи, что мой член больше твоего.

— Твою мать, блядь, — разозлился Джетт. Я внутренне улыбался схватке. — Твой член больше, Голди. Счастлива?

— Да, — сказала она с яркой улыбкой. Потом она повернулась ко мне, скрестила ноги и указала жестом, чтобы я продолжал.

— Уверенны, что не хотите больше обсуждать размеры членов? — спросил я.

— Просто, блядь, сделай это, — ответил Джетт, чертовски разочарованный. Джетт — доминирующий мужчина в каждом аспекте своей жизни, и находится рядом с такой волевой и упрямой женщиной — забавно наблюдать за этим.

Небольшая улыбочка заняла свое место на моих губах от того, как уделала моего друга его девушка.

Пока я собирался с мыслями, они терпеливо ждали, когда я заговорю. Всегда будет настолько тяжело передать свои эмоции?

Скорее всего.

Глубоко вдохнув, я сказал:

— Извини, что всегда веду себя, как придурок с тобой, Голди. Ты должна понять, что есть кое — что, что я сделал в прошлом...

— Стероиды? Я не верю в это, — перебила меня Голди. — Джетт, на самом деле...

— Голди, — строго сказал Джетт, затыкая ее.

— Джетт сделал что? — я смотрел на своего виноватого лучшего друга. Ни один из них не говорил. Джетт избегал зрительного контакта, пока Голди покусывала нижнюю губу, отлично понимая, что выпустила кота из мешка.

— Что ты сделал? — спросил я Джетта.

— Он ищет справедливости для тебя, — выплюнула Голди, хлопнув руками, как будто рассказала самый большой секрет, который когда — либо слышала.

Раздражение закипало во мне.

— Почему ты, блядь, не можешь держаться подальше от моих дел, Джетт? Я говорил тебе, мне плевать на свою боксерскую карьеру. Мне плевать на то, что делал Джоно. Все кончено. Пора, блядь, двигаться дальше.

— В таком случае, тогда тебе, блядь, нужно двигаться дальше во всем, — возразил Джетт, направляя на меня свой пристальный взгляд.

Глубоко вдохнув, я покачал головой.

— Ты знаешь, что я не могу двигаться дальше от этого.

— Есть что — то еще? — спросила Голди, разглядывая нас двоих. — В этом причина, почему ты так отдалился от Лайлы?

Подкидывая ей версии, я кивнул.

— Голди, хочу, чтобы ты знала, что я уважаю нашу дружбу, но это единственное о чем я не могу говорить с тобой, не потому что не хочу, а просто потому что не могу. Я не хороший парень.

— Это всего одна ночь, — перебил Джетт. — Одна пьяная ошибка и не твоя вина.

Потерявшись в мыслях о том вечере, я сказал:

— Я потерял контроль, — я покачал головой от досады. — Я позволил ему спровоцировать себя.

— Кому? — спросила Голди, наклонившись вперед.

— Черт, — пробормотал я, временно забыв, что здесь Голди. — Голди, ты можешь, пожалуйста, просто принять мои извинения и не спрашивать меня снова? Я обещаю, что приложу больше усилий, чтобы быть другом, когда вы рядом, но мне нужно, чтобы вы не копались в моем прошлом. Пожалуйста, можете это сделать? Я просто хочу двигаться дальше.

Это ложь, но ей необязательно об этом знать.

Она воспользовалась моментом, чтобы обдумать то, о чем просил ее, но после некоторых размышлений, она согласилась и встала. Она подошла прямо ко мне и обняла за мою талию. За ней я видел, как напрягся Джетт из — за интимного контакта, но потом кивнул, тем самым гарантируя свое благословление. Я обнял девушку своего лучшего друга, и, на мимолетное мгновение, я упивался чувством ее, прижимающейся ко мне. Характерный аромат ванили и цитруса заполнил мои ноздри, когда Голди сжала меня крепче. Невольно, я положил щеку на макушку ее головы и сжал ее так же крепко.

Однажды я признался в своей любви этой женщине. Однажды я спросил ее, почему она выбрала Джетта. Однажды я мечтал, быть тем, кто обнимает ее, но теперь, хоть она и вызывала незначительное желание во мне, оно было ничем в сравнении с тем, что делала со мной Лайла. Голди накренила мою ось, но Лайла потрясла меня до глубины моей чертовой души.

— Я всегда буду рядом, Кейс, поддерживать тебя и молиться, чтобы однажды ты сможешь найти спокойствие в том, чтобы не пожирало тебя живьем.

— Спасибо, — ответил я, отступая и уходя к двери. — Мне нужно выйти отсюда. Увидимся ребята.

До того как они успели что — то сказать, я вышел из дома. Вдыхая мускусный воздух Нового Орлеана, я пошел прогуляться и очистить свой разум. Начиная с завтрашнего дня, мне нужно вернуться в строй, начиная с моих обязанностей в «Справедливости».

Глава 21.

Мое прошлое...

Это не то место, где я хотел находиться, дожидаясь снаружи ресторана прибытия Голди Бишоп. Джетт был непреклонен в том, чтобы сделать из нее «Девочку Джетта», и я не имел представления почему.

Ну, это не правда. Я знал, что у нее есть основные потребности, которые нужно учитывать. Она потеряла своих родителей, свой бизнес и дом в Урагане Катарина. У нее был долг в тысячах долларов, работа в сомнительном стрип — клубе «Киттен Касл», и жизнь от зарплаты к зарплате, едва сводя концы с концами. Таких женщин, как она, много в Новом Орлеане. Чего я не понимал, почему Джетт так был увлечен помощью ей. Она даже не егс тип.

Она мой тип. Пылкая, упрямая и чертовски красивая.

После того как увидел ее в «Киттен Касл», она залезла мне под кожу, и я сильно хотел увидеть ее снова, но на моих условиях, условиях, на которых я мог объявить ее своей, не

привлекая других мужчин.

Я оперся ногой об колонну, возле которой стоял, и запихнул руки в карманы. Капюшон скрывал меня от внешнего мира, смягчая мое присутствие.

Рутина моей жизни предложила мне маленький шанс, подумать о чем — то еще за пределами моего маленького мирка. Я ценил монотонность моей ежедневной деятельности. Девушки знали свои роли. Они работали органично друг с другом, поэтому я не понимал, почему Джетт хотел нарушить спокойствие. Это достаточно редкое явление, когда женщины живут без драмы между ними. Добавь пятую к ним и только нарвешься на неприятности.

Но я не принимал чертовы решения — Джетт принимал. Именно поэтому, я стоял снаружи кафе, дожидаясь прибытия Голди.

С растущим раздражением от ожидания, я посмотрел на свои часы и потом снова в том направлении, котором появится Голди. Будто явившись из ниоткуда, я заметил ее шагающую прямо ко мне. Ее походка сбилась, когда она подняла взгляд и заметила, что я усталился на нее. Хватка на ее сумочке усилилась, а подбородок поднялся вверх, пока она продолжала идти в мою сторону.

Каждый ее дюйм был покрыт одеждой, ясное послание, что она не хочет пожирающих взглядов. Она могла прикрывать себя сколько хотела. Я все равно знал, какие изгибы она прячет под одеждой. Они впечатались в мой мозг, когда я увидел ее в «Киттен Касл».

— Голди, — сказал я, больше подтверждая, чем спрашивая.

— Эм, да. А ты? — спросила она, не ослабляя смертельный захват на своей сумке.

— Присядем за столик, — предложил я, выходя из своей стойки и кивая в направлении двери.

Я вошел внутрь, не давая ей второго шанса на разглядывание. Я знал, что она последует за мной. Она в отчаянии, загнана в тупик. Она нуждается в этой встрече.

Мы сидели за столом у дальней стены, что предоставляло нам оптимальное количество приватности. Я договорился о столике с хостесс заранее.

Голди ерзала, пока официант принимал наши заказы на воду. Ее руки дрожали, интересно, я заставил ее нервничать.

Конечно, я. О чем я думал? Я — странный мужик, пытающийся убедить ее выступить перед городской элитой. Если бы я был ею, то убежал бы со всех ног в свою квартиру и запер все двери.

Игнорируя ее нервозность, я продолжил встречу.

— Почему ты так долго не связывалась с нами? — спросил я, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки.

— Почему бы нам не начать с небольшого вступления, а? Ну знаешь, старое доброе «привет, меня зовут...» — она показывала мне рукой, чтобы я продолжил.

— Почему ты так долго не перезванивала нам? — спросил я снова, игнорируя ее попытку втянуть меня в обычный разговор.

Разочарованно выдохнув, она сказала:

— Прости, просто я не подпрыгивала от возможности позвонить незнакомцу, который связывался со мной три раза, после того как выслеживал по всему чертовому Французскому кварталу.

Я утихомирил небольшую улыбку и продолжил.

— Почему ты в итоге позвонила?

— Потому что, видимо, я мазохистка, — она встала. — Это не работает. Спасибо за...

воду.

Я непринужденно сидел на своем стуле, не беспокоясь об ее уходе.

— Долг в десятки тысяч долларов не исчезнет просто так, Голди.

Как по команде, она шокировано развернулась. Я, как ни в чем ни бывало, играл с трубочкой в своем стакане и разглядывал ее из — под ресниц. Не надо быть гением, чтобы выяснить, как действовать с этой нахалкой.

Быстро сев назад, она произнесла настолько тихо, насколько возможно.

— Откуда ты взял эту информацию? Это нарушение неприкосновенности частной жизни.

Ее голубые глаза пылали яростью, пока она тыкала пальцем по столу и требовала ответов.

Боже, она прекрасна, даже когда злиться. Ее глаза полны жизни, атрибут, которого мне не доставало. Румянец на ее щеках показывал, насколько молода она была, несмотря на ее взрослый взгляд.

Почему Джетт нашел ее первым? Прямо сейчас, я бы отдал все, чтобы схватить ее за руку, потянуть на свои колени и зарыться с головой в сладкий аромат ее кожи.

Каждую частичку моего тела покалывало от потребности притянуть ее к себе, сделать ее своей. Я не знал ее, но только после одного разговора с ней, я пропал. В ней что — то есть, что — то особенное, что было заразительно. Я знал, что она оставит отметину на мне.

Она ждала моего ответа о нарушении неприкосновенности ее частной жизни, но вместо этого я продолжил свою тактику, напоминая ей о нищенской жизни, которой она жила.

— Ты хочешь сбежать из дыры, в которой живешь сейчас, Голди? Ты хочешь чувствовать себя в безопасности, заботе, и свободной от долгов?

— Нет, я хочу жить в сточной канаве, пока меня трахают в задницу бродяги Бурбона, — саркастично заявила она.

Я ничего не мог с собой поделать. Уголок моего рта приподнялся от ее комментария. Она такая злючка. *Удачи, Джетт.*

— Этот рот не доведет тебя до добра.

— Ах, да? Ну, откровенно говоря, мне насрать, — она наклонилась ближе и сказала. — Прекрати дурачить меня, просто скажи, что, черт возьми, такое «Девочки Джетта» и какие последствия.

Я восхищался тем, какой грубой она была.

— Достаточно справедливо. Ты слышала о «Клубе Лафайет»?

— Только то, что рассказала мне моя подруга Лайла, а это практически ничего.

Лайла ее соседка. Это я знал. И еще я знал, что она тоже работала в «Киттен Касл». Я был так увлечен Голди той первой ночью, что не был способен разглядывать соседку. Из того, что я понял, Лайла была в подобной ситуации, как и Голди, но не настолько отчаянной. Она могла справиться самостоятельно.

— Это высококлассный мужской клуб, где очень важны мужчины приходят вести свои дела. «Девочки Джетта» — развлечение внутри дома, начиная от искусства и танцев до разнесения напитков. К девочкам никогда не прикасаются, они никогда полностью не обнажаются, а их личности полностью анонимны. Они берут псевдонимы, носят парики и маски на протяжении выступления. Если увидишь их на улицах Нового Орлеана, никогда не подумаешь, что они «Девочки Джетта».

— Ладно... — скептически протянула она.

Я мог сказать, что моя маленькая речь напугала ее до чертиков, но продолжил.

— Все «Девочки Джетта» должны жить в клубе и получать образование, которое полностью оплачивается, так что когда они будут готовы уйти, им будет с чем это сделать. Все долги «Девочек Джетта», накопленные до подписания договора, незамедлительно исчезают, в ту минуту, как они приходят в клуб. О тебе полностью заботятся: еда, одежда, место жительства и тд. Каждая «Девочка Джетта» чувствует себя в целостности и сохранности, пока живет в «Клубе Лафайет».

— В чем подвох? — спросила она, не купившись на это.

Как я должен сказать это, не сделав из Джетта полного уродца? Он не такой. Он просто любит секс, как и я. Ничего плохого в здоровом либидо. Я понимаю рассуждения Джетта о моногамных отношениях с девушками. Его мать умерла от СПИДа. Она была очень осторожна, но и он хотел сделать приятное девушкам. Поэтому предлагал им возможность подняться с ним в комнату Бурбон, в его игровую комнату.

— Если ты «Девочка Джетта», ты обязана хранить себя для Джетта и только для Джетта. Отношения за пределами клуба запрещены, и ты должна подчиняться Джетту.

— Подчиняться?

— Да, подчиняться ему.

Угу, я напугал ее. Я видел это в ее глазах, но она пыталась разыграть хорошее шоу передо мной, показать насколько сильной она была. Я был немного взволнован, что она испугалась, потому что, честно говоря, это означало, что, вероятно, у меня появится шанс с ней, хоть в моей жизни и не было места для отношений.

Она раздумывала что ответить, а потом сказала:

— Дружок, этот парень, Джетт, должно быть уродливый ублюдок, раз тратит тысячи долларов, «спасая» женщин, чтобы немного потрахаться. Разве он не знает, что на каждом углу полно жаждущих проституток, которые попросят у него всего сотню баксов, чтобы отсосать его член?

Она все неправильно поняла, но будь я проклят, если исправлю ее. Я эгоистичный придурок. Я хотел ее.

— Ну, миленькое, эм, предприятие вы тут проворачиваете, но должна сказать...не интересуюсь.

Я мысленно махнул кулаком в воздухе, когда телефон завибрировал в моем кармане. Я знал кто это. Джетт проверял, как проходит встреча. Моя совесть боролась со мной. Хоть я и хотел Голди, хотя бы на одну ночь, она нуждалась в Джетте больше, чем во мне. Джетт способен дать ей все, в чем она нуждалась, для второго шанса в жизни. Я не мог дать ничего.

С сожалением, я сказал:

— Не глупи, Голди. Мы оба знаем, у тебя в любом случае нет выбора.

Она выплюнула ответ быстро, с пламенем в глазах.

— В этом ты ошибаешься. У меня есть выбор. У меня есть чуть больше самоуважения, чтобы не продавать себя в какой — то жуткий мужской бордель, чтобы перестать жить от одной унылой зарплаты до другой.

Время сбросить бомбу.

— Поэтому тебе платит за секс Рекс Титан?

Мои слова ударили ее по лицу. Рекс Титан, так же известный, как заклятый враг Джетта, иногда платил Голди за секс. С ее стороны это акт отчаяния, чтобы свести концы с концами. С Рекса, способ восполнить нужды, которые игнорировала его жена. Рекс больной

человек, тот, за кем мы с Джеттом следим, но не показываемся на глаза.

Она указала на меня.

— Ты больной придурок, знаешь это? Найди другое хобби и прекрати преследовать невинных девушек. Чертов гад.

Мне нравилось все в этой женщине, от ее роскошного тела до грязного рта.

— Предложение действует до полуночи, Голди.

— Можешь взять свое предложение и засунуть его свою хренову задницу. Пока, псих, — она ушла.

Я не ожидал ничего меньшего от нее.

Глава 22.

Мое настоящее...

За последнюю неделю я работал на износ, подготавливая все к открытию «Справедливости». После моего возвращения в общественный центр я оценил, что потребуется, чтобы закончить все и был удивлен, что за время моего отсутствия, девочки ускорились. Центр был готов к открытию, и единственное, что нужно — это финальный осмотр «Туманной комнаты». Естественно, девочки оставили это мне.

Если я буду проводить большую часть времени в этой комнате на занятиях, я хотела организовать ее по — своему. Я передвинул трибуны и ящики по кругу и добавил еще больше оборудования вместе с досками и большим количеством матов.

Было девять утра, и центр готовился к открытию через полчаса. Я не был уверен, готов ли я. Я все еще не оправился от своих демонов, пытался преодолеть боль в груди, с которой жил годами. Могла ли одна поврежденная душа попытаться спасти другую такую же? Было ли это вообще возможным?

— Выглядит отлично, — сказал Джетт, когда зашел и осмотрел мои изменения. — Я горжусь тобой, Кейс.

— За что? — спросил я, интересно, за что он вообще может гордиться мной? Этот центр — его идея. Мы использовали его деньги для создания безопасного убежища. Он был вдохновителем, а я последователем.

— За то, что оставил на время свою резервацию и помог развить этот центр вместе со мной. Я не смог бы сделать этого без тебя.

— Девочки сделали много.

— Под твоим руководством, — добавил Джетт. — Не дискредитируй то, чего смог достичь здесь. Принимай похвалу и будь горд собой.

Это причинило мне боль, но я кивнул и принял похвалу Джетта.

— Спасибо, мужик.

— Пожалуйста, — Джетт ярко улыбнулся. — Должен признать, ты изменился за последнюю неделю. Я не говорил с тобой много, но это что — то новенькое, когда ты извинился перед нами в тот день. Голди до сих пор ошеломлена этим. Она думает, что изменила тебя своими разговорами о членах.

— Ну, конечно, — покачал я головой. — Она нечто, знаешь ли?

— Даже не говори. Так с чего изменения?

Я пожал плечами и уставился на боксерские мешки, интересно успею ли я быстро

потренироваться до открытия центра?

— Блейн сказал кое — что мне, что имело смысл. Я тот, кто допустил ошибку, избив Маршала. Я тот, кто решил наказать себя. Я не должен наказывать людей вокруг себя. Вы все приняли меня и мои недостатки. Пришло время, чтобы я начал относиться к вам, как вы этого заслуживаете.

— Означает ли это, что ты начнешь целовать меня на прощание? — спросил Джетт с улыбкой.

— В обе щежки, — пошутил я, указывая на свое лицо.

— Только так я и люблю, — он замолчал, сунул руки в карманы и приподнялся на ногах. — Знаешь, ты справляешься со многим, Кейс, но должен сказать тебе, твоя дружба все эти годы — самое лучше, что случилось в моей жизни. Ну, до Голди.

— У нее есть киска.

— Осторожнее, — усмехнулся Джетт. — Если серьезно, вина, с которой ты живешь ежедневно, может так и не уйти никуда, но я понимаю это и спасибо за то, что остаешься моим лучшим другом. Не знаю, что бы я делал без тебя, Кейс. Я говорил это недостаточно, но ты мой чертов брат, и я сделаю все ради тебя.

— Знаю.

Мы обменялись понимающими взглядами, которые сказали многое о нашей дружбе. Не важно, куда заведет нас дорога, мы всегда будем поддерживать друг друга. Мы может и не кровные братья, но чертовски уверены, что братья по духу.

— Не возражаешь, если я быстро перекинусь пару ударами до открытия?

— Валяй, — ответил Джетт, разглядывая боксерские груши. — Разорви это все. Теперь это твоё помещение, Кейс. Сделай его стоящим.

Поджав губы, я кивнул и пожал руку Джетту. Она притянула меня в короткие объятия, а потом быстро ушел. Не в стиле Джетта демонстрировать столько эмоций, даже перед Голди, но женщина смягчила его, это был великий день. Я принимал бы его обмен объятиями и хранил бы рядом с собой. Во всяком случае, я бы умер, зная, что мое прошлое преступление не разрушило настоящую дружбу.

Не перематывая руки, я быстро скользнул в боксерские перчатки, которые теперь хранил в «Туманной комнате», и подошел к ближайшему мешку. Я крутанул его однократно и подпрыгнул на носочках, высматривая идеальное место для удара. Быстрым джебом* (джеб — короткий, прямой удар в боксе) правой руки, я ударил по груше, заставляя ее качнуться.

Ощущение моего кулака контактирующего с мешком захватило меня. Возбуждение неслось по моим венам, пока я кружил, останавливался и выбрасывал пару джебов на него. Я прыгнул влево, прыгнул вправо и ударил апперкотом* прямо в грушу, мой коронный удар. (*апперкот — удар снизу)

Высокая концентрация осела во мне, когда все вокруг превратилось во мрак. Как в паре, я кружил с мешком, позволяя раскачиваниям от моих ударов возвращаться в ритме танго потного атлетизма. За несколько коротких мгновений слой пота покрыл мою кожу, и в тот момент мои руки начали расслабляться, позволяя наносить удары в полную силу.

Правый хук*, левый хук, апперкот (*хук — короткий удар сбоку)

Апперкот, апперкот, прыжок влево, джеб правой.

Двигайся, Кейс, двигайся.

Издали я услышал рев толпы от каждого совершенного мною удара. Мой тренер

кричал, направляя меня из угла. Кровь стучала в висках, и мои удары стали тяжелее. Я сосредоточился и мгновенно оказался на кураже.

Запах пота моего оппонента ворвался ревом в меня, ощущение моих ног, прыгающих по кругу ринга, атаковало мои чувства, и здесь и сейчас я чувствовал эйфорию от нахождения в центре внимания в своих перчатках, обернутых вокруг моих запястий и жалкого сосунка, подпрыгивающего передо мной.

Правый хук, левый джеб, правый апперкот, прыжок, правый апперкот.

Толпа взорвалась, и аплодисменты раздавались эхом в моей голове, аплодисменты, которые казались настолько реальными.

— Хорошо выглядишь.

Я был на середине удара, когда остановился, мое зрение очистилось, и свет комнаты затуманил его. Хоть мне и было тяжело все воспринимать, я знал, что этот голос постоянно воспроизводился в моей голове.

— Что ты здесь делаешь, Лайла?

— Хотела пожелать тебе удачи перед открытием, — небрежно ответила она.

Я отступил так, что боксерская груша больше не была у меня на виду, и бросил взгляд на женщину, которая была выжжена у меня на душе.

Твою мать, она великолепна.

Ее длинные волосы мягкими волнами спускались с плеч. На ней были обтягивающие джинсы, которые подвернуты над ее ботильонами. Но ее верх — вот, что действительно захватило мое внимание. На ней была свободного покроя блузка без рукавов, которая была раскрыта по бокам и с глубоким вырезом спереди, предоставляя мне восхитительный обзор на ее темно — синий лифчик, что идеально подчеркивал ее грудь. Ее кожа блестела на свету, и я задавался вопросом, — думает ли она обо мне так же часто, как и я о ней.

Я был слабым рядом с ней, мой мозг боролся, когда бы она ни была рядом. Она подавляла меня, мой разум, тело, и чертову душу.

— Спасибо, — ответил я, на самом деле, не зная, что еще сказать. Я скинул перчатки на пол. Схватил полотенце и вытер пот со своего лба. — Ты тоже хорошо выглядишь, — я кивнул на ее внешний вид.

Хорошо — даже не близко к описанию того, как она действительно выглядела.

— Спасибо, — ее руки полезли в карманы, и она оглядела помещение. Когда закончила сканировать комнату, она глубоко вдохнула и воспользовалась возможностью шагнуть ко мне ближе.

— Что ты делаешь, Лайла? — спросил я, интересно, почему она продолжает возвращаться ко мне, даже после моего ужасного отношения к ней, когда мы вместе.

— Тяжело выкинуть тебя из головы, Кейс. Просто тяжело отпустить это.

— Для тебя это будет лучше.

— Знаю, — ответила она, схватившись за одну из моих петель на ремне. Тепло струящееся из нее мгновенно впитывалось моим телом, ставя меня в неудобное положение. — Хотела бы я держаться подальше, Кейс. Я говорила себе, что не нуждаюсь в тебе, что я должна двигаться дальше, но я вижу тревогу в твоих глазах, боль, потребность в том, чтобы кто — то тебя спас, и хоть убей, я не могу пройти мимо этого.

Знала ли она, что я тайно хотел, чтобы она спасла меня? Могла ли она видеть, насколько я нуждался в ней? Молил о ней по ночам? Могла ли она на самом деле видеть отчаяние в моих глазах, останавливающую сердце боль в моей груди от потребности жить

нормальной жизнью?

— Я знаю, ты не хочешь меня, Кейс. Я знаю, ты хочешь изолировать себя от внешнего мира. Я принимаю это, я понимаю, но я просто хочу, чтобы ты узнал — неважно сколько раз ты будешь отталкивать меня, неважно сколько раз ты будешь груб со мной, я всегда буду здесь рядом, для тебя. Я хочу, чтобы ты был счастлив, даже если без меня.

Мой пульс зашкаливал в груди. Я притянул Лайлу к себе за бедра. Ее рука поднялась вверх по моей груди к моей челюсти, где ее пальцы прошли по моей грубой щетине. Ее ногти пробежались по грубым волосками, а ее мягкий зеленый взгляд сверлил мою душу.

— Ты моя зависимость, Лайла.

Растерянный и смущенный, я притянул ее голову к себе и нежно скользнул своими губами вдоль ее. Я — зависимый, наркоман, мазохист. Эта женщина в моих руках была всем, о чем я мечтал, и одновременно всем, что я не мог иметь.

Кровь стучала во мне от контакта, и я хотел, чтобы в этот момент Бог забрал меня, потому что я умер бы счастливым человеком. Я мог умереть, чувствуя себя счастливейшим сукиным сыном, награжденным этим хреновым миром.

Но жизнь не справедлива.

Я отстранился и уставился на ее пухлые губы. Потрясающая, такая чертовски красивая.

— Лучше, если ты будешь двигаться дальше, Лайла. Я хочу, чтобы ты двигалась дальше.

— Как ты может говорить подобное, когда твои глаза говорят об обратном?

— Потому что я знаю, это лучше для тебя. Ты думаешь, будто знаешь меня, ты думаешь, что сможешь справиться с моим прошлым, но это не так. Здесь нет такого простого решения.

— Извините? — высокая женщина с каштановыми волосами вошла в комнату, оглядываясь слегка смущенно. Я бросил взгляд на свои часы и увидел, что уже больше полдесятого утра. Черт.

Я повернулся к Лайле и сказал:

— Спасибо, что принимаешь меня, но со мной нет будущего, малышка. Лучше двигайся дальше.

Страдальческое выражение ее лица снова выпотрошило меня, но я проигнорировал жгучую боль и переключил свое внимание на женщину, прервавшую нас. Боль прошла по моему позвоночнику, пока я пытался распознать знакомые черты этой женщины.

— Могу я вам помочь? — спросил я.

— Я ищу Кейса Хейвуда.

— Это я. Чем могу помочь, мэм?

— Мама, это место потрясающее, — послышался тонкий голосок. Вбежавшая в комнату и обнявшая свою маму, девочка посмотрела на нее с обожанием.

Мое дыхание замерло, легкие сжались, а в глазах потемнело.

Это Мэделин и Линда, семья, которую я разрушил.

Глава 23.

Мое настоящее...

— Кейс, Кейс, ты в порядке? — Лайла трясла мою руку, пытаясь выдернуть меня из тумана, но я не мог пошевелиться.

Я онемел, мен парализовало, изранил вид передо мной. Это не реально. Я переживал

чертов ночной кошмар. Бог не настолько жесток, да?

— Кейс, — снова позвала меня Лайла.

— Мамочка, мне страшно, — сказала Мэделин, выводя меня из ступора.

— Извините, — я покачал головой, пытаюсь избавиться от неверия. Собравшись с силами, я сказал. — Вы напомнили мне кое — кого знакомого, — солгал я, точно зная, кто стоял прямо передо мной.

Мэделин заметно расслабилась и улыбнулась мне огромной беззубой улыбкой во весь рот. У нее не хватало двух верхних, передних зубов, веснушки рассыпаны по ее носу и щекам, а ее волосы собраны в хвостик, но небольшой клочок волос свисал на ее нежное личико, придавая ей ангельский вид.

Она — красивый ребенок.

Быстро оценив ее, я заметил блеск медальона, который касался ее нежной шеи. Мое сердце сделало кувырок от осознания, что она носила медальон, который я недавно подарил ей. Но тут не только медальон. Она носила сумочку, которую я подарил ей, как и футболку, которая была все еще велика ей. Она носила все, что я подарил...все чертовы подарки за прошедшие годы.

Она не только получала подарки, но и хранила и пользовалась ими.

Внезапно я почувствовал слабость, как будто потерял способность стоять на своих ногах.

— Может немного воды, мистер Хейвуд? — спросила Линда.

— Да, — ответил я, собираясь в кучу. — Давайте выпьем немного и поговорим, — я повернулся к Лайле и прижался целомудренным поцелуем к ее щеке. — Уходи, детка. Живи своей жизнью, — ей не стоит впутываться в большую и хреновую паутину, в которой я жил. Она озадаченно нахмурила брови, когда я ушел прочь, пытаюсь собраться для разговора, который у меня состоится с Линдой Дункан.

Что она вообще может хотеть? Она узнала, что это я подбрасывал подарки? Она видела меня при свете дня в прошлый раз? Если бы я не был таким пьяным в ночь до этого, ее подарок был бы подброшен, как и во все остальные разы.

Она выяснила, что это я убил ее мужа? Она здесь, чтобы открыто обсудить мои прошлые грехи? Она здесь, чтобы сдать меня?

Каждая возможная мысль об ее нахождении здесь проносилась в моей голове, пока я шел за водой, задаваясь вопросом — это мои последние минуты, прежде чем меня приговорят? Я схватил бумажный стаканчик из диспенсера рядом с кулером и налил себе немного воды. Трясущейся рукой я поднес стаканчик к своим губам.

Большими плотками я допил за секунды, а потом смял его в ладони, слегка ослабив немного напряжения в моем теле.

— Извините за это. Погода быстро меняется в этом году. Я не был готов к жаре, — сказал я, придумывая какие — то оправдания моему странному и неловкому поведению.

— Не проблема. Я понимаю, о чем вы. Я тоже не была готова к этой жаре, да еще и влажности. Это временами удушающе, — согласилась Линда.

— Именно, — ответил я, чувствуя себя неудобно.

Линда милая. С ней приятно и очень легко разговаривать, чуть ли не слишком легко. Я не хотел знакомиться с ней, потому что зная меня, я бы отпустил все свои прошлые грехи в мгновение ока, спасибо огромной вине давящей на меня.

В последний раз я видел Линду лично, когда приходил на бейсбольную игру Мэделин. В

то время Линда была долговязой. Она, казалось, выглядела нормально издалека, но я замечал вес всего мира на ее плечах. Мэделин была милой, как и всегда, но чуть больше подросла. Линда поднабрала немного веса. Она теперь выглядела здоровой, полной и фигуристой.

Интересно — она снова вышла замуж? Она вообще ходила на свидания, после смерти Маршала? Есть ли у нее личная жизнь? У нее вообще есть кто — то, или она все еще опустошена из — за того, что сделал я, из — за того, что я украл у нее?

— Извините. Как грубо с моей стороны не представиться. Меня зовут Линда, а это моя дочь — Мэделин, — сказала Линда.

Линда протянула свою руку, и я коротко ее пожал, а потом мельком посмотрел на Мэделин, которая тоже протянула свою ручку, красуясь своей беззубой улыбкой.

Проклятье, она великолепна.

— Привет, я — Кейс, — я взял ручку Мэделин в свою, а она сморщила носик и посмотрела на Линду.

— Он весь потный, мам.

— Мэделин, — упрекнула Линда.

— Нет — нет, все в порядке, — сказал я. — Твои ручки тоже вспотеют в боксерских перчатках. Должен тебя предупредить.

— Ну, очень мило с вашей стороны, но мы не должны забывать о наших манерах. Да, Мэделин?

— Да. Извините, мистер Кейс.

— Да без проблем, — я усмехнулся.

Эти веснушки и улыбка станут моей погибелью. Мэделин такая изящная, такая миниатюрная. Футболка на ней, одна из тех, что я подарил ей несколько лет назад, с картой Нового Орлеана на ней. Ясное дело, что это не самая моя лучшая покупка, поскольку она впору ей только теперь, и еще потому, что на ней была карта Нового Орлеана, но очевидно ей нравилось. Выбор подарков не был включен в мой мир, а покупки для маленькой девочки вообще из хреновой другой галактики. Покупки для маленькой девочки добавляли давления, что выливалось в дерьмовые подарки, как футболка, что на ней. Ей, кажется, нравилась сумочка, которую я тоже подарил, поскольку она все еще пользовалась ей. Она была потрепанной и порванной в некоторых местах, где небольшие нашивки с божьими коровками и радугой прикрывали дырки.

Даже если я не хотел радоваться тому, что она все еще пользуется вещами, которые я подарил, я не мог ничего поделать и немного ликовал. Она любит мои подарки.

Она любит их. Либо это, либо...

Черт, может, у нее больше ничего нет, кроме моих подарков, потому что ее мама не может себе этого позволить.

От этой мысли мой желудок снова сделал сальто.

— Кейс, вы уверены, что в порядке? — Линда положила руку на мое плечо, и я практически почувствовал, как ее кожа прожигала мою, прожигала меня за мои прошлые грехи.

— В порядке. Эмм, чем я могу помочь вам? — спросил я, нуждаясь в том, чтобы этот небольшой разговор закончился как можно скорее.

На заднем плане общественный центр суетился от взволнованных посетителей, исследующих различные занятия, которые мы предлагали, как и тур по возможностям, проводимый Голди, естественное, потому что кто еще мог так развлекать? Голоса начали

наполнять коридор, и я понял, что тур вскоре направиться в мою сторону, что означало, — мне нужно собрать все свое дерьмо вместе. Я не смогу управлять хорошо центром, если буду валяться задыхающимся на полу. Да, именно это заставит людей записываться на мои занятия.

— А это «Туманная комната», — сказала Голди, открывая дверь и позволяя нескольким людям войти.

Заходили семьи, так же как и парочки. Они осматривались с благоговением. Голди встретила со мной взглядом и вопросительно посмотрела. Я покачал ей головой «не спрашивай ни о чем» и был благодарен, что она не стала давить...

— А это Кейс. Он наш инструктор в «Туманной комнате» Ходят слухи, что жестко работает со своими спортсменами, поэтому если хотите сюда, готовьтесь попотеть.

Я улыбнулся и сказал:

— Мы принимаем спортсменов всех уровней. Никакого осуждения. Я буду работать с вами на вашем уровне подготовки.

— Это он сейчас так говорит, — Голди подмигнула и вывела группу из помещения.

— Она такая веселая, — сказала Линда, говоря о Голди. — Она была такой милой за стойкой, особенно, когда отправила нас прямо сюда.

— Она невероятна, — подтвердил я, говоря правду.

— Мам, могу я поиграть на матах? — спросила Мэделин с умоляющим взглядом в глазах.

Линда смотрела на меня в поисках одобрения. Я склонился до уровня Мэделин и сказал:

— Действуй, ребенок.

— Крутяк! — она отбросила сумочку на пол и забегала по кругу, кувыркаясь и крутя колесо на матах.

— У нее куча энергии, — указал я.

— Мне ли не знать. Именно поэтому мы здесь. Я хотела, чтобы она использовала эту энергию во благо. Я хотела, чтобы она научилась работать с другими, слушать инструкции и принимать себя.

— Она определенно сможет этому научиться здесь. У вас еще какие — то занятия на уме?

— Самооборона, — не сбиваясь, произнесла Линда.

— Ладно, ну, у нас есть занятия, к которым она может присоединиться. Но они, вероятно, будут больше для взрослых.

— Ничего, — сказала Линда, одновременно смотря на Мэделин. — Чем раньше она научится, тем лучше. Я так же хочу, чтобы она воспитала уверенность в себе и поднабрала немного мяса на свои косточки. Ей необходимо быть в состоянии постоять за себя.

То, как Линда говорила, заставило меня беспокоиться. Мэделин дразнят в школе? Лишь мысль об этом заставляла мою кровь вскипеть, а руки зачесаться и позаботиться о том, кто дразнил ее. Не важно, какого возраста или размера они были, я был готов преподнести кому —нибудь чертов урок.

— Я понимаю, что это не мое дело, но у нее проблемы в школе?

Линда затерялась в оцепенении, разглядывая Мэделин.

— Извините, что вы сказали?

Линда будто жила в собственном мире прямо сейчас, полностью затерявшись мыслях. О чем она думала? Она пыталась научить Мэделин самообороне, потому что на ее отца напали

в баре? Это имело смысл, но будет ли устраивать Линду, что я буду учить ее дочь самообороне, когда являлся тем человеком, который убил ее мужа?

Меня начало мутить, но я проигнорировал это, нуждаясь завершить уже этот разговор. Повторившись, я спросил:

— Мэделин обижают в школе?

— Что? Нет. Почему вы спросили?

— Ох, я просто... То как вы спросили о самообороне, я подумал, что она проходит через что — то прямо сейчас.

— Просто меры предосторожности.

Меры предосторожности. Линда пыталась защитить Мэделин от таких людей, как я. Только она не знала, что должна держаться подальше от меня, насколько это возможно.

— Думаете, Мэделин будет способна присоединиться к занятиям? Это очень важно для меня, чтобы она могла постоять за себя с раннего возраста. Я хочу, чтобы она выросла сильной, уверенной женщиной.

— Угу, — я сглотнул желчь. — Мы можем взять ее на сегодняшние занятия, если вам интересно начать прямо сейчас.

Я говорил, но на самом деле не понимал, что предлагал. Я, правда, принял Мэделин в один из моих классов?

— Это было бы замечательно. Во сколько начало?

Я посмотрел на асы.

— Через полчаса.

— Идеально. Я принесу ее форму. Я смогу переодеть ее и тогда мы вернемся.

— Звучит здорово, — ответил я. — Убедитесь, что получили бесплатную бутылку воды на входе.

— Спасибо. Могу я посидеть и посмотреть?

— Ага, именно для этого у нас есть лавочки. Вы также сможете присоединиться, если захотите.

— Я подумаю над этим, — произнесла слегка смущенно Линда. — Пошли, Мэделин. Мы подготовим тебя к занятиям.

— Класс! — крикнула Мэделин, ударяя кулаком в воздух. Она скользнула по полу, подхватила сумку и направилась к выходу из зала вместе с мамой.

— Увидимся, — крикнула Линда.

— Да, увидимся, мистер Кейс, — сказала Мэделин, помахала и ушла вместе со своей мамой.

В то мгновение, как закрылась дверь, я запер ее и побежал к мусорке, где выпустил из себя все грехи и сожаления.

Как, твою мать, я собирался пройти через это и не облажаться?

***

Мое сердце колотилось в груди, пот стекал по спине, а горло сдавило от эмоций, хреново неотступающее чувство, от которого становилось трудно дышать.

Наблюдая за тем, как Мэделин прыгает вокруг «Туманной комнаты», в боксерских перчатках слишком больших для ее ручек — макаронин, улыбается и машет своей маме, после каждого удара по мешку, — все это вызывает у меня тошнотворную нервозность.

Я не понимал, почему чувствовал себя так плохо. Я должен радоваться, что она

пухленькая, маленькая девочка с чертовски большим золотым сердцем и улыбкой, из — за которой я хочу подарить ей весь мир.

Но все, что я чувствовал, — большую потребность глубоко зарыться в клетке Создателя, и смыться от улыбающегося образа Мэделин Дункан.

Я чувствовал, будто тону, задыхаюсь от недостатка воздуха, задаюсь вопросом — когда эта обжигающая боль в груди перестанет существовать?

Такую боль я испытывал, притягивал ее к себе. Я не мог пережить больной план Господа, который привел в мою жизнь Мэделин и Линду.

— Здесь неплохо, — сказал Джетт, похлопывая по моему плечу. — Ты заставляешь их попотеть.

Сейчас здесь было небольшое занятие из пяти человек. Линда решила присоединиться, и прямо сейчас они работали над своими джэбами, пока я пытался успокоить свое несущееся со скоростью света сердце.

— Ага, — ответил я, не зная, что еще сказать.

Мэделин ударила своими маленькими ручками по мешку ужасно жестко, и я понимал, что должен поправить ее, чтобы она не нанесла себе вред, но мои ноги приросли к полу, не позволяя двигаться вперед.

— Ты в порядке? — спросил Джетт, слишком хорошо меня зная.

— Нет, — ответил честно. — Я ни хрена не в порядке.

Джетт склонился ближе.

— Хочешь поговорить снаружи?

— Не могу. Веду занятие.

— Серьезно? Потому что похоже на то, что ты стоишь тут в абсолютном...

— Мэделин, оставайся у своего мешка, — крикнула Линда, перебивая Джетта. Мэделин бегала по кругу, ударяя по всем мешкам в зале, вызывая чертовски очаровательную суматоху.

Джетт метнул свой взгляд туда, где были Мэделин и Линда, оценил парочку мама — дочка, потом повернулся спиной к ним и стал лицом ко мне.

— Это...

Я подтвердил его подозрения, не позволяя закончить.

Джетт провел пальцами по лицу и пробормотал:

— Твою мать. Что они здесь делают?

— Линда хочет, чтобы Мэделин научилась самообороне. Она считает это важно. Учитывая, как умер ее отец, я не стал бы винить Линду за то, что заставляет свою дочь ходить на эти занятия.

— Хочешь сказать, ты собираешься помочь? Какого хрена ты думаешь?

— А что я должен был сказать? «Извини, не могу помочь, поскольку это я тот, кто убил твоего мужа». У меня было не так уж много вариантов, Джетт.

— Догадываюсь, что не много, — сказал он, повернувшись, чтобы посмотреть на Мэделин. Она прислонилась к стене, вытирая лоб своим предплечьем и переводя дыхание. — Она такая очаровательная.

— Я, бля, знаю, — признался я. — Что мне делать?

Я был в недоумении. Не имел понятия, как справиться с этой ситуацией. Мне нужен спасательный круг. Мне нужен кто — то, кто скажет мне, как справиться с этим, потому что прямо сейчас, я не мог дышать, не говоря уж о том, чтобы разобраться с тем, как разговаривать с Мэделин.

— Делай все правильно, — просит Джетт. — Проглоти своих демонов, шагай вперед и научи девочку. Что случилось с тобой в прошлом — не твоя вина, но у тебя теперь появилась обязанность, чтобы пройти через это.

Джетт прав. У меня была обязанность, — позаботиться о Мэделин. Если это означало затолкать желчь, которая нарастала лишь от мысли сформировать связь с этой маленькой девочкой, тогда я смогу.

— Ты прав, — сказал я, проталкиваясь мимо Джетта и направляясь прямо к Мэделин, которая все еще стояла, прислонившись к стене, руки на боках, а голова прижата к стене.

— Привет, — сказал я, приседая до ее уровня.

— Здравствуйте, мистер Кейс, — сказала Мэделин, оживляясь. — Эти перчатки тяжелые.

— Ну, они не того размера. Я говорил тебе, что они не подойдут, — она настаивала на том, чтобы надеть их.

— Просто я хотела, одеть такие же, как у вас, когда вы показывали все. Вы выглядели таким сильным.

Онемение начало ползти по моей спине. *Я могу сделать это*, повторял я снова и снова в своей голове.

— Чтобы добиться этого, ты должна начать с самого начала. Как насчет того, что мы снимем эти перчатки и намотаем маленькие повязки вместо них? — предложил я. — А позже мы сможем поработать с перчатками.

— Эти перчатки черные, — она сморщила носик. — У вас что красивых нет?

Я оглядел перевязочные бинты и отрицательно покачал головой.

— Прости, малышка. У меня есть только черные прямо сейчас, но я придумаю, что смогу сделать для тебя на будущих занятиях. Что думаешь?

— Хорошо, — она сверкнула мне беззубой улыбкой, расплавив меня на месте.

За эту улыбку я бы подарил ей весь чертов мир.

Мы пошли к перчаткам. Она будто тень, которую я не мог стряхнуть с себя с тех пор, как мой кулак коснулся ее отца, и прямо сейчас, эта тень стала даже сильнее.

Я вытащил самые маленькие бинты, что у нас были, и присел. Она положила руку на мое плечо. С серьезным видом, она вытянула другую руку и сказала:

— Я рада, что вы сейчас учите меня, мистер Кейс. Вы мне нравитесь — она помолчала на секунду, а потом продолжила говорить, пока я помогал наматывать ей бинты. — У меня нет папы, но если бы был, я бы хотела такого, как вы.

Пот выступил на моей коже, ненависть к самому себе начала затмевать мои мысли, и боль вспыхнула у меня в глазах, пока я заталкивал слезы, готовые пролиться.

— Хотя ты тихий, — продолжила она. — И строишь смешные рожицы.

— Смешные рожицы? — переспросил я, едва способный управлять своими голосовыми связками.

— Ага, вы всегда такой, — она уперлась в бока кулаками, подвернула губу и прищурилась на меня.

Если бы я не чувствовал, будто меня кто — то поднял и разорвал на части, я бы рассмеялся над ее восприятием меня.

— Не думаю, что я выгляжу так.

— Ну, не совсем так, — ответила она, теперь с двумя перевязанными руками. Она махнула в воздух кулаком и запрыгала вокруг меня. — Жаль, как цветок, порхай, как пчела, — сказала она, еще раз ударяя.

— Что? — переспросил я, озадачено.

— Ну, знаешь, Мамала — лади.

— Мама — что?

— Бум, бум, бум, — сказала она, ударяя по моему бедру. — Я порхаю, как пчела.

Смотри на меня, — она попрыгала вокруг меня еще немного, а потом до меня дошло.

— В смысле, Мухаммед Али?

— Точно, — сказала она, все еще вытанцовывая вокруг меня, добавив еще несколько жалких ударов к смеси.

— Думаю, ты имела ввиду «порхай, как бабочка, жаль, как пчела».

— Точно. Пау, пау, пау. Я — чемпион.

Я вел ее к боксерским грушам, пока она продолжала прыгать.

— Полегче, киллер. Для начала, давай научимся правильно бить.

Я провел добрых десять минут с ней, игнорируя подавляющее чувство дискомфорта и ярости. Ярости за то положение, в которое поставил Мэделин, жизнь без отца, жизнь, сравнивая других мужчин, которых, как она считала, хотела бы в качестве отца.

Боль была поглощающей. Боли в сердце было слишком много. Есть только единственный способ, как я считал, избавиться от этого обволакивающего ощущения полной ненависти к себе. Пришло время позвонить парням.

Глава 24.

Мое прошлое...

Влажность впитывалась в мои поры, когда ранний утренний свет пробивался по переулкам Нового Орлеана. Ассенизаторские экипажи носились вверх и вниз по улицам, смывая грехи предыдущей ночи, подготавливая для нового начала нового дня. Мускусное дерьмо и желчь, разбросанная по бордюрам, и влага, блестящая на кирпичных стенах, демонстрировали грубый накал лета в Луизиане.

Я чувствовал кровопролитие, которое ожидало меня. Воздух был наэлектризован насилием, пока я ждал на своем обычном месте, выбранном мною месте, где никто не посмеет побеспокоить то, что происходило там.

Зло таилось в темном и мрачном переулке, который я выбрал. Злобные и уродливые преступники промышляли в подобных переулках, и именно для этого я был здесь.

Сегодня годовщина смерти Маршала Дункана. Годовщина моего самого большого сожаления. Годовщина того дня, когда я позволил своей душе ускользнуть от меня, и день, когда я поклялся небесам, что буду наказывать себя до последнего вздоха.

Единственный способ отметить это день, единственный способ, что я знал, и это потеряться в боли.

Тяжелые шаги раздавались по мощеным улицам. Я знал эти шаги. Они принадлежали огромным, устрашающим мужикам в ботинках со стальными носками и железными кулаками. Они принадлежали мужикам, которым я платил, чтобы пришли и выбили из меня дерьмо.

Как обычно, они повернули за угол, одетые в черные штаны и футболки, пощелкивая своими костяшками и выглядя голодными. Я хорошо платил им за нападение на меня, чтобы заставить меня забыть. Иногда я дрался в ответ, ударяя несколько раз то тут, то там, ничего

слишком повреждающего. Я сохранял это для груш, кое — что, о чем я должен был подумать, когда вставал лицом к лицу с Маршалом Дунканом.

Я прислонился к стене одного из зданий, окружающего переулок, когда они подошли ко мне.

— Неплохо выглядите, мистер Хейвуд. Еще один год прошел неплохо.

Я разглядывал внешность Винни и сказал:

— Как жена?

— Только что родила близнецов.

— Да ну, — я покачал головой. — Они твои?

Прежде чем я заметил приближение, Винни занес свой кулак назад и ударил прямо в челюсть, отправляя меня на землю. Боль отрикошетила во мне, — пьянящая боль, желанная боль.

— Вы чертовски хорошо знаете, что они мои, — ответил Винни с весельем в голосе.

Я встал и стиснул челюсть.

— Бля, должен был догадаться, что у тебя появилось время потренироваться, если жена только что родила.

— Должен оставаться в форме для миссис, — Винни размялся, красуясь своим громоздким телом. Его основная масса не определялась, поскольку он слишком любил итальянскую стряпню своей жены, но под тонким слоем лазаньи было несколько мышц, которые могли нанести приличные повреждения. Я кивнул другим двум мужиками, которых Винни привел с собой.

— Новые головорезы?

— Познакомьтесь с моими племянниками, Джонни и Марко.

Я наклонил в их сторону подбородок, а потом повернулся к Винни.

— Приятно, что ты оставляешь работу в семье.

— Все для семьи, — ответил Винни, выкладывая весь свой сильный итальянский акцент. — Покончили с чаепитием?

— Да, сделайте все хорошо. Они знают правила?

— Их проинформировали. Только несколько ударов в голову, в основном по телу, и они понимают вашу способность драться в ответ.

— Тогда приступайте, блядь, — ответил я, раскрывая широко руки.

Марко и Джонни колебались, неуверенные в том, как справиться с ситуацией. Они больше предпочитали думать обо мне, как о каком — то сумасшедшем, который платил, чтобы ему надрали задницу, и да, это правда, но большую часть времени, люди хотели быть спровоцированными, чтобы полезть в драку, поэтому я сделал то, что делал лучше всего в эти дни: провоцировал.

— Ты просто будешь пялиться на меня, ты сучонок? — спросил я Марко. Он попытался напугать меня небольшим шагом вперед, но я оставался непоколебимым. — Хренов притворщик, ты, правда, думал, что твоя обманка на меня подействует?

Марко уставился на Винни, который стоял позади, дожидаясь своей очереди, и задавался вопросом — должен ли он просто подойти ко мне?

— Твою мать, — сказал я, одновременно нападавая на Марко и пришиливая его к противоположной стене. Джонни моментально оказался за моей спиной, защищая своего брата. Именно то, что я ожидал от них.

Марко извивался под моей хваткой, а Джонни вцепился в мою спину, но не впечатлил

меня, поэтому я продолжил удерживать Марко, ударяя его об кирпичную стену, пока колено не прилетело по моей печени.

— Бля, — я отпустил Марко и прислонился к стене. Именно тогда в мой глаз прилетел кулак, отбрасывая мою голову прямо на кирпичи. В мгновение ока, мой глаз отек, отчего мне стало труднее бороться, что стало более интересным для меня.

Называйте меня мазохистом, но я жил этим днем, днем, когда я мог вытерпеть больше боли, чем может человек.

Моя голова кружилась, пульс зашкаливал, а желание драться ушло, когда я попытался сориентироваться, где они были, но это было безнадежно. Они окружили меня и использовали мой закрытый глаз в свое преимущество.

Удар за ударом, меня бросало по кругу, пинки в бок, удары по рукам, по ребрам, по груди.

Высокая фигура Винни нависла надо мной, когда его кулак врезался в мой бок, вынуждая меня согнуться как раз в тот момент, когда колено прилетело в мою голову, отправляя меня спиной на землю. Один из новичков оседлал меня и пришил мои руки своими ногами, отправляя удар за ударом в мои бока, а потом по обе стороны моей челюсти.

Острая боль пронеслась по мне, мое зрение начало размываться, и теплые капли крови поползли по моему лицу. Человек, который прижимал меня, исчез, и когда я подумал, что они закончили, они начали пинать меня своими ботинками со стальными носками.

Пинок за херовым пинком заставили мой желудок взбунтоваться, а грудь вздыматься в поисках воздуха. Боль была невыносимой, и даже в моем бессознательном состоянии, я все еще чувствовал каждый пинок, которым они замахивались в мою сторону.

Все вокруг меня уплывало в дымке, и я начал ускользать в темное забвение, когда услышал отчетливый звук голоса Джетта.

— Думаю, достаточно, Винни.

Почему Джетт здесь? Он никогда не приходил в переулок, потому что не одобрял моего избияния, он не верил, что это способ прожить мою жизнь, но что он, блядь, вообще знал? Он не имел понятия, через какого рода боль я прохожу каждый день.

— Мистер Колби, какой приятный сюрприз.

Парни отступили, когда подошел Джетт.

— Винни, поздравляю с близнецами. Как дела у Терезы.

— Замечательно, спасибо, что спросили. Вы должны увидеть размер ее груди. Док говорит, что я не могу подходить к ней прямо сейчас, но твою мать, она делает это невыносимым для меня.

Джетт коротко рассмеялся.

— Прислушайся к доку. Ты не захочешь нанести никаких повреждений.

— Вы же знаете, что нет, — ответил Винни. — Думаю, мы закончили здесь. Вы собираетесь собрать это месиво?

— Да, к сожалению. Может, в следующем году вы не появитесь.

— Он платит мне слишком хорошо, чтобы это случилось. Извини, мужик.

— Я заплачу вам больше, если вы не станете делать этого.

Тишина заполнила переулок, когда, как я предположил, Винни задумался над предложением Джетта. Если бы мне не было так больно, а мой голос мог достигнуть их, я бы запротестовал, но это было бесполезно.

— Вы сделали привлекательное предложение, мистер Колби, но я не могу поступить

так с мистером Хейвудом. Я вижу пустого человека внутри него, раненого человека. Я понимаю, что такого рода боль делает с ним. Я знаю, что это помогает ему забыть. Я не хочу забирать это у него. Он нуждается в этом.

Винни — мой человек.

— Жаль слышать это. Может, смогу убедить тебя в следующий раз.

— Не рассчитывайте.

Винни подошел ко мне, напоследок пнув в бедро.

— До следующего года, мистер Хейвуд. Берегите себя.

Винни и его племянники ретировались, оставив меня мучиться на земле Нового Орлеана.

Джетт присел на корточки рядом со мной и повернул меня так, чтобы посмотреть в мое лицо.

— Твою мать, блядь, — пробормотал он. — Зачем ты это делаешь, Кейс?

Я перекатился на живот и прижался ладонями к земле, чтобы приподнять себя. Я оставался в таком положении, на четвереньках, еще немного, пытаюсь перевести дыхание и наблюдая, как кровь капает с моего лица, здоровым глазом.

Маленькие, алые кали стекали в лужицу и просачивались в брусчатку, впитывались в улицу с еще одним грехом, который смоем позже.

Я пару раз кашлянул. Ощущение режущего стекла разрывало мои легкие, и я знал, что как минимум несколько ребер сломано. Это будет длительный процесс восстановления без обезболивающих. Я с нетерпением ждал этого.

— Отвези меня домой, — пробормотал я, позволяя Джетту подхватить меня под руки и помочь встать.

— Почему, Кейс? — спросил он снова, перекидывая мою руку через свои плечи, чтобы помочь идти. У меня было ограниченное видение, только возможность видеть несколько метров перед собой.

— Их слишком много, — сказал я, снова кашляя.

— Чего? — спросил Джетт, выводя меня из — за угла к машине на холостом ходу. До того, как помочь мне сесть в машину, Джетт заставил меня посмотреть на него и ответить на вопрос.

— Воспоминаний, Джетт. Воспоминаний слишком, блядь, много.

Он понял и помог забраться в машину, где полотенца и лед уже ждали меня.

Я знал, что мой лучший друг ненавидел этот день. Я знал, что он ненавидел видеть меня таким, и я знал, что он ненавидел тот факт, что не мог изменить принятия мною решений в это день.

Джетт — человек, который стремился спасти жизни. А эту чертову жизнь он не был способен спасти, и не имело значения, как сильно он старался.

Глава 25.

Мое настоящее...

Я перевернулся на бок и посмотрел на будильник за секунду до того, как он зазвонил, давая понять, что пришло время вставать.

Были только отсутствие энергии в моем теле и обилие боли, которая пульсировала в

каждом сантиметре моего тела.

Душ. Мне нужен горячий душ.

Напрягая мышцы, я поднял свое тело с матраса медленно побрел в ванную, где врубил воду на самый горячий режим. Я споткнулся об сортир, куда вылил литр стоящего виски, пока пар из душа не начал валить через верх.

Смыв, я осторожно подошел к кабинке, куда шагнул и позволил обжигающе, горячей воде стекать по мне. Вода была настолько горячей, что практически ощущалась холодной. С лицом под водой, я прижал руки к плитке и позволил воде стекать по моему ноющему телу.

Винни был удивлен, когда я позвонил ему прошлой ночью, но после небольших уговоров, он встретился со мной в переулке и позаботился о деле. На его лице было озадаченное выражение, но я знал, что он не станет задавать вопросов. Он был там только, чтобы выполнить работу. Он оставил меня в синяках и побоях, убедившись, что они остались ниже моей шеи, поскольку мне было нужно проводить занятия с утра.

Я никогда не повторялся в году, никогда, но после встречи с Мэделин и Линдой вчера, мне нужна была боль. Нужно было освобождение, и Винни мог это предоставить.

Вода продолжала стекать по моей спине, напоминая мне о том, что я все еще жив, — привилегия, которая не должна быть дарована мне, но и не должна истратиться в пустую. Я подхватил мочалку и мыло и растирался, думая о вчерашнем дне.

Это был мой самый хреновый день встреч. Не только Линда и Мэделин перевернули весь мой чертов мир, но и заявила Лайла, давая понять, что никогда по — настоящему не сможет уйти.

Как, черт возьми, я должен оттолкнуть женщину, которая не отпускала меня? Она сделала все это определенно намного сложнее, но не похоже, что я, блядь, помогал как — то. Нет же, я пошел и сказал ей, что она практически мне мешает, блядь.

Господи.

Что двигало мной в тот момент, чтобы сказать ей, — держаться подальше от меня. Может потому, что все, о чем я думал — насколько красивой она была, какой мягкой выглядела ее кожа под лампами спортзала, и как ее губы призывали меня, сделать ее нахрен своей, заклеить ее своим позорным расстройством.

Я намылil мылом свою руку и начал мыть свой живот, когда образы Лайлы продолжали мелькать в моей голове.

Я думал о ее лице, ее груди, ее теле.

Моя рука нашла растущую эрекцию и без угрызений совести, я погладил себя под образы Лайлы, извивающейся подо мной, под образы, которые отпечатались в моей голове.

Я слышал ее небольшие крики удовольствия, чувствовал ее хватку на моей заднице, призывая меня двигаться глубже в ней. Я зарычал и толкнулся своим жестким членом. Мне надо только подумать о ней, и я уже чертовки твердый.

Ее смех отражался эхом в моей голове, пока мои больные руки прилагали усилия, толкаясь своим членом. Я не должен был думать о ней так. Я только мучил себя, позволял ее образу присутствовать в своих мыслях постоянно, но ее красивое лицо даровало передышку в моей хреновой жизни. Она заставляла меня забыть единственный момент своей жизни.

Я цеплялся за момент, объезжал его, пока не разработал что — то новое. Это единственное, что вынуждало не позволять Винни забыть меня до смерти и, наконец, забрать мою жизнь.

Стон вырвался из меня, когда желудок сжался, яйца подтянулись, дыхание перехватило,

и я кончил. Еще с парочкой поглаживаний мой оргазм затмил меня, освобождая от давления, которое зародилось в моей душе. Краткосрочное облегчение обрушилось на меня, но и быстро смылось, когда легкое эйфорическое состояние, которое я испытал, прошло.

От отвращения я уперся головой в плитку и задумался о своей жизни.

Могу ли я на самом деле вернуться в «Туманную комнату»?

Как будто у меня был выбор. Если я не покажусь на работе вовремя, Джетт окажется у моей двери быстрее, чем я смогу засунуть бутылку виски в свой рот.

Хоть мои мысли были где — то еще, я понимал, что единственное место, куда я могу пойти, это же единственное место, где я никогда не хотел бы быть.

Пришло время вернуться в «Туманную комнату».

***

Общественный центр уже был переполнен людьми, которые записывались на бесплатное членство и собирались на экскурсии с девочками, которые были одеты в шорты цвета хаки и футболки — поло. Едва ли не комично наблюдать, как «Девочки Джетта» расхаживали тут в такой повседневной одежде, отличавшейся от их нарядов на представлениях, которые состояли из лифчиков, стрингов и тоньше — чем — шарф костюмах.

Голди сидела за передней стойкой, встречая меня улыбкой, но вместо того, чтобы вступить в разговор, я просто кивнул и направился к себе. Она действительно идеальный человек для встречи людей, чертов луч солнца. Хоть мне и ненавистно признавать это, ее улыбка ослабила напряжение в моих плечах.

Она встала и последовала за мной.

— Эй, — позвала она, хватая меня за плечо, чтобы привлечь внимание.

— Ахх, черт, — пробормотал я, пока пытался отстраниться. Может, я слишком рано заговорил об ее ослаблении некоторого напряжения. Ее хватка на моем плече послала осколки боли кричать по моему телу, спасибо тщательной работе Винни.

— Эй — эй, — сказала Голди, отступая на шаг. — Что не так?

— Ничего? — ответил я, сжимая свой стаканчик с кофе немного крепче, когда жжение в моей руке начало оседать.

— Не лги мне, — произнесла Голди, оперев руки в бока.

— Не твоего ума дело, — выстрелил я в ответ, не желая начинать с ней это.

— Ты мое дело. Ты мой работник.

— Твой работник? Каким образом ты это решила, когда я менеджер этого чертова заведения?

Мне на самом деле было довольно интересно послушать объяснения Голди.

Она прикусила губу, пока пыталась остановить поезд своих несущихся мыслей. Ее глаза засияли в то мгновение, когда она поняла, что собирается сказать. Я приготовился к тому, что я мог только вообразить, станет ее неприятным ответом.

— Ты может и управляющий, Кейс, но Джетт начальник этого заведения, и ты знаешь, кому принадлежит Джетт? Мне — сказала она, указывая на себя. — Этот мужчина не может функционировать без меня, поворачивающей его голову в правильном направлении. Следовательно, я контролирую Джетта, а значит и тебя...

— Ты контролируешь меня, малышка? — спросил Джетт, подходя к ней незаметно.

— Фух, — она схватилась за свою грудь, испугавшись. Развернувшись, она толкнула и

Джетта и сказала: — Не подкрадывайся ко мне так.

— Я должен, если собираюсь держать тебя в узде, — Джетт улыбнулся ей, пока притягивал к себе за талию.

Они такие чертовски отвратительные.

— Держать меня в узде? Будто я непредсказуемый человек?

Джетт поднял бровь, давая понять Голди, что он это и имел ввиду. На удивление, она не воспротивилась, а вместо этого согласилась и притянула его в свои объятия.

Она повернулась ко мне и сказала:

— И все же, я хочу знать, что случилось, даже если ты не мой работник, — уступила Голди.

— Ты чертовски права, я не твой работник.

Я начал уходить, когда Джетт позвал меня по имени. Я остановился и ждал, когда он скажет что — то мне.

— Виделся с Винни прошлой ночью?

— Кто такой Винни? — зашебетала Голди.

— Не беспокойся об этом, вы оба, — ответил я, потом скрылся в «Туманной комнате».

Свет был выключен, и помещение было тихим, практически жутким, после прошедшего дня. Снаружи дети носились вокруг меня, их матери гонялись за ними, разбрасывая предупреждения, которые, уверен, были забыты.

Сначала запах кожи и дерева ударили по мне. Мои чувства рухнули на пол, воспоминания затуманили мозг, яркие образы моих боксерских дней вспыхнули в одно мгновение. Запах всегда будет терзать меня. Он всегда будет посылать укол сожаления, от того, что могло бы произойти, если бы я не доверился полностью другому человеку.

— Зачем ты встречался с Винни? — спросил Джетт, захлопнув дверь позади себя. Я обернулся, чтобы посмотреть, что с ним не было его маленького миньона, и выпустил глубокий вдох, когда прошел к скамейкам, чувствуя каждое повреждение и боль.

— Нужно было забыться. Видеть вчера Мэделин было слишком.

— Ты договорился избегать своего лица?

— Не могу же я сразу же напугать новых членов «Справедливости», да? — пошутил я, но Джетт не нашел это даже чуточку смешным.

— Ты все равно выглядишь, как дерьмо.

— Скажи мне, что чувствуешь на самом деле, — ответил я, садясь и втягивая воздух, когда бок натянулся на моих ребрах.

Джетт сел рядом со мной, упираясь руками в свои ноги, его голова наклонилась, когда он заговорил.

— Когда ты прекратишь избивать себя?

— Господи, Джетт. Завязывай нахрен. Просто дай мне заниматься своими делами. Обещаю, что буду другим рядом с вами ребята, но то, чем я занимаюсь в свое личное время, должно остаться моим делом.

— Ты убиваешь себя, — голос Джетта застрял в горле, пока руки запутывались в волосах. — Я не богу, блядь, потерять тебя.

Тишина наполнила комнату, пока оседало признание Джетта. Он причина, почему я все еще на этой земле, причина, по которой я продолжаю двигаться вперед, но сколько я еще, на самом деле, смогу? Я чувствовал, что мои дни сочтены.

— Ты должен меня отпустить, — признался я. — Жизни становится слишком много.

Мое время вот — вот придет. Моя чертова могила зовет меня, — я опустил голову, когда сдавило горло, а глаза обжигали слезы.

— Не могу, — прошептал Джетт. — Это эгоистично, но я не могу позволить тебе уйти, Кейс.

— Разве ты не видишь, что я оболочка того человека, каким был раньше? Твою мать, посмотри на меня, Джетт, — он сделал так как я сказал, и одинокая слеза скатилась по моей щеке. — Зачем тебе жалкая пародия на человека, как я, торчащая поблизости. Ты цепляешься за прошлое, за то, кем я был.

— Ты цепляешься за прошлое, — Джетт поднялся и встал передо мной. — Если покончить со своей жизнью — это то, что ты хочешь, вместо того, чтобы бороться, тогда делай, что ты твою мать хочешь. Я понимаю, что произошедшее — ошибка. Я понимаю, что твою боксерскую карьеру украли, и понимаю, что ты ищешь справедливости, но с какой — то стороны ты должен отпустить все нахрен. Красивая девушка ждет тебя, желает стать частью твоей жизни. Друзья, которые хотят видеть тебя счастливым. Ты расплатился уже. Живи своей жизнью.

Я собирался ответить, когда дверь распахнулась и внутрь шагнула Мэделин с полотенцем поверх плеча и бутылкой воды в руке.

— Здравствуйте, мистер Кейс, — закричала она, помазав мне, не замечая неловкой тишины между нами с Джеттом. Я быстро вытер лицо и удалил остатки печали.

— Я должен идти, — бросил Джетт через плечо, когда Мэделин встала передо мной.

— Я готова к тренировке, мистер Кейс, — сказала она, поднимая бутылку с водой и разбрызгивая ее на свое лицо, а потом вытирая воду полотенцем. Она возмутительна.

— Я заметил, — ответил я, вытирая свои щеки в последний раз.

— Вы грустный, — заявила она, положив руку на мое колено, и заглядывая под мой поддельный фасад.

Я посмотрел на Джетта, он пожал плечами и вышел, оставив меня наедине с Мэделин.

— Где твоя мама? — спросил я, проигнорировав ее вопрос.

— Она подвезла меня. У нее не очень хорошее утро. Она грустная, как и вы, — Мэделин накинула полотенце на голову и начала раскачиваться в стороны. В девочке слишком много энергии. — Она с прошлого вечера грустная. Я слышала, как она плакала.

Я не должен спрашивать. Я должен держаться на расстоянии, но нездоровое любопытство победило.

— Почему твоя мама расстроена?

Мэделин начала выполнять боксерские перемещения, как я научил ее вчера, пока держал ее крохотные кулачки рядом с ее лицом.

— Не знаю. Когда я спросила ее, она сказала что — то из прошлого и что она думала об этом.

Бинго.

Блядь!

Естественно Линда расстроена. А почему нет? Она привела свою дочь на занятия по боксу и самообороне, чтобы не повторилось прошлое, чтобы она не потеряла еще одного человека, которого любила из — за насилия.

— Мы боксом будем заниматься? — спросила Мэделин, сотрясая всю мою душу.

— Да, эм, давай дождемся остальную группу.

— Ладно. Могу я покувыркаться немного?

— Вперед, ребенок, — ответил я, пока направлялся к стереосистеме, чтобы включить музыку. Это будет длинный день, особенно с Мэделин поблизости.

Глава 26.

Мое прошлое...

Мелодрама между Джеттом и Голди на самом деле начала действовать мне на нервы. Джетт настолько охрененно влюблен, но не имеет ни малейшего понятия, как справиться со своими чувствами. Вместо того, чтобы поговорить с Голди, как сделал бы нормальный парень, он пытался уберечь ее от опасности, но это все привело только к недопониманию и разочарованию со стороны Голди

Вражда между Джеттом и его отцом вышла из — под контроля до такой степени, что я начал бояться, что это уничтожит моего лучшего друга и все, над чем он работал. Именно поэтому я оказался, стоящим перед комнатой Голди, собираясь выбить ее дверь своим стуком. Я сделал бы что угодно для Джетта, и если это означало, что я влезу в центр их отношений, тогда я сделаю это.

Без предупреждения, я врываюсь в ее дверь. Шокированное выражение на лице Голди бесценно.

— Какого черта? — заорала она.

— Ты серьезно только что проснулась? — спросил я, разглядывая ее позу на кровати.

— Ты серьезно снова врываешься в мою комнату? Ради всего Святого, найди себе хобби.

Нахальная стерва.

— Уже полдень, и ты не отвечала на звонки, — заявил я, ссылаясь на то, почему Джетт запаниковал и заставил меня проверить Голди.

Она жила с Джеттом в «Клубе Лафайет», глубоко окунувшись с головой в их отношения после Лео, отца Рекса, который угрожал безопасности Голди, не забыв отметить, что знал, что Голди — опора Джетта. Джетт сделал своей миссией создать видимость, что он оборвал все связи с ней. Это было временным решением, но стало тяжелым бременем в их отношениях.

— Уже полдень? — переспросила она. — Боже, этот секс по телефону должно быть серьезно вымотал меня.

Хоть Голди и была моей лучшей подругой, я все еще не мог ничего поделать с тем, что она заставляла меня чувствовать, как будто в моей темной жизни появилось немного солнечного света. Она хотела оставаться друзьями, но я хотел держаться подальше, насколько это было возможно, потому что выслушивать о ее сексе по телефону с моим лучшим другом только стягивало мое сердце и раздражало.

Она просканировала мое тело и заметила повязку, намотанную на моей руке. Спасибо папаше Джетта с его безжалостным поведением, и я лечил огнестрел.

Она свалилась с кровати, теряя равновесие и полетела вперед, но я успел поймать ее до того, как ее лицо приземлилось бы в мою грудь. Поморщившись от боли, я уравнивал ее.

— Боже, прости, — она выпрямилась. — Ты в порядке? — спросила она, пока разглядывала мою повязку.

— Всего лишь царапина, — ответил я, не желая привлекать внимание к себе. — Как так вышло, что ты не отвечала на звонки?

— Эм, всего лишь царапина? Чертова пуля зашла в твою кожу.

— Почему ты не отвечала на звонки? — я проигнорировал ее, понимая, что давлею.

Раздосадованная, она вскинула руки вверх в знак капитуляции и схватила свой мобильник.

Она посмотрела на него и указала мне на экран.

— Он сдох. Полагаю, я забыла поставить его на зарядку прошлой ночью, — она подключила его очень быстро, а потом снова повернулась ко мне. — А что? У тебя появился секрет, которым хочешь поделиться со мной? Ты, наконец — то, потерял свою девственность прошлой ночью, и хочешь поговорить об этом?

— Миленько, — сказал я, глубоко выдыхая. — Джетт просто пытался...

Прежде чем я успеваю закончить свое предложение, вихрь темных волос и карамельной кожи залетает в комнату, врезаясь прямо в мою спину.

— Голди, ты видела... — женщина замолкает, когда врезается в меня. Она подняла на меня взгляд, когда я обернулся, чтобы узнать, кто только что ворвался. Ее ярко — зеленые глаза расширились от моего вида. — О, боже, кто этот Адонис?

Женщина, стоящая передо мной, была каждой влажной мечтой любого мужчины. Ее тело было загорелым от длинных ног до изящной попки и аппетитной груди, которая виднелась из обтягивающего топа, который был на ней. Хоть она и была великолепной, наверное самой, бля, великолепной женщиной, которую я когда — либо видел, не ее внешний вид заставлял мое сердце бешено биться. А то, как она смотрела глубоко в мои глаза. Глупо было думать, что нечто что — то глубокое может быть в чьем — то мимолетном взгляде, но в данный момент, я понимал, что женщина передо мной смотрела прямо мне в душу. Она смотрела мимо всех моих прегрешений и разглядела, кем я был. Осознание ударило по мне, как куча кирпичей, и небольшая улыбочка изогнула уголки моих губ. Я ничего не мог поделать с улыбкой. Этот вихрь перехватывал мое чертово дыхание.

Я знал, что она почувствовала то же самое по тому, как она смотрела в мои глаза, по тому, как облизала свои губы и внимательно рассматривала мое тело. Я не верил в любовь с первого взгляда...я считал, что это понятие мечтателей и романтиков...но, по крайней мере, я поверил в желание с первого взгляда, потому что знал, что захотел эту женщину. Я нуждался в ней. Она излечит боль, текущую во мне. Я чувствовал притяжение. Она станет опасностью для моего благополучия.

Жар в комнате резко завертелся, пока мы смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

Голди прочистила горло и сказала:

— Эм, але. Вы можете продолжить трахать друг друга глазами позже. Почему вы оба здесь?

Игнорируя Голди, я представился.

— Кейс, — сказал я, протягивая ей свою руку.

— Лайла, — ответила она, вложив свою маленькую ручку в мою.

Я держал ее за руку, пока наше притяжение возрастало сильнее. Слишком плохо для привлекающей — внимание Голди, которая стояла в нескольких метрах от нас.

— Ах, так ты просто назвал ей свое имя, ни за что, но мне пришлось согласиться стать частью твоего мирка джентльменов, прежде чем ты представился мне? — это правда, ей не позволялось узнать меня, только после того как она согласилась вступить на борт. Это вид пытки, от которой я получал удовольствие, особенно с такой болтушкой Голди.

Удерживая взгляд на Лайле, я ответил:

— Это не мой клуб.

Все больше расстроенная Голди разрушила электрическое напряжение между нами с Лайлой, ткнув ее в бок.

— Какого черта ты здесь?

Медленно отворачиваясь от меня, она протянула журнал Голди.

— Просто доставила новости.

Бля!

Я резко потянулся за журналом, но маленькие лапки Голди были быстрее меня, и она вырвала журнал из рук Лайлы раньше меня.

— Отдай мне его, — произнес я сурово.

— А что ты сделаешь? — спросила она, когда запрыгнула на кровать, отстраняясь от меня.

Не желая играть в ее игры, я подошел к ней, схватил за ноги и выдернул их из — под нее, вынудив ее шлепнуться задницей на матрас. Я выхватил журнал из ее рук, скрутил его и пихнул в задний карман своих джинс.

— Эй, это мое! — сказала она, пока пыталась восстановить равновесие.

— Позвони Джетту, — сказал я Голди, а потом я оглядел Лайлу с головы до ног и сказал, — Позволь ей позвонить Джетту.

— Дашь свой номер, и я буду держать свой рот на замке, — ее пристальный взгляд говорил о будущем обещании, если я сделаю это.

— Ничего не скажешь, и я подумаю о том, чтобы дать тебе его, — поддразнил я, задаваясь вопросом — что, блядь, за мужик жил в моей коже прямо сейчас.

— Меня это устраивает, — ответила Лайла, пока выходила за мной из комнаты Голди.

— Предательница! — закричала Голди, когда я захлопнул дверь.

Лайла шла передо мной, пока мы спускались по лестнице. В ту минуту, как мы вышли через черную дверь, плотный воздух Луизианы с силой ударил по мне. Лайла остановилась на краю тротуара, ее руки в задних карманах, и развернулась ко мне. Ее грудь выпирала из — за положения ее рук, отчего стало невозможно отвести взгляд.

— Есть планы? — спросила Лайла, выглядя уверенно и сексуально.

— Нет, — ответил я, проводя рукой по своим волосам.

— Угостишь ланчем?

— Ужасно самонадеянно с твоей стороны подумать, что я куплю тебе ланч.

Она бегло осмотрела меня, улыбка пересекла ее губки.

— По тому, как ты трахал меня глазами на лестнице, уверенно могу сказать, что ты купишь мне ланч. Пошли, качок. Я есть хочу.

Без моего согласия на ее предложение, она схватила меня за руку и повела к площади Джексон. Я должен был знать, что Лайла станет проблемой. Она дружила с Голди, и прямо сейчас, казалось, что Лайла еще более наглый двойник Голди.

Если все так, то я в огромной беде.

***

Я откинулся на спинку стула в кафе и изучал Лайлу, пока та накладывала немного сахара в свой чай. Она мешала трубочкой в своей чашке, а ее глаза ярко сияли. Она наклонилась вперед, ее ноги были скрещены под столом, а пальчик на ноге интимно играл с

моим коленом, давая мне понять, что она была достаточно близко, если мне захочется устроить сцену, я могу схватить ее через весь стол и притянуть на свои колени.

— Кейс, расскажи мне свою историю.

— Не такая уж это и история, чтобы рассказывать, — ответил я неясно. Я не знал эту женщину. Поэтому не собирался рассказывать ей о своей жизни, особенно о моем ужасном прошлом.

— Просвети меня, — она улыбнулась

— Сначала ты расскажи мне свою историю, — возразил я.

Ее улыбка превратилась в понимающую ухмылку.

— Ладно. Никаких вопросов о прошлом.

От того, как она отмахнулась, я мог сказать, что она тоже что — то скрывала, но не собирался давить на нее, потому что только что получил свободный билет. И я не собирался упускать его.

— Нормально для меня, — ответил я, когда мы зашли в тупик.

Наша официантка принесла еду, пополнила напитки и ушла. Лайла заказала сэндвич с креветками, как и я. Я был впечатлен откровенностью выбора ее еды перед парнем, заказав сэндвич такой же большой, как у меня. Большинство женщин, с которыми я ел, были изысканны в своей еде, но не Лайла. Я изучал ее, когда она подняла свой перегруженный сэндвич и откусила здоровый кусок от него. Вы могли бы подумать, что мне уже надоела еда Нового Орлеана, но не в этом случае. Я не мог насытиться традиционной кухней. Когда я был в хорошем настроении, чтобы оценить что — то, я знал, что буду достаточно удачлив, попробовав немного хорошей еды.

— Ладно, итак, никаких вопросов о прошлом. Тогда расскажи мне, чем тебе нравится заниматься в обычную субботу?

Я еще раз откусил свой сэндвич, потом вытер рот бумажной салфеткой, которая раскрошилась в моих измазанных соусом пальцах.

— Ну, когда я не пытаюсь спорить с твоей подругой в клубе, и не готовлю представления в Комнате Тулуза, мне нравится проводить время в спортзале, — это честный ответ. Тратить попросту свою жизнь в своей комнате не казалось тем, что ей понравится услышать, и по какой — то причине, я чувствовал, что пытался впечатлить эту женщину.

— Тренируешься? Серьезно? Тебе не стоило говорить мне об этом. Я могу сама это сказать.

— Ах, так ты оценила меня, — я ухмыльнулся ей.

— Тяжело не заметить, когда я боюсь, что одна из твоих мышц ткнет мне в глаз, пока мы едим.

— Тебе бы только повезло, если бы моя мышца ткнула тебе в глаз.

Лайла разглядывала меня, а потом спросила:

— Ты намекаешь на свой член?

Я чуть не подавился сэндвичем от ее наглости и схватился за воду, чтобы справиться с приступом кашля, который захватил меня. Я должен был ожидать, что она скажет нечто грубое. Она тусовалась с Голди.

— Ты всегда такая нахалка?

— Ну, да. Какие — то проблемы с этим? — спросила она, пока делала еще один гигантский укус своего сэндвича.

— Неа, просто хочу знать, чего ожидать.

Она покачала головой и наклонилась, чтобы похлопать меня по ладони.

— Мне жаль такое сообщать, Кейс, но ты никогда не будешь полностью готов, когда зависишь со мной. Я непредсказуема.

— Довольно справедливо, — сказал я, откидываясь обратно на своем стуле.

Она продолжила есть в тишине, проглотив сэндвич быстрее меня. Она облизала свои пальчики, продемонстрировав мне, что именно она может сделать этими великолепными губами. Мне стало интересно, — какими будут ощущения, когда я завладею ее губами, почувствую на своем теле, почувствую их на мне.

Я поерзал на своем стуле, когда мои мысли превратились в пошлые.

— У тебя взгляд застекленел. О чем ты думаешь? — спросила она, бросая свою салфетку на тарелку.

— Как будут ощущаться твои губы на моем теле, — ответил я честно.

Ее брови взлетели.

— И ты еще считаешь меня нахалкой?

— Просто сравнял счет, детка.

— Справедливо. Скажи мне, ты веришь в призраков?

Я мог сказать, что ее вопрос не был сложным, но для меня, он имел двойной смысл. Я верил в призраков, поскольку сейчас чувствовал себя ходячим призраком по улицам Нового Орлеана.

— Верю, — ответил я, придерживаясь краткости и понятности. — А ты?

— Думаю, что это целый мир, о котором мы не знаем, и не узнаем о нем, пока не испустим последний вдох. Это место, где мы можем примириться с тем, что совершили в жизни, место, где все встречаются, и где твоя самая большая забота — будем ли мы пугать кого — то сегодня ночью.

— Кого бы ты напугала? — спросил я, мне интересно, кого бы она напугала до чертиков в загробном мире.

— Разве не очевидно? Я бы замучила до безумия Голди. Она легкая цель. Это будет слишком весело — пугать ее до чертиков.

Я рассмеялся, незнакомый звук для меня, но образ Голди, пугающейся призрака Лайлы, был слишком смешным. Голди станет легкой добычей, легче — легкого.

— Твою мать, я должен присоединиться к тебе в этом.

— Хорошо, погружение с акулами, скай — дайвинг или прыжки с тарзанки?

Облегчение пронеслось по мне, когда я понял, что наслаждался ланчем с Лайлой больше, чем ожидал. Да, она меня привлекала, так, что я отчаянно нуждался оказаться внутри нее. Я считал ее такой красивой, и сидя здесь, в кафе, с зидеко — музыкой, играющей фоном, разглядывая ее неземное лицо, я почувствовал эйфорию от ее компании. Я позволил себе увлечься этим чувством. Это редкость для меня, но я позволил себе это в тот день.

— Плохо плаваю. Я прыгал с парашютом, что было весело, но прыжки с тарзанки будут намного захватывающе.

— Подпишусь на плавание с акулами. Эти чудовища просто какие — то зубастые придурки, которые ведут себя так, будто владеют миром. Я бы показала им парочку приемчиков.

Я поверил ей.

— А ты слышала о нападениях акул, да?

— И что, не страшно. Легкий удар по шнобелю, и эти уроды вырубятся за две секунды.

— Откуда ты, черт возьми, взяла такую информацию, — спросил я. — Ты же знаешь, что тебе придется избегать их ртов, чтобы добраться до носа?

— Ты удивишься моей меткости, — ответила она беспечно. — Сладости или острое?

— А овощи считаются? — спросил я.

— О, Господи, только не говори мне, что ты один из этих невротичных едоков. Это поэтому ты возишься с этим сэндвичем? Просто съешь его. Ты поймешь, что это нормально.

— Да, я прикалываюсь над тобой, — засмеялся я. — А ты как думаешь, какой я, сладкий или острый?

Лайла изучала меня секунду, прежде чем ответить.

— Я бы сказала пряный. Ты похож на парня, предпочитающего крепкие напитки, но наслаждаешься пивом иногда, и думаю, ты выберешь чипсы перед печеньем. И еще, я, правда, очень надеюсь, что ты сладкоежка.

— С чего это? — спросил я.

— Потому что у меня сладкая киска.

Я покачал головой.

— Откуда ты знаешь?

— Мне говорили. К тому же, я слышала, что чего бы ты страстно ни желала — это противоположность тому, кто ты есть. Поэтому, я надеюсь, что тебе нравится сладкое, потому что мне нравится соленое, — она подмигнула мне, и я был готов выпрыгнуть из своих джинс.

Прочистив горло, я поиграл со своим стаканом с водой, пока наблюдал за ней из — под опущенных ресниц.

— Мне кажется, что твоя теория может оказаться неправильной.

— Есть только единственный способ выяснить это, — сказала она, облизывая свои губы. — Но у нас есть время для этого. Я хочу знать, какой твой любимый диснеевский мультик?

Тот факт, что она была способна сменить тему так быстро с секса к Диснею, было слегка тревожным, но я пошел до конца.

— *«Красавица и Чудовище»*, — ответил я без замиранья сердца.

Лайла выглядела искренне шокированной.

— Серьезно? Вау, никогда бы не догадалась.

— Почему? — спросил я.

— Ну, я ожидала бы от такого здоровенного мужика, как ты, что — то вроде *«Короля Льва»* или *«Алладина»*, но *«Красавица и Чудовище»*, на самом деле, удивил меня.

— Это классическая история любви, разглядевшая под внешней красотой человеческую душу.

Она секунду сидела в тишине, а потом скрестила ноги, поза, которую я никогда не смогу себе позволить.

Она наклонила голову в бок.

— Ну, твою мать, я по уши влюбилась в тебя прямо сейчас, Кейс.

Чувство чертовски взаимное. Проигнорировав ее признание, я спросил.

— А какой твой любимый мультик?

— *«Похождения Императора»*, — ответила она, не раздумывая.

— Это что такое? — переспросил я, не узнавая этот мультик.

— Ты издеваешься? — закричала она, одновременно оперившись руками об стол. — Да

ты не серьезно.

— Никогда не слышал о таком.

Лайла покачала головой от разочарования и подняла руку.

— Счет, пожалуйста! — она встала, подхватила меня и сказала. — Мы собираемся исправить это.

Официантка принесла наш чек. Я положил немного налички на стол и позволил Лайле поднять себя на ноги. Она сопровождала меня до выхода из кафе прямо на улицу Бурбон.

— Куда мы идем? — спросил я, позволяя этой вздорной женщине тащить меня.

— Ко мне. Тебя ждет мультик.

Она просунула руку в мою и прислонилась ко мне, пока мы шли к ее квартире. Ее волосы развевались с каждым шагом, касаясь меня, посылая тонкий аромат ванили в мою сторону. Я начинал зависеть ото всего в этой женщине, от ее наглого поведения, от ее восхитительного тела, от ее сладости. Это охренеть как пугало меня.

***

— Ты такой Кронк! — запротестовала Лайла, ссылаясь на безмозглого, но мускулистого персонажа из *«Похождения Императора»*. Титры прокручивались по экрану, пока мы с Лайлой сидели на диване, разговаривая о мультике. Это было весело.

— Я не Кронк, — возразил я.

— Ты похож на Кронка. Как ты может отрицать это?

— Если я Кронк, тогда ты Изма, — ответил я, ссылаясь на злодейку из мультика, которая была капризной, старой каргой, стремящейся завладеть империей. Должен признать, что это самый интересный злодей, которого я когда — либо видел.

— Ох, да пошел ты, — Лайла засмеялась, откидывая свою голову назад. — Я не Изма.

— Если я Кронк, тогда ты определенно Изма.

— Ладно, ты можешь быть спокойным Пача.

Спокойный герой это точно не я. Может, я вообще мужская версия Измы, со злом текущим в моей крови.

— Эй, — сказала Лайла. — Ты куда уплыл?

— Никуда, — солгал я.

Лайла разглядывала меня подозрительно.

— А если честно? О чем ты думал?

— *«Красавица и Чудовище»* — лучше, — улыбнулся я.

— Вранье! — сказала Лайла, ударив по дивану. — Это полнейшая чушь. *«Похождения Императора»* намного превосходит.

— Очевидно, тебе недостает хорошего вкуса в фильмах, — пошутил я.

— Вау, способ укусить девушку побольнее, — поддразнила она.

— Поверь мне, ты поймешь, если я укушу тебя.

Лайла положила руку на спинку дивана, придвигаясь ещё ближе ко мне.

— Правда?

Ее голос соблазнительный, практически шепот в мое ухо, заманивая меня склониться к ней.

— Да, — ответил я, не совсем уверенный, почему не отстраняюсь.

Она погладила мое предплечье. Я посмотрел вниз на ее пальцы, приходящиеся по моим загорелым рукам, и задался вопросом — куда еще она планировала положить руки? И

молился, чтобы ее пальцы двигались по всему моему телу.

— В тебе есть что — то, Кейс, что — то другое, что — то темное, немного пугающее, но еще и интригующее меня. Ты не похож на большинство мужчин, с которыми я сталкивалась.

— Это потому, что большинство мужиков, с которыми ты сталкивалась, исходят пеной, только и желая раздеть тебя до гола, — ответил я, упоминая ее работу в «Киттен Касл», старую работу Голди.

— Нет. Ты честный, высказываешь свои мысли, и знаешь, как далеко можешь зайти, как далеко захочешь зайти.

— Ты говоришь так, будто знаешь меня, — заявил я, нуждаясь подпитаться ее энергией.

— Нет, не знаю, — она покачала головой. — Но хочу узнать тебя. Ты очаровал меня.

Спокойствие, которое она дарила мне, было ошеломляющим. Я хотел довериться ей. Я хотел вырвать к черту сердце из груди, положить его на тарелочку, и позволить ей наблюдать, как он истекает кровью. Я хотел, чтобы она узнала обо всех моих грехах, но мысль, что она не поймет меня, что не войдет в мое положение, была слишком подавляющей. Этот день стал самым лучшим, которые были у меня за длительное время, и если я позволю ей войти, если я даже позволю ей увидеть, как истекает мое сердце, а она не примет меня, это уничтожит меня. Не будет способа восстановиться после этого.

Поэтому вместо того, чтобы торчать здесь, я сказал:

— Мне, наверное, стоит уйти.

Болезненное выражение на ее лице дало мне понять, что я обидел ее, после ее признания. Вина омывала меня, но так будет лучше, лучше оборвать все оковы до того, как произойдет что — то серьезное между нами, до того как она откажет мне.

— Спасибо за мультик, — произнес я неловко, пока вставал.

Пока я направлялся к двери, я слышал тихую поступь Лайлы по неровному, деревянному полу. Ее тепло притягивало меня, практически рвануло меня в противоположном направлении, но я отказал себе в удовольствии повернуться. Я не мог. Я не мог снова увидеть боль в ее глазах.

— Подожди, — сказала Лайла, схватив меня за руку. Она развернула меня и оттолкнула от двери. Она встала на цыпочки и прислонилась ко мне, все еще удерживая мою руку рядом со своим бедром. — Я не понимаю тебя, Кейс. Я не понимаю, что случилось с тобой в прошлом, отчего ты такой тихий, такой обособленный, но ты мне нравишься. Я хочу посмотреть, куда это приведет, и я знаю, ты чувствуешь то же самое. Я вижу это в твоих глазах.

Крепко закрыв свои глаза, я прислонился головой к двери и попытался найти мужества и попроситься, проложить расстояние между нами, но я ничего не нашел. Я бесхребетный.

— Ты не должен ничего говорить, — уговаривала Лайла. — Просто знай, что когда будешь готов — я здесь, — она погладила мою челюсть и опустила подбородок вниз, где ее губы прижались к моим.

Все мое херово тело растворилось в ней, и я крепко вцепился в ее бедра, притягивая ближе, чтобы мог почувствовать каждый изгиб ее тела. Ее мягкие губы скользили по моим, пока я не раскрыл свой рот и не лизнул стык ее губ, умоляя впустить меня.

Она сдалась со стоном и приоткрыла рот. Я перекатил ее так, что она оказалась у двери вместо меня. Своими бедрами, вжимающимися в нее, я приковал ее к стене и провел руками вверх в опасной близости от ее груди. Ее руки наши петли ремня на моих джинсах и притянули меня ближе.

Низкий стон покинул ее горло, загуманивая мой разум, подбадривая меня двигаться дальше, по — настоящему исследовать ее тело, но тоненький голосок в подсознании препятствовал мне.

Я знал, что мне нужно отойти. Вина за то, что я наделал в прошлом, остановила меня. Я не заслуживал ее нежности, ее доброты, ее сексуальности.

Раздосадованный оболочкой жизни, которая осталась от меня, я отстранился и прижался руками к двери, обрамляя ее лицо. Ее губы припухли, а глаза застекленели от жара, пылающего между нами. Он выглядела настолько сексапильно, что пришлось задействовать в себе все, чтобы не взять ее у двери.

— Я должен идти, — произнес я нежно, опуская голову, чтобы она не заметила желаний в моих глазах.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Не усложняй, Лайла.

— Как это я усложняю, когда ты тот, кто уходит?

— Ты не знаешь меня, Лайла. Дохрена дерьма тащится за мной, и я не позволю тебе связываться с этим, — я глубоко вдыхаю и встречаюсь с ней глазами. — Спасибо за один из лучших дней, каких у меня не было очень давно.

Сжимая ее подбородок, я оставил нежный поцелуй на ее губах, потом аккуратно отодвинул ее в сторону, чтобы выпустить себя из квартиры. Каждый шаг, которым я прокладывал расстояние между мной и Лайлой, отдавался болью, но я знал, что все делал правильно.

Лайла была такой женщиной, которая находилась рядом, которая могла уничтожить мужчину одним только взглядом, и если я впущу ее, если позволю пройти сквозь свои стены, я понимал, что она разрушит меня к чертям собачьим. Пускай я и живу в боли и сожалении, я не готов подвергнуть себя сокрушительному удару, который она нанесет по мне, если уйдет. Это тот вид боли, от которого я понимал, не смогу оправиться.

Глава 27.

Мое настоящее...

Общественный центр затих. Свет был выключен, кроме единственного, который освещал скамейку в «Туманной комнате», и над единственной боксерской грушей. Все девочки ушли, и я остался один, чтобы закрыть все.

День тянулся, трепет от обучения боксу других людей был украден в ту минуту, как Мэделин присоединилась к тренировке.

Нет, так чертовски неправильно говорить. Я не должен обвинять невинную девочку в лишении чего — то меня. Она не сделала ничего плохого. Это только моя хренова вина подала меня изнутри.

Я думал, что боль медленно угаснет, что ходить по этой земле будет легче через несколько лет, но увидев Мэделин, смотрящую в глаза Линды, — это хренов перебор.

Я расположился на скамейке, моя голова в моих руках, а локти отдыхают на ногах. Я был в растерянности, вероятно, в самой низкой точке своей жизни. Впервые за всю жизнь, я, правда, чувствовал себя на распутье. Когда я замахнулся последним ударом в Маршалла, у меня на самом деле не было вариантов, потому что Джетт так отчаянно пытался удержать

меня рядом, но теперь у него есть Голди. Для меня нет настоящей причины больше торчать здесь.

У меня были обязательства в «Справедливости», оставаться здесь и помогать центру преуспевать, но чем я на самом деле мог помочь? Я пустой, безжизненный, я никому не помогу.

Пришло время перемен.

Тихий стук прозвенел в тихом помещении, напугав меня на секунду. Линда стояла в дверном проеме, цепляясь за свою сумочку. Глубоко вдохнув, я встал и спросил:

— Здравствуй, Линда. Мэделин забыла что — то?

— Нет, — сказала она, нервно оглядываясь. — Эм, у тебя есть минутка поговорить?

— Да, — произнес я с опаской. Нервное напряжение, исходившее от не затягивало меня петлей.

С близко прижатой сумочкой к своему телу, она подошла ко мне, заметно дрожа. Рука, удерживающая лямку, тряслась на ее плече, и она сканировала помещение, будто проверяла — не выпрыгнет ли кто — то из — за угла.

— Ты в порядке? — спросил я, чувствуя, как покалывание поползло по задней части моей шеи. Что такого важного в ее сумке, что она так вцепилась в нее?

— Это был ты, да?

Мой желудок опустился, пульс ускорился, и мне внезапно стало плохо.

— О чем ты говоришь? — спросил я, потея.

— Ты, тот мужчина из бара, мужчина, который убил моего мужа.

Я чувствовал, как моя кожа побелела, мое дыхание возросло до бешеного ритма, а тело полностью онемело. Я физически не мог ответить.

— Ты не должен ни в чем признаваться. Я видела это по твоему лицу, — ее руки продолжали трястись, когда слеза стекла вниз по ее щеке. — Я знала, что это ты. По началу, я не знала этого. Я понятия не имела, кто убил моего мужа, но я заметила кого — то, напоминающего тебя, на похоронах, и у меня появилось предчувствие. А потом на день рождения Мэделин и Рождество, я заметила, как ты подкладывал подарки на наш порог для Мэделин. Ты думал, что был незаметным, но я знала, что это ты. В ту минуту, как я услышала о «Справедливости» и занятиях, которые ты предлагал, я поняла, то должна встретиться.

Тревожные звоночки звучали у меня в голове. Я отступил назад и врезался в скамейку. Линда выглядела плохо. Она выглядела так, будто болела, будто не могла поверить, что делала что — то выходящее из ее стихии.

— Линда...

— Нет, пожалуйста, молчи, — она подняла руку вверх. Она потянулась к своей сумочке, и я почувствовал, что шокирован. Я ждал этого момента, моего последнего вдоха, но я не хотел, чтобы моя жизнь заканчивалась. Я не хотел, чтобы это была моя последняя минута в этой жизни.

Как в замедленной съемке я наблюдал, как Линда вытащила что — то из своей сумки, и вздрогнул, когда она направила это на меня.

— Возьми их, — сказала она, пихая мне то, что было в ее руке.

Мое зрение размыло, пока я пытался понять, что она протягивала мне. Я посмотрел вниз и увидел стопку из плотной бумаги. При ближайшем рассмотрении, я заметил отметки цветными карандашами вдоль нее детским почерком.

— Возьми их, Кейс, — повторилась Линда.

Поддавшись ее просьбе, я схватил сложенные кусочки у нее, а потом сел на скамейку. Она села рядом со мной, все еще дрожа, но впустив свою сумочку. Расслабившись от того, что она здесь не для того, чтобы забрать мою жизнь, я начал разбирать бумаги.

Цвета, начиная от розового, синего и до зеленого, были разбросаны по плотной бумаге и каждая была адресована «Дорогому мистеру».

Это самодельные открытки Мэделин.

— Что это? — мое зрение начало размываться от слез, которые затуманивали мои глаза.

— Это благодарственные записки от Мэделин. Она написала их за каждый подарок, что ты сделал для нее. Она отдавала их мне, чтобы я отправила почтой человеку, который делал ей такие драгоценные подарки. Пришло время тебе их прочесть.

Я пережал переносицу, мои глаза жгло от сдерживаемых эмоций. Я открыл открытки и прочитал то, что внутри.

Дорогой Мистер, спасибо за маленькую, сиреневую фигурку лошади. Я назвала его Клайд. Я люблю его.

Дорогой Мистер, мне нравится сумочка. Спасибо.

Дорогой Мистер, печь с мамой весело. Спасибо за фартук.

Дорогой Мистер, мне нравится футболка. Она большая, но мама говорит, что я подрасту.

Дорогой Мистер, магниты классные. Мне нравится вешать что — нибудь на холодильник, спасибо.

Дорогой Мистер, жаль, что не могу поблагодарить вас лично. Мне нравится ожерелье. Оно такое красивое.

Там были сотни открыток, но последняя, которую я прочитал, позволила слезам, которые затуманили мое зрение, наконец — то пролиться. Я отложил открытки в сторону, чтобы не замочить их, положил голову на руки и позволил эмоциям завладеть мной.

Линда ласково положила руку на мою спину, нежно растирая ее, как любая мать. Я никогда не плакал по — настоящему, никогда не позволял себе переживать столько эмоций, но в данный момент, я не мог заблокировать их. Они поразили меня все разом.

Стыд, злость и сожаление отправили меня в водоворот уныния. Я не хотел этих открыток. Я не мог оправдать владение ими, не после того что забрал у Мэделин. Я мог бы подарить ей все в этом мире, кроме единственного, что она заслуживала: отца.

— Прости, Линда. Мне так чертовски жаль.

— За что ты извиняешься? — спросила она, все еще растирая мою спину.

Я посмотрел на нее, будто она выжила из ума. Я отстранился и провел тыльной стороной ладони по пропитанным слезами щекам.

— За что я извиняюсь? Ты только что сказала, что знаешь, что я убил твоего мужа, и вот я здесь, живу совершенно нормальной жизнью. Я должен гнить в чертовой тюрьме прямо

сейчас. Почему ты не вызвала копов?

— Кейс, зачем мне вызывать полицию? Ты защитил нас.

Растерянный, я сел и спросил:

— О чем ты говоришь?

Линда снова полезла в свою сумку и вытащила тонкий, кожаный альбом. Она протянула его мне и кивнула, чтобы я открыл его. Заинтересованный, я открыл страницу и встретился с жуткими фотографиями Линды, избитой и израненной до такой степени, что была практически неузнаваема. Желчь поднялась в моем горле, когда я продолжил переворачивать страницы. Лист за листом, там были снимки Линды с синяками, ожогами и порезами.

— Зачем ты показываешь это мне? — спросил я.

— Он издевался над нами, Кейс. Он был вспыльчивым и мог прийти домой и сорваться на мне. В ночь его убийства, он впервые ударил Мэделин. Эти снимки тоже после той ночи. Он оставил меня почти мертвой на полу и ушел в бар. У меня ничего не было, ни семьи, ни друзей, чтобы поддержать меня, потому что они не могли понять, почему я оставалась с Маршаллом. Они знали, что он делал со мной. Но я оставалась с ним, потому что думала, что может, лишь только может, он изменится, но этого не происходило. Его удары стали жестче, порезы — глубже, а словесные оскорбления сильнее.

Моя чертова голова кружилась от осознания того, что Маршалл Дункан не такой уж идеальный отец, каким я нарисовал его у себя в голове. Человек, которого я создал, был полной противоположностью тому, кем он являлся.

Линда схватила меня за руку и заставила посмотреть на себя.

— Кейс, ты спас нас. Ты наш защитник, ты наша опора. Не могу выразить какую свободу ты подарил нам обеим.

Я покачал головой и попытался смыться, но она крепко держала меня за руку.

— Зачем ты рассказываешь мне все это? — спросил я растерянно.

— Потому что я вижу, каким ты ходишь тут, безжизненный, не наслаждаешься этим красивым миром перед собой. Я хотела, чтобы ты прекратил наказывать себя. Ты не совершал грех, Кейс. Ты избавил нашу жизнь от боли.

— Но...ты записала Мэделин на уроки самообороны.

— Да, — Линда сжала мою руку. — Чтобы она могла научиться защитить себя от мужчин, как ее отец. Я не хочу, чтобы в итоге она оказалась в таких же отношениях, как я. Я хочу, чтобы она знала, что может дать сдачи, что она должна дать сдачи. Я хочу, чтобы она стала сильной, уверенной женщиной, и знала, что ты станешь идеальным учителем для нее.

Я продолжал качать головой, когда мои руки прошлись по волосам. Растерянный и ошеломленный, я встал.

— Нет, это слишком. Я не могу справиться с этим.

— Кейс... — закричала Линда, когда я уходил от нее. — Пожалуйста, не уходи. Я хочу поблагодарить тебя...

— Нет! — заорал я, практически выбегая из «Туманной комнаты».

Она погналась за мной.

— Возьми это, хотя бы, — она вручила мне открытки от Мэделин, вместе с конвертом. Скрипя сердцем, я принял их и ушел.

Я выбежал из центра, не заботясь об его закрытии. Я быстро напечатал сообщение Джетту, чтобы дать ему знать. Он потребует объяснения позже, но прямо сейчас, у меня есть

миссия, и я хочу обратиться от «Справедливости» и Линды, как можно быстрее.

У человека бывают такие ситуации, которые вы надумываете в своей голове, идеи, которые считаете будто высечены на камне, ничего и никогда не изменится в вашей голове. Но в ту минуту, как идеи меняются, это тяжело воспринять, тяжело переключиться. Вы формируете своего рода отрицание. Именно здесь я прямо сейчас. Я провел прошедшие несколько лет, наказывая себя, живя для кого — то еще, направляя кого — то, вспоминая сильные слова своего отца, что я никогда ничего не стоил. Я сделал своей миссией покаяться в своих грехах. А выяснить, что я больше герой, чем убийца, — почти невозможно для восприятия.

Мне нужно обратиться отсюда. Мне нужно забыть.

Глава 28.

Мое прошлое...

— Ты тупая шлюха, я не отсасывала ему. Ты растеряла все свои хреновы мозги! — прокричала Бабс, пока бежала вниз по коридору мимо спальни Лайлы в «Клубе Лафайет».

— Ты сделала это. Он рассказал мне, — отозвалась Фрэнси. Они, должно быть, остановились перед комнатой Лайлы, потому что их разговор был ясно слышен.

— Он рассказал тебе. Ну, тогда, давай, верь этому маленькому ублюдку. Нет не единого шанса, чтоб я отсосала ему. У него есть какое — то жуткое, желтое дерьмо там внизу.

Меня передернуло от мыслей.

— Фу, как отвратительно, — ответила Фрэнси. — Какой он?

— Я не стану оживлять это в памяти, — ответила Бабс, отходя от двери Лайлы.

Голос Фрэнси затихал, пока она произносила:

— Он толстый?

— Кажется, меня сейчас вырвет, — сказала Лайла в мою грудь, ее волосы щекотали мою кожу, а ее мягкое тело прижималось к моему.

Я только что переспал с Лайлой в ее спальне в «Клубе Лафайет», где кто угодно мог услышать нас. О чем, твою мать, я только думал?

Я потерял ее спину, мои глаза закрылись, — жаль, что я не был умнее в своем выборе, но после дня проведенного вместе, я ничего не мог с собой поделать. Я должен был оказаться внутри нее. Она глоток свежего воздуха, короткая передышка в холодном, мрачном мире, где я живу.

— Ты не должна так удивляться. Ты живешь здесь уже некоторое время. Ты должна знать, какие разговоры ведутся в этом доме.

— Точно, — она уткнулась носом в меня, отчего мои безумные мысли растворились в голове, и согрела меня с головы до ног.

Сегодня годовщина смерти моего отца. Кажется, только вчера он разговаривал со мной в последний раз по телефону, я выслушивал озлобленность его голоса, когда он говорил о моей боксерской карьере, о моих достижениях. Я все еще чувствовал удар под дых от моего отца, когда он не верил в меня, не выслушал мою сторону истории, сказал мне, что жалеет, что я его сын.

Лайла поймала меня в момент слабости и попросила позависать вместе. Я был безумен в некоторых взаимодействиях с людьми, и она воспользовалась редкой возможностью. Я —

единственный, кто завел наш день так далеко.

Она заставила меня чувствовать, она разрушила мои стены, и я позволил ей это. Мы провели весь день, гуляя по Новому Орлеану, разговаривали о городе в котором выросли, разговаривали о Голди и Джетте, разговаривали обо всем, что приходило на ум. Мы поужинали вместе, а в конце разделили пудинг на двоих. Я, блядь, поделился едой. Господи, я позволил своей осторожности ослабнуть и не имел понятия, как восстановить свои стены.

Вспышка ее восхитительной улыбки поставила меня на колени, заставляя умолять о большем. Лайла была в «Клубе Лафайет» не просто так, она заменяла Голди временно, но вместо того, чтобы относиться к ней, как к остальным «Девочкам Джетта». Я влюбился в нее. Мне нравилась Голди, на самом деле я любил Голди, но Лайла была другой. В Лайле была такая же наглость, как в Голди, причудливость, как в Голди, но она еще была неиспорченной, открытой. Она показывала вам, что не фальшивка. Она была обеспокоена, она получила меня, она заботилась обо мне. Она видела меня насквозь, мою истинную личность. Она разрушила меня этими глазами и ослабила своими поцелуями.

А сейчас, она лежала рядом со мной, ее руки обнимали меня за талию, изредка касаясь поцелуями моей груди и заполняя пустую бездну моей жизни.

Я пообещал себе, что не позволю дойти до этого. Не после первой встречи, не после того дня в квартире Лайлы, но когда Джетту потребовался кто — то на замену, я выбрал Лайлу. Я попросил ее о помощи, понимая к какого рода неразберихе это меня приведет. Я попросил ее, потому что глубоко внутри нуждался в ней здесь, в ее помощи, даже если я не стану принимать эту помощь.

— Как долго ты здесь живешь? — спросила Лайла, как бы невзначай, пробегаясь пальцами по моему прессу.

— Слишком долго, — ответил я честно.

— Ты говоришь так, будто тебе не нравится здесь.

— Это не так, — ответил я. На самом деле, это место стало убежищем от моих грехов. Я буду вечно благодарен «Клубу Лафайет».

— Никаких уточнений или чего — то еще? — поддразнила она.

— Наверное, нет.

Я отстранялся от нее. Я должен. Она заставляла меня хотеть то, чего я не позволял себе иметь. Она заставила меня пересмотреть все, что я считал незыблемым, после убийства Маршалла Дункана. Она пыталась предложить мне жизнь, я ее блядь не хотел.

Я начал подниматься, когда она прижала меня вниз своими руками. Она села и нависла надо мной. Я отвел глаза от ее колышущейся груди и попытался сосредоточиться на потолке. Если я опущу глаза, я сдамся. Я знал, что так будет. Я отчаянно нуждался в еще одной пробе.

— Куда собрался? — спросила она.

— Есть чем заняться, — ответил я, понимая, что прозвучал, как мудака.

— Ты не собирался остаться на ночь?

— Не могу, — ответил я, столкнул ее в сторону и сел на край кровати, опуская голову между рук. Пульсация начала зарождаться под моими веками, давая понять, что мучительная головная боль не за горами.

— Так ты собирался поиметь меня и свалить? — спросила она гневно.

— Абсолютно уверен, что это ты поимела меня, — сказал я, понимая, что в моем заявлении двойной смысл.

— Да, ты не серьезно. Не после дня, который мы провели вместе. Не после той связи,

которую мы разделили.

— Какую связь? — лгал я. — Мы поделились десертом, а потом трахнулись.

Я был жесток. Я ненавидал то, что говорил такие грубые слова ей, но я находился в режиме самообороны. Мое сердце истекало кровью, страстно желало женщину позади меня, умоляло ее забрать себя в свои руки и спасти от саморазрушения. От этого чувства мне было неуютно. Я ненавидал быть уязвимым, и я никогда не ощущал себя настолько обнаженным в своей жизни.

— Пошел ты, — сказала она, выбираясь из кровати.

Мои трусы валялись где — то у подножия кровати, поэтому я подхватил их, накинул на себя и повернулся, чтобы увидеть, как Лайла наступает на меня в наполовину запахнутом халате и с яростью в глазах. Я приготовился к удару.

Она ткнула меня в грудь.

— Если ты хочешь вести себя, будто ничего не произошло между нами, ладно. Верь в то, во что хочешь верить, но я почувствовала это, Кейс. Я видела, как ты смотришь на меня, жар в твоих глазах. Я знаю, что есть что — то, что ты хочешь рассказать мне, но отказываешься. Почему? Что ты скрываешь?

— Не твое дело, — ответил я, проходя мимо нее, чтобы найти остальную одежду.

— Выбрал путь труса? Идеально тебе подходит, — издевалась она.

— Прости? — выстрелил я в ответ, схватив джинсы и натягивая их на себя.

— Ты слышал меня, — сказала она, уперев руки в бока — гневная поза. — Ты трус. И правда, слишком тяжело мужчинам признаться в чувствах, чем скрывать их.

— Нет никаких чувств, Лайла, — она права. Я не тот мужчина, которым она хотела бы меня видеть.

— Тогда что, Кейс?

Глубоко вдохнув, я сказал:

— Я не такой, как ты считаешь. Я — монстр, демон, который разрушает жизни остальных. Я не сентиментальный, и мне плевать на все. Я не хочу разговаривать о своей жизни, и мне плевать на жизнь остальных. Я живу в этом мире только для одного и этим занимаюсь в одиночку — живу с этим всепоглощающим, тягостным чувством вины до своего последнего вздоха. Ты ничего не сможешь сказать мне, что изменит это, поэтому прекрати пытаться. Как сказал мне мой отец, я не настоящий мужчина.

Лайла оцепенела, ее глаза искали мои, искали ответы, которые я не хотел давать. Я схватил остатки своей одежды.

Я только натянул свои ботинки, когда она присела на корточки передо мной, чтобы мы оказались на одном уровне глазами. Она балансировала своими коленями, пока говорила.

— Почему ты хочешь нести вес всего этого мира на своих плечах в одиночку, Кейс? Почему ты не хочешь поделиться ни с кем этим? Позволь мне помочь тебе.

— Мне не нужна твоя помощь, — я встал, едва не уронив ее. Проведя рукой по лицу, я помог ей встать на ноги. — Лайла, это не обсуждается для меня, ладно? Я не ищу партнера. Я не ищу никого с кем поделиться своим бременем. Я сделал это сам, и сам заплачу за это, больше никто.

— Почему ты не хочешь рассказать мне? — спросила она, слезы навернулись на ее глаза.

— Потому что... — я затих. — Сегодня годовщина смерти моего отца, — слова выскочили из моего рта быстрее, чем я смог сдержать их.

Ее глаза расширились от растерянности.

— Мне жаль, Кейс. Уверена, что сегодня тяжелый день для тебя.

Я пожал плечами.

— Он был сложным ублюдком, чтобы сожалеть. Я никогда ничего не делал правильно в его глазах. Так что лучше забыть.

— Очевидно, ты не можешь, поскольку ведешь себя, как настоящий козел в чистом виде.

— Тебе лучше увидеть это сейчас.

— Расскажи мне о нем, — подстрекала Лайла. — Я хочу узнать о твоём отце.

— Этого не произойдет, — ответил я, не готовый вскрывать эту рану. Я еще боялся, узнать, что Лайла подумает на самом деле, после того как услышит мнение моего отца о моей жизни.

Честно говоря, я не хотел потерять эту искорку в ее глазах, когда я захожу в комнату. Я не хотел видеть, как она однажды раствориться, когда она узнает, что я убийца, лузер, кто — то, кто ничего не стоит. Зовите меня эгоистичным мудаком, но эта маленькая искорка, которую она дарила мне каждый день, помогла ослабить давление в моих легких, которое затрудняло дыхание.

— Ладно, — сказала она, отходя. — Тогда, ладно. Забирай свою вину и убирайся нахрен из моей комнаты, но просто чтобы ты знал, я — лучшее, что когда — либо произойдет с тобой, Кейс. Притяжение между нами, которое ты пытаешься игнорировать, оно настоящее. Между нами что — то есть, глубокая связь, которую ты продолжаешь отталкивать, и однажды ты проснешься, в одиночестве и пожалеешь, что не впустил меня в свой маленький мирок. Думаешь, что то, что ты сделал в прошлом твое самое большое сожаление? Неправильный ответ, ублюдок. Выйти за эту дверь, выйти из моей жизни, станет самым большим сожалением твоей жизни. Повеселись с этим.

Я вылетел из ее комнаты, больше злой на себя, чем на кого — либо еще. Джетт и Голди приближались. Голди была на руках Джетта, и они направлялись в ее комнату. Не удивительно. Голубки были практически голые — Голди в халате, а Джетт только в трусах.

— Убейтесь с моего пути, — заявил я мрачно, не желая связываться с их довольными лицами. У них у обоих было это раздражающее «мы влюблены» сексуальное сияние, на которое было слишком противно смотреть.

Джетт по какой — то причине быстро поддался, вероятно потому, что хотел затащить Голди обратно в кровать, озабоченный придурок, но она — другая история. Она всегда совала свой нос в мои дела, особенно когда я был в худшем настроении, и сегодня не стало исключением.

— Стой, — сказала она, вырываясь из хватки Джетта. — Что происходит?

Голди вывернулась в руках Джетта так, что теперь он вынужден был держать ее под живот, а не за спину. Она воспользовалась моментом и подперла свой подбородок рукой Джетта и вскинула ногой за себя.

— Проблемы в раю? — поддразнила она, понимая очень ясно, что Лайла — достойный мне соперник.

— Оставь это, — сказал я резко, не поддаваясь ей ни на дюйм.

— Ой, да ладно, Кейс. Будь другом поделись.

Я посмотрел на Джетта.

— Позаботься, чтобы твоя женщина держалась от меня подальше.

Появилось легкое подергивание на челюсти Джетта, но я знал — он поймет. Он хорошо меня читал, а я посылая «не шутите блядь со мной» флюиды, кое — что, что Голди казалось не понимала.

— Эй! — заорала она, очевидно обидевшись, пока я уходил. — Обо мне не надо заботиться. Я могу справиться сама! Вернись! Ты не посмеешь!

На расстоянии, я слышал, как Джетт уговаривал ее:

— Полегче, киллер.

Вибрируя раздражением, я зашел себе в комнату и захлопнул дверь в поисках что ударить. Желание разбить каждый неодушевленный предмет у меня на виду — было подавляющим.

Я, бля, ненавижу свою жизнь. Боли было слишком много, вина слишком тяжелая, а несчастье, которое я переживал день изо дня, пересиливало. Чему — то нужно поддаться, и я боялся выяснить, что тогда произойдет.

Глава 29.

Мое настоящее...

Я колотил по двери, требуя впустить меня. Я не знал, куда еще пойти. Мне нужно было сбежать, и я оказался здесь.

Очередь щелчков замка, и дверь распахнулась, открывая красноречивый вид растрепанной Лайлы. Ее волосы примялись сбоку. Она была в халате и выглядела взволнованно.

— Кейс, — спросила она, пока распрямляла свои волосы. — Что ты здесь делаешь?

Ее внешний вид был подозрительным. Было похоже на то, что с ней кто — то был в квартире. Тошнотворное чувство текущее во мне превратилось в чистую ярость, пока я пробирался внутрь. У меня не было права расстраиваться. Мы не вместе. Она могла делать, что черт возьми хотела, но это не имело значения. В моей голове, она была моей, ничьей больше.

— Какого хрена ты творишь? — спросила она, когда я ворвался прямо в ее спальню. Я пнул дверь ногой, и был шокирован тем, что никого не было в комнате.

— Где он? — я повернулся к ней. Она стояла прямо за мной, уперев руки в бедра.

— Кто? — спросила она, начиная защищаться.

— Мужик, с которым ты только что трахалась.

— Ты из ума, блядь, выжил? — она практически кричала. — Ты видишь здесь мужика?

Я снова огляделся по сторонам и заметил ярко — розовый вибратор посередине кровати.

— Так ты заботилась о себе самостоятельно? — спросил я ее.

— Ты отвратителен! — она задрала свой подбородок и вышла. Я следовал почти вплотную позади нее. Она открыла дверь и сказала: — Выметайся.

Я остался на месте, не желая уходить. Это не самое мое лучшее появление за всю жизнь, но мне плевать. Я нуждался в ней. Ярость покинула меня, сменившись болью и растерянностью.

— Лайла, — сказал я тихо, пихнув руки в карманы.

Она захлопнула дверь и подошла ко мне. Она положила руки на мою грудь и заставила

встретиться с ней глазами.

— Кейс, что случилось?

Я обрушился на нее, слезы хлынули из глаз, пока я разваливался на части в ее руках. Она вцепилась в мою спину и притянула ближе. Я смутно осознавал, что она подвела нас к дивану, куда мы сели, и я потянул ее на свои колени. Она оседлала мои ноги и приподняла подбородок, чтобы вытирать мои слезы.

— Ты пугаешь меня. Что происходит? — спросила она. Ее халат приоткрылся на груди, поэтому я смог заметить ее округлость.

И в этот момент, мне было нужно потеряться в ней. Мне нужна ее помощь, чтобы забыть.

Не произнося ни слова, я поцеловал ее. Комбинация моих слез с ее губами была солёной химией. Это было опьяняюще.

— Подожди, — она отстранилась, уперевшись рукой в мою грудь. — Ты должен рассказать мне, что происходит.

— Лайла, я слетел с катушек. Мне нужно потеряться в тебе так чертовски сильно, что от этого даже больно. Помоги мне забыть, пожалуйста, — умолял я.

— Забыть о чем? — спросила она, рассматривая мои глаза.

— Забыть о своих грехах, — ответил я.

Я позволил ей стереть случайную слезу, а когда подумал, что она собиралась расспрашивать меня дальше, но она распахнула халатик и показала мне свое великолепное, обнаженное тело.

— Я твоя, — прошептала она.

Благодарный, я встал, схватил ее руку и пошел в спальню. Я отодвинул ее предыдущее развлечение с кровати и уложил аккуратно Лайлу на матрас. Я отступил, чтобы снять свою одежду, но она остановила меня.

— Позволь мне, — предложила она. Не способный обрести контроль как обычно, я поддался ее просьбе.

Она села на кровати и подняла руки к подолу моей футболки. Но вместо того, чтобы стянуть ее через голову, она приподняла ее и частично обнажила мой живот. По моему прессу прошла мелкая дрожь, когда она прикоснулась ко мне.

Она оставляла небольшие поцелуи вдоль моего подтянутого живота. Ее язык прослеживал каждый выступ, от косых мышц живота до верха шести кубиков на прессе. Она любила меня. С каждым поцелуем я чувствовал, что она одаривала меня целебной силой.

Поднявшись, она сняла мою футболку и отбросила ее в сторону. Ее руки сразу же нашли мои грудные мышцы, и она проскребла по ним ногтями. Царапанье ее пальцев по моей коже было желанным, я любил боль, и она знала об этом.

Как только ее пальцы нашли мой живот, ее губы проследили поцелуями царапины, пытаясь излечить открытые раны. Я хотел бы принять их, как все, что мне нужно, чтобы двигаться дальше, чтобы забыть обо всем, во все, что я верил, все, что я устанавливал все эти годы, но я понимал, что это не так.

Я стоял неподвижно, пока Лайла все еще пыталась вселить понимание через свои поцелуи. Ее руки бродили вниз к моей талии, где она расстегнула мои джинсы и потянула их. Я помог ей, вышагнув из них и сбросив пальцами ног в сторону. Она крепко ухватилась за мою задницу, отчего мой член толкнулся вперед. Потом она скользнула руками в мои боксеры и стянула их с зада, позволяя им медленно соскользнуть с моего твердого члена.

Когда я остался голым, она отвела меня к своей кровати, где толкнула на матрас и оседлала мои ноги. Ее руки прошлись вверх по моим бедрам, потом по животу, куда она медленно себя опустила, ее грудь нависала над моей эрекцией, а ее рот прямо над моим пупком. Она опустила свои губы и начала снова зацеловывать мое тело.

Я плавился на ее матрасе, пока Лайла заботилась обо мне своими красивыми губами. Она целовала меня от плеч, до груди, потом живота, и наконец зависла прямо над моим членом. Она облизала свои губы, схватила мой член и опустила на него свой рот.

Низкий стон вырвался из меня от жара. Она была нежной, внимательной, и не торопилась, удостоверяясь, что ее язык проходил по каждой пульсирующей вене. В ее прикосновениях не было спешки, не было потребности довести меня до предела. Она любила меня, обожала меня, помогала мне сбежать из черной дыры, в которой я себя зарыл.

Моя ладонь упала на глаза в попытке прикрыть слезы, которые угрожали пролиться водопадом по моему угловатому лицу. Моя жизнь была настолько хреновой, и прямо сейчас, эта женщина предпримет все, чтобы сделать ее лучше. Если я еще не любил ее охрененно, то будь я проклят, если не полюбил ее прямо сейчас.

Блядь, я не собирался впускать ее, но прямо сейчас, с ее состраданием и пониманием, как я мог не позволить ей сломать мои стены? У меня и шанса не было.

Ее губы замедлились, а руки поднялись по моим бедрам. Она подняла на меня глаза, а потом освободила свой рот. Она наклонилась к тумбочке, открыла выдвижной ящик и прихватила презерватив. Она мастерски раскатала его по моему пульсирующему члену, а потом устроилась так, что оказалась сидящей на моих бедрах, но не позволяла интимной связи, к которой я так стремился.

— Я хочу, чтобы ты взял меня так, как ты хочешь, Кейс. Я хочу, чтобы ты потерялся.

Чувствуя себя немного слабым, я потянул ее вниз на матрас, а потом встал на колени. Я провел рукой по верху своего рта, восторгаясь красотой, которая лежала подо мной. Ее глаза мерцали от непролитых слез, а губы припухли от поцелуев, которыми она любезно одарила меня. Ее волосы были рассыпаны по подушке.

Я встал на колени между ее ног и положил руки по обе стороны от ее головы. Я опустил голову так, чтобы мои губы были прямо над ее. Я тихо произнес.

— Прости меня за все, Лайла.

— Не извиняйся, Кейс.

Я покачал головой.

— Мне нужно извиниться. Ты была здесь ради меня все время, когда я не заслуживал этого, как и сейчас, — я подавился и быстро прижал пальцы к своим глазам, пытаюсь ослабить эмоции, которые по — прежнему хотели пролиться. — Я хочу, чтобы ты знала, что я забочусь о тебе. Больше чем заботился вообще о ком — то, и причина, по которой я не поддавался тебе, почему я не реализовал свои сильные чувства к тебе, — потому что было кое — что, что затуманило мой жизненный путь.

— Ты не обязан ничего мне говорить, Кейс. Просто займись со мной любовью.

Страстное желание в ее глазах сказало мне, что она нуждалась в этом также сильно, как и я, поэтому я дал нам то, к чему мы оба стремились, способ, чтобы забыть.

Я опустил голову к ней и захватил ее губы своими. Я облизывал, покусывал и перекачивал их между своих зубов. Я целовался с ней, как в старые добрые времена. Наши языки смешались. Наши потребности были жадными, когда мы оба соответствовали каждому толчку наших ртов.

Я схватил готовый разорваться к чертям собачим член одной рукой и нашёл скользкий вход Лайлы. Она раздвинула свои ноги ещё шире, и я толкнулся в неё. Я встретился с такой тугостью, которая была практически, блядь, девственной. Она охватила мой член так, будто мы были созданы друг для друга.

— Ты такая идеальная, — сказал я, когда контроль ускользал от меня.

— Ты тоже идеальный для меня, Кейс.

Для неё не важно, что я сделал, кого обидел. Значение имела связь, которую мы не могли отрицать. Поэтому, она навсегда, блядь, будет моей.

Я вбивался в неё, её бедра соответствовали моим требовательным толчкам. Мы были единым целым. Мы были связаны всеми возможными интимными способами. Эта женщина, в ней я нуждался, в том, чтобы почувствовать её любовь.

Лайла крепко вцепилась в мою спину, когда выгнулась подо мной. Громкий крик покинул её губы, когда её дыхание нарастало, а её жар обхватил мой член намного крепче, чем я мог вообразить себе. На секунду, мои пальцы на ногах онемели, мой желудок скрутило, а яйца подтянулись. Я яростно сотрясался в ней, пока кончал. Оргазм Лайлы совпал с моим, пока мы катались в нашем наслаждении вместе, не отпуская друг друга, пока полностью не выдохлись.

Продолжив целовать, я расположился на ней, убедившись, что не раздавлю её.

Она заставила меня посмотреть в её глаза.

— Ты может и считаешь, что недостойн меня, Кейс, но правда в том, что это я не заслуживаю тебя. Я не знаю, что ты совершил в прошлом, но то, что ты делаешь в настоящее время в центре, помогаешь девочкам, и являешься другом Джетту, — ты хороший человек. Пришло время, увидеть тебе это.

Глубоко внутри, я понимал, что она права. Я отказывался принимать от неё правду так долго, что не уверен, как много времени у меня займет окончательно поверить в это, сделать это своей правдой.

— Есть так много всего, что ты не знаешь, — ответил я, зарываясь головой в её плечо.

Она прижала меня ближе.

— Ну, тогда, расскажи мне. Я не сбегу, Кейс. Я говорила тебе, я здесь, чтобы остаться.

— Почему? — спросил я. — Почему ты выбираешь остаться?

Она поиграла с короткой прядью моих волос.

— Я разговаривала с Голди. Она сказала мне не сдаваться, что тебе нужен кто — то, кто поверит в тебя, будет здесь для тебя, больше чем Джетт. Тебе нужен кто — то, кто спасет тебя. Я не могла уйти. Я хочу стать той, кто ослабит демонов, которые преследуют тебя. Я хочу стать той, кто вернёт тебя обратно из темноты и мрака к свету этого мира. Я хочу стать той, кто заставит тебя смеяться, заставит улыбаться, заставит ценить это прекрасный подарок под названием жизнь. Я хочу всего этого, Кейс.

Я вцепился в Лайлу сильнее, позволяя своему сердцу переполниться чувствами в первые, с тех пор как мог вспомнить, и сказал:

— Я хочу, чтобы ты была этим человеком, Лайла. Я хочу этого охрененно сильно.

Глава 30.

Мое настоящее...

Я нетерпеливо дожидался на тротуаре, нарезая круги туда — сюда, пока ждал появления Джетта. Он был не очень — то счастлив, когда ответил на свой телефон, после четвертого подряд звонка от меня, но то, что я должен был сделать — срочно.

Я ушел от Лайлы, пока она еще спала, оставив записку, что нужно кое о чем позаботиться. Она не обрадуется. Она не обрадовалась после того, как я отказался разговаривать о прошлом. Наверное, я уничтожил шанс быть с ней каждой отмазкой, которую дал ей, но прежде чем я полностью посвящу себя ей, я должен вправить свои мозги для начала.

Если мы предназначены друг для друга, тогда это произойдет.

Дверь отеля Джетта распахнулась, и сам Джетт вышел на улицу свежо — оттраханный, одетый в джинсы и футболку, обычный наряд, которые немного людей могут увидеть на таком влиятельном человеке.

Джетт потер глаза и сказал:

— Это должно быть чертовски хорошим поводом.

Я указал рукой на машину на холостом ходу с врубленным кондиционером, поскольку было 29 градусов с самого утра. Лето в Новом Орлеане было едва переносимым временами.

Мы сели в машину и пристегнулись. Я выехал на пустую улицу, вдоль которой выстроились в ряд пальмы, и повез нас к нашему месту назначения.

— Куда мы едем? — спросил Джетт слабо.

— Линда приходила поговорить со мной.

Джетт стал более тревожным.

— Что она сказала?

— Она знает, — заявил я просто.

— Что? Откуда?

— Она видела меня на похоронах, и потом, когда я подкидывал подарки все эти годы. Полагаю, я не такой таинственный, как думал.

— Твою мать, — Джетт задохнулся, вытирая свой рот рукой. — Ты признался?

— У меня не было вариантов.

— Блядь, Кейс, — сказал Джетт потрясенно. — Что она собирается делать? Выдвигать обвинения? У нее вообще есть доказательства?

— Она не собирается ничего делать, — ответил я, пытаюсь успокоить своего лучшего друга.

— Почему нет?

— Посмотри в бардачке, — Джетт изучал меня секунду, а потом открыл его. — Достань эти открытки.

— Что там? — спросил он, пока рассматривал их.

— Они все от Мэделин. Это благодарственные открытки за все подарки, которые я отдавал все эти годы. Их отдала мне Линда.

Джетт молчал, пока рассматривал открытки, читая каждую из них, не торопясь отмечая, как улучшился почерк Мэделин, проводя рукой по нему, то, как структура ее предложений стала сильнее, и она использовала больше описательных слов.

К тому времени, как Джетт закончил, мы приехали в место назначения. Он поднял на меня глаза, в них слезы.

— Не могу поверить, что она сохранила их.

— Она сказала, что хотела отдать мне их по определенной причине. Они означали

целый мир для нее, и если даже я и страдал, то Мэделин была невероятно благодарна и счастлива всем маленьким подаркам, которые я подарил ей. Линда еще отдала мне это, — сказал я, протягивая ему конверт.

— Что это?

— Взгляни.

Джетт открыл конверт и вытащил письмо, которое открывало доступ к банковскому счету со всеми деньгами, которые я передал Линде и Мэделин за все эти годы.

— Она не воспользовалась ими, — сказал я тихо.

— Я не понимаю, — признался Джетт растеряно. — Почему мы на кладбище?

Собрав всю свою волю, чтобы произнести слова, которые проговорили мне всего несколько часов назад, я глубоко вдохнул и сказал:

— Линда хотела поблагодарить меня. Она была жертвой насилия, Джетт. Маршал обычно избивал ее до полуживого состояния, у нее есть снимки в качестве доказательства. Любовь, которую я думал, отобрал у них, была на самом деле ненавистью. Той ночью, — той ночью, когда я убил Маршала, он ударил Мэделин в первый раз, — челюсть Джетта напряглась, а его глаза прищурились. — Линда привела Мэделин в «Справедливость», чтобы та могла научиться защищать себя, если у нее когда —нибудь будут такие же насильственные отношения. Она не хотела, чтобы Мэделин прошла через то же, что и она.

Я стабилизировал свое дыхание и провел ладонями по глазам, когда слезы грозили пролиться. Мое горло сдавило, когда я продолжил говорить.

— Она сказала мне, что я спас их с Мэделин. Я спас их, Джетт, — слезы полились, и я заплакал в своих ладонях. — Я не уничтожил их, я, блядь, спас их.

Демоны, которых я скрывал так долго вышли на поверхность, когда я произнес слова вслух единственному человеку, который прошел через все это со мной. Вина и раскаяние, которые оплели мою душу, начали выходить из моего тела, пока я продолжал говорить.

— Она поблагодарила меня за то, что изменил ее жизнь, за то, что подарил надежду, за то, что забрал злого мужчину. Все это время я думал, будто разрушил их жизни, когда в действительности, я улучшил их. Они были счастливы без него, Джетт. В парке в тот день, когда они выглядели такими нормальными, все это потому, что они были счастливы. Они были свободны. Я защитил их от зла и закончил этот кошмар для Линды. Все это время, она дышали свободно, пока я задыхался.

Джетт выбрался из машины и обошел ее к моей стороне, открыл дверь и вытащил с моего места. Он обернул свои руки вокруг меня и обнял, пока я плакал на его плече. Было слишком рано для зевак, но даже если бы были люди, шатающиеся поблизости, мне было бы плевать. Жизнь, которую я знал, наконец — то, исчезла и впервые, за длительное время, я увидел свет в конце туннеля. Старый Кейс, разрываемый демонами Кейс, умирал.

Линда освободила часть мен. Он сняла мое бремя и позволила дышать. Мне потребовалось немного, чтобы принять это, но произнеся слова вслух Джетту, я понял, что мои неверные решения привели к лучшему. Они подарили мне вторую жизнь, второй шанс, шанс, который я отказывался растрачивать.

Отстранившись, я посмотрел на Джетта и понял, что мы оба плакали. Я ухмыльнулся, пока вытирал глаза, и сказал:

— Твою мать, мы как парочка идиотов.

— К черту, мне плевать, — сказал Джетт, притягивая меня в объятия снова.

Он мой брат, единственный человек, который был рядом со мной в течение темных

дней, направлял меня и защищал.

— Я сделал бы это снова, — признался я. — Я бы прожил с виной, позором, грехами только чтобы знать, что в итоге Мэделин и Линда будут защищены.

— Я бы тоже, — признался Джетт. — Скажи мне, что все кончено, Кейс. Скажи, что двигаешься дальше. Скажи, что весь этот хренов кошмар закончился, — Джетт умолял. Я бы сказал, что он хотел, чтобы его лучший друг вернулся, человек, которого он знал. Это займет какое — то время, но я готов двигаться дальше.

— Я ждал этого момента, чтобы освободиться, и я нахрен воспользуюсь им. Мне просто нужно кое — что еще сделать.

Гигантская улыбка растянулась по лицу Джетта от моего признания. Я видел надежду, счастье, которое сопровождало его. Не только я освободился, но и подарил своему лучшему другу то, в чем он больше всего нуждался, кроме Голди. Я вернул ему его брата назад.

— Тогда, какой следующий шаг? — спросил Джетт.

С самого начала, это было не только мое путешествие. Оно и его тоже, и пришло время закончить это вместе.

— Время попрощаться с ублюдком, — ответил я и пошел напрямиком на кладбище, Джетт прицепился за мной.

Я знал, где могила. Образ Линды, стоящей с Мэделин, выжгло в моей голове. Теперь, когда я думал об этом, она выглядела бледной и неподвижной в тот день, закрытая с ног до головы одеждой, которая Наверное скрывала ее синяки. На ней должно быть была тонна макияжа, чтобы скрыть жестокость своего мужа, потому что я не заметил никаких следов избиения на ее лице.

Проходя мимо надгробий и старых цветов, мы наконец — то добрались до могилы Маршала. Желание врезать по камню кувалдой чесало руки, пока я таранился вниз на надпись.

Любимый муж и отец.

— Мужик отделался слишком легко, — произнес я, пока смотрел на могилу. — Если бы я знал, кем он был на самом деле, что он делал с Линдой, я бы не торопился с ним в том баре, заставив прочувствовать каждый последний удар, вместо того, чтобы покончить с его жизнью так быстро. Я бы мучил его. Я бы разорвал его на куски, а потом только прикончил, — злоба в моем голосе была ощутимой. — Я никогда никого не презирал так сильно, Джетт.

— Я тоже, — кипел Джетт.

— Он забрал годы моей жизни. Он забрал наивность Мэделин, свободу Линды.

— А теперь он расплачивается за это, — возразил Джетт.

Кивнув, я присел на корточки и обратился конкретно к Маршалу, давая ему понять, какой лживой была надпись на могиле.

— Ты потратил годы на этой земле запугивая Линду, пользуясь ролью отца, допрашивая полных незнакомцев. Ты отверг жизнь, которой мог бы гордиться. Ты выбросил шанс наблюдать, как Мэделин вырастет в красивую, дерзкую маленькую девочку, какая она сегодня, ты издевался над яркой женщиной, которая съезжилась в браке рядом с тобой. Ты — трус. Ты монстр, не я, и я никогда не пожалею о моем решении убить тебя, никогда больше. Я не должен тебе ничего кроме благодарности за то, что привел в мою жизнь Мэделин и

Линду. Я стану тем человеком, в котором они нуждаются, человеком, которым ты никогда не был, и защищу их от подобных тебе, вместо таких как я, — поднявшись, я похлопал по могиле. — Приятно провести время, сгнивая в аду, ты, больной ублюдок.

Я шагнул назад и посмотрел на Джетта. Он был счастлив. Склонившись вниз до уровня могилы, Джетт сказал:

— Спасибо за то что был монстром, потому что ты не только укрепил мою связь с братом, но и доказал что справедливость восторжествует.

Оранжевый свет становился ярче на небе, когда вставало солнце. Джетт хлопнул меня по плечу.

— Готов?

— Готов, — ответил я. — У меня еще одна остановка. Не возражаешь поехать со мной?

— Ты же знаешь, что я пойду куда угодно с тобой, дружище.

Мы ушли, оставив моих демонов позади. Впервые в моей херовой жизни я оставил их позади. С каждым шагом, я чувствовал себя легче, свободнее, будто наконец — то начал новую главу в своей жизни, а не перечитывал одну и ту же снова и снова. Пришло время перевернуть страницу и двигаться дальше.

Пришло время жить.

Глава 31.

Мое настоящее...

— Думаю, пончики были умным ходом, — сказал Джетт, пока я парковал машину.

— Ага, спасибо, что оплатил счет за них, — я ухмыльнулся.

— И почему только я сделал это снова? — спросил он. — После той маленькой выписки из банка, которую я видел, то сказал бы, что ты неплохо накопил. По крайней мере, на первый взнос за дом.

— Я не могу принять эти деньги, — ответил я. — Это кажется неправильным.

— Линда не примет их обратно. Они твои, Кейс. Ты достаточно настрадался. Ты потерял все той ночью, отказался ото всего. Ты заслуживаешь хотя бы вернуть свою жизнь назад. Ты заслуживаешь этих денег.

— Просто я не считаю это правильным. Я хочу, по крайней мере, помочь с оплатой колледжа для Мэделин.

— Восхитительная мысль, — сказал Джетт. Она посмотрел вниз на коробку с пончиками, а потом обратно на меня. — Готов к этому?

Я кивнул, вытащил ключи из зажигания, и сказал:

— Давай, сделаем это.

Мы выбрались из машины и уставились на дом, который принадлежал Линде и Мэделин. Было все еще раннее утро, поэтому трава была поцелована росой, и легкий туман в воздухе, который вскоре прожжет жара Луизианы. Улицы были тихими, соседи только начали просыпаться.

Для кого — то еще, это может быть слишком раннее утро, это может быть похоже на мрачное утро с туманом, который все еще блокировал вид соседних домов, но для меня, это был новый рассвет, новое начало. Я чувствовал себя ожившим впервые за продолжительное время.

Кивнув друг другу, мы подошли к входной двери и мягко постучали в нее впервые. Я стоял на этом крыльце и раньше. Тогда мне было интересно — какую жизнь ведет этот дом, ненавидят ли они меня, презирают ли меня, но в этот раз, я был уверен, что меня примут с распростертыми объятиями в этот причудливый, маленький домик.

После нескольких минут тишины, щелчки открывающегося замка эхом разошлись в тишине, а потом Линда открыла дверь, одетая в длинный, махровый халат, ее волосы собраны в хвостик. Тапочки — кролики покрывали ее ноги, и пижамные штаны в горошек выглядывали из — под ее халата. Когда она увидела меня, то влетела в мои руки и обняла меня.

Она была теплой, дружелюбной. Она позволила мне расслабиться. Я обернул свои руки вокруг нее, вернув ее жест. Она плакала на моем плече, пока ее поддержка становилась крепче. Джетт стоял в стороне, наблюдал, как и всегда.

Я никогда бы не поверил, что буду стоять на пороге Линды, которая обнимала бы меня за талию, счастливая, что видит меня. В это было трудно поверить, потому что я провел последние несколько лет внушая себе, что эта женщина ненавидит меня, что она будет праздновать день моей смерти, из — за того, что я забрал у нее. Вместо этого меня чествуют, как героя, как защитника, как спасителя. Слова, которые я никогда бы не использовал, описывая себя.

Я был, блядь, под кайфом. Потеряв карьеру в боксе, потеряв последние несколько лет своей жизни, я не сдавался, так долго, что в итоге оказался мужчиной, который добрался до вершины, мужчиной, которого эти женщины с нетерпением ждали, мужчиной, который все сделал к лучшему.

Линда отстранилась и вытерла слезы.

— Я так рада, что ты пришел, — она засмеялась. — Как видишь.

— Линда, это мой друг, Джетт Колби.

— А ну да, вы владелец «Справедливости». Мы с Мэделин так благодарны вам за доброту к людям, за то, что открыли такой центр в этом городе. Это чистый акт самопожертвования.

— Да не стоит, — ответил Джетт, пока пожимал руку Линде. — Рад, что вы смогли найти успокоение в «Справедливости».

Значение слов Джетта было тяжелым. Мы все ощутили их вес, и что он в них вложил.

— Мы можем войти? — спросил я, ощущая, как слезы впитывались в мою футболку. Это слезы счастья, я не против наблюдать, как они впитываются.

— Конечно. Пожалуйста, простите за беспорядок. У нас с Мэделин была пижамная вечеринка в гостиной, поэтому на полу спальные мешки.

Когда вошел в небольшой дом, я сразу же ощутил облегчение. Стены были красивого желтого цвета, такого же, как в комнате Голди в «Клубе Лафайет». Вся мебель была белой, и повсюду были небольшие штрихи оранжевого и бирюзового. Я чувствовал спокойствие, мой пульс не зашкаливал, а кожа не покрывалась мурашками. Вместо этого, мне казалось будто я нашел еще один дом, часть меня, которой не хватало.

Справа была гостиная, где подушки спальные мешки были разбросаны по полу. Коробки от дисков были разбросаны по кофейному столику, и коробочка от «Холодного Сердца» была единственной открытой. Две банки газировки с трубочками, торчащими из них, стояли рядом с огромной чашкой только с зернышками на дне. От всей картины мое сердце заныло в хорошем смысле.

Линда и Мэделин процветали, это большее, о чем я мог только просить.

— Я в толчок! — сказала Мэделин, когда влетела в гостиную и внезапно остановилась, когда заметила там компанию. — В смысле...в дамскую комнату, — она поправилась, выглядя смущенной.

На ней были такие же пижамные штаны и тапочки, как у мамы, но ее волосы были в диком беспорядке на макушке, и на ней была футболка «Холодное Сердце», которая определенно была ей велика. За несколько коротких дней, я понял, что абсолютно очарован этой маленькой девочкой.

— Мистер Кейс, что вы здесь делаете? — спросила она, скручивая свою футболку.

— Мэделин, разве так мы встречаем наших гостей?

Мэделин выпрямилась и сказала:

— Могу я принести вам что —нибудь попить, мистер Кейс?

Усмехнувшись, я присел перед ней, прихватил коробку с пончиками и открыл ее. Ее глаза расширились от вида сильно прожаренной выпечки.

— У тебя есть что —нибудь, что подойдет к этому?

— Шоколадное молоко! — воскликнула она с восторгом. — Я могла бы приготовить его. У нас есть порошок.

— Не могла бы ты сделать мне и моему другу Джетту по стаканчику?

— С радостью, — она убежала на кухню и начала суетиться там, открывая и закрывая шкафчики.

Линда покачала головой.

— Отдать свои напитки в руки Мэделин. Я бы поостереглась, мальчики, — Линда улыбнулась и провела нас в столовую к небольшому, круглому, белому столу и соответствующим стульям. Линда распахнула бирюзовые шторы, чтобы проникал утренний свет.

— Твой дом прекрасен, Линда, — похвалил Джетт.

— Спасибо, мистер Колби.

— Можешь звать меня просто Джетт, — искренность пропитывала его голос.

— Спасибо, — сказала Линда. — Когда Маршалл умер, я решила отремонтировать дом на небольшую часть денег от страховки. Дом был настолько мрачным и темным раньше. Здесь были только его вещи, он повсюду, а мне нужно было избавиться от него. Мэделин помогла мне выбрать цвета, и мы приступили к работе. Я не могу представить, каким был дом раньше.

— Он такой жизнерадостный и уютный, — оценил я.

— Спасибо. Именно этого мы и добивались.

Прежде чем снова появится Мэделин, я вытащил конверт, который Линда отдала мне, когда я уходил из общественного центра в тот день, и вручил его ей, а она отказывалась принимать его.

— Линда, возьми это, пожалуйста.

— Нет, — она покачала головой. — Это твои деньги, Кейс. Начни с ними сначала.

— Линда, я отдавал их по определенной причине.

— Знаю, и пускай твои причины были очень милыми, мы не нуждаемся в них. У нас все в порядке. У меня хорошо — оплачиваемая работа графического дизайнера, которая позволяет мне работать дома. С нами все хорошо, Кейс. Мы может о себе позаботиться.

— Но что насчет колледжа Мэделин? Могу я поучаствовать в этом?

Линда покачала головой.

— Она устроится. Это твоё перерождение. Окажи мне услугу и воспользуйся ими. Начни новую главу.

— Напитки готовы, — сказала Мэделин, пока несла поднос с четырьмя стаканами шоколадного молока на нём. Она двигалась осторожно, избегая расплескивания. Её язык был высунут, пока она была сосредоточена на том, чтобы попытаться не разлить.

Она поставила поднос на стол, потом встала на колени на свой стул и начала раздавать стаканы.

— Я положила дополнительную порцию шоколада в ваш, мистер Кейс. Вы похожи на любителя шоколада.

— Это так? — спросил я.

— Мама говорит, что молоко даёт силы, а у вас много мышц, поэтому я решила, что вы пьёте много шоколадного молока.

— А у меня нет мышц? — спросил Джетт поддразнивающей интонацией.

Мэделин оглядела Джетта с ног до головы.

— Хмм, думаю, мистер Кейс просто носит футболки поменьше.

Фыркание вырвалось из Джетта, а Линда предупредила свою дочь, чтобы та была вежливой. Я знал, что Джетт никогда бы не пропустил такого комментария, поэтому ждал с нетерпением его будущих издевательств.

— Мэделин, почему ты не принесла ещё тарелки и салфетки?

— Точно, — сказала Мэделин, уносясь на кухню ещё раз.

— Извини за это, — извинилась Линда передо мной.

— Все абсолютно нормально, — сказал я, сделав глоток шоколадного молока. Комки шоколада ударили по моему языку, и я собирался уже выплюнуть все обратно в стакан от неожиданности, но проглотил, несмотря на протесты желудка.

— Говорила же, осторожнее, — усмехнулась Линда, когда подхватила ложку с подноса и размешала свой напиток, разминая комки.

— Мне потребуется это ложка после тебя, — сказал я, вытирая толстый слой шоколада с моего рта.

Линда засмеялась и протянула ложку. Я быстренько перемешал свой и Джетта напитки до прихода Мэделин. Я не хотел, чтобы она расстроилась из-за того, что проделала не очень хорошую работу.

— Вам понравился ваш напиток, мистер Кейс?

— Очень шоколадный, — похвалил я.

— Я знала, что вам понравится такой, — она улыбнулась той же беззубой улыбкой.

Мэделин вручила нам по тарелке и салфетке, а потом открыла коробку с выпечкой. Она поделила её также, раздав нам по одному. Она продолжала стоять на коленях на своём стуле и начала впиваться в свой завтрак. После одного укуса, пудра оказалась на всем её лице.

Она была слишком милой со своими утренними волосами, которые посоперничали бы с причёской Альберта Эйнштейна, с покрытым пудрой лицом и большой футболкой. Как мог кто — то поднять руку на такую драгоценную, маленькую девочку? Лишь только мысль скручивала мой живот. Маршалл Дункан именно там, где ему суждено быть, шесть футов под землей.

— Они — хороши, — сказала Мэделин, перед тем как поднять свой стакан с молоком обеими руками, и сделала большой глоток. Когда она поставила стакан на стол, вокруг её рта

сформировался шоколадно — сахарный ободок. — Я так взволнована бросками на маты сегодня, — произнесла Мэделин между укусами, используя один из моих терминов.

Линда покачала головой и пожалала для меня плечами, как бы говоря, девочки такие девочки.

Я усмехнулся и спросил:

— Ага, собираешься попадать сегодня?

— Я практиковала свои джэбы, — она сомкнула руку в кулак и ударила в воздух, одновременно произнеся, — Пау, пау!

— Милая, помнишь, мы говорили, что ты не должна сопровождать удары звуковыми эффектами? — спросила Линда с материнской улыбкой.

— Но это так круто, когда говоришь «пау. пау», мам. Люди станут воспринимать тебя серьезнее, если ты будешь производить звуки. Если ты просто будешь ударять в воздух, люди могут подумать, что ты сумасшедшая, но если сказать «пау, пау» пока делаешь это, они будут уверены в том, что с тобой лучше не связываться. Да, мистер Кейс?

— Они определенно отступят, — засмеялся я.

— Видишь, мам? Бокс — моя вторая натура. Поставь меня на ринг, и я нанесу парочку повреждений.

— Ты не пойдешь на ринг, — сказала покровительственно Линда.

— Ой, да ладно. Ты видела мою работу ногами? Никто не сможет поймать меня.

Образы Мэделин, прыгающей вокруг меня в «Туманной Комнате», затуманили мою голову, заставив меня улыбнуться.

— Мы обсудим это, когда ты подрастешь, — ответила Линда.

— Звучит, как план, — Мэделин огляделась. — А почему только я одна ем? — она смахнула волосы в сторону, оставляя после себя след от пудры. С шоколадным ободком и пудрой по всему лицу, она была очаровательным беспорядком.

— Извини, — сказал я, улыбаясь и откусывая гигантский кусок. — Пончики мой самый любимый завтрак.

— А мой второй, — произнесла Мэделин, потянувшись за еще одним. — Мне нравятся «Французские тосты».

— И мне тоже, — отозвался Джетт. — Мой любимый «Французский тост» с бананами.

— Неплохо, — Мэделин кивнула. — Но мне нравится с арахисовым маслом и фруктовым желе. О, и с зефиром.

Мы оба с Джеттом посмотрели на Линду, которая облокотилась головой в свою руку. Она засмеялась и сказала:

— Помнишь, Мэделин, что наш «Французский Тост» — секрет, который мы храним между нами.

— Ох, точно, ну, мистер Кейс и мистер Джетт никому не скажут. Да, парни?

— Да, — Джетт и я ответили одновременно, посмеиваясь.

Мы заканчивали наш завтрак, пока болтали с Мэделин о ее «планах на лето» и слушали, как она рассказывала о «достоинствах» мультика *«Холодное Сердце»*. С ней было так интересно, я мог бы слушать ее несколько дней.

Посреди своего рассказа о своей любимой диснеевской принцессе, Мулан, она посмотрела на часы и завизжал.

— Мам, мне нужно собраться к занятиям в «Справедливости»

У меня было около получаса, до начала занятий. В этот раз, все пройдет гораздо легче.

— Ну, иди собирайся, милая, и я отвезу тебя. И умоляю, умой свое лицо, — сказала Линда.

Она взяла свою тарелку, чтобы отнести на кухню, и вышла из комнаты. Она рванула из кухни вниз по коридору к своей комнате. Ее дверь хлопнула, а Линда громко выдохнула.

Из коридора мы слышали крик:

— Извините!

— Она красивая, маленькая девочка, Линда. Ты проделала хорошую работу, воспитав ее, — похвалил Джетт.

— Спасибо. Ее временами бывает перебор, но я не могу вообразить ни дня без нее, Линда повернулась ко мне, и спросила, — Зачем ты пришел сегодня утром, Кейс?

Я знал, что этот вопрос крутился в ее голове все утро, но заговорить перед Мэделин было бы неуместно, поэтому она дождалась времени, когда мы останемся наедине. Я знал, что оно наступит.

Воспользовавшись отсутствием Мэделин, я откинулся на спинку стула и сказал:

— Я хотел поблагодарить тебя за то, что пришла ко мне прошлым вечером. Поначалу я не очень — то справился с новостями. Это все было немного шокирующим. Мне нужно было впитать это, но после, как завершил все для себя, я захотел поблагодарить тебя. Я ходил по этому миру настолько сосредоточенным на своих прошлых грехах, что никогда не подозревал, что для тебя это может оказаться подарком. Я был уверен, что уничтожил тебя, уверен, что разрушил любой шанс Мэделин иметь нормальную жизнь, но я ошибался. Ты сделала мне подарок, открыв глаза вчера, и я должен поблагодарить тебя за это.

— Я тоже должен поблагодарить тебя, — встрял Джетт. — Мы с Кейсом друзья с начальной школы, и я знаю, каким он может быть человеком. Ты вернула его назад, Линда. Своим прощением, своим милосердием ты вернула моего лучшего друга назад.

Слезы текли по лицу Линды, пока она слушала нас.

— Вам не нужно благодарить меня, — ответила она. — Ты подарил мне надежду, Кейс. Ты подарил мне свободу и защитил Мэделин так, как никогда не могла я. Ты благословление для нашей семьи, и я надеюсь, что ты продолжишь считать нас частью своей жизни. Мэделин сильно полюбила тебя.

— Для меня было бы честью, — ответил я, встал и притянул Линду в еще одни объятия. — Я тоже сильно люблю вас обеих.

Джетт был прав, справедливость восторжествует.

Глава 32.

Мое настоящее...

— Ооооох! Ты собираешься предложение сделать? — Голди прыгала вверх и вниз и хлопала в ладоши, пока я чистил маты в «Туманной комнате» после длинного дня прощения, принятия и, конечно же, тренировки Мэделин и других посетителей общественного центра.

Осталось единственная вещь, которую я должен был сделать, и это было самой сложной частью из всего. Это то, чего я боялся, но с нетерпением ждал больше всего, если, конечно в этом есть смысл.

— Нет, Голди, я не буду делать предложение.

— Почему нет? — она скрестила руки поверх своей груди, как ребенок.

— Потому что в жизни так не бывает.

— Нет, бывает, — возразила она. — Пошли кольцо выберем.

— Я спросил тебя, когда работает Лайла, а ты тащишь меня выбирать чертово кольцо?

Разве не видишь, где ты преувеличиваешь?

Голди раздумывала об этом секунду, а потом покачала головой.

— Неа, думаю, мы на верном пути.

— Просто ответь мне, когда, черт возьми, она работает.

— Боже, с тобой скучно. Я всего лишь прошу о маленьком предложении. Я не прошу маленьких деток Лайлы и Кейса, но, боже мой, мы можем поговорить о том, какими красивенькими они могут быть? Аххх, вы, ребятки, можете наделать красивых детишек, со всей этой кожей цвета мокко и красивыми глазами. Надеюсь, что они не переймут твой вспыльчивый характер, потому что, черт возьми, можешь себе представить пять таких как ты, бегающих по кругу, чертовски капризных? — Голди использовала высокий голосок и сказала, — Папа, я обделался в штаны. Что будешь делать?

— С тобой серьезно что — то не так, — произнес я, пока вставал и убирал чистящие средства в шкафчик. «Туманная комната» хорошо стартовала. А теперь мне надо только принять душ и подготовиться к вечеру. — Так, когда она работает?

— Она на сцене в девять, — наконец — то призналась Голди.

— Спасибо, — сказал я, пока шел в раздевалку и схватил спортивную сумку, которую принес мне Диего, по — сколько я был слишком занят, чтобы заезжать домой.

— Это как — то связано с той другой женщиной, которая привела с собой сюда дочку? — спросила Голди, заметно нервничая из — за моего ответа. — Это ее внебрачный ребенок?

— Спроси своего жениха, — ответил я, не в настроении разговаривать с сующий всюду нос Голди. Зная ее, она бы задала миллионы вопросов, и я никогда бы не выбрался отсюда.

— Фу, он не рассказывает мне ничего, что касается тебя.

— Ну, у него есть мое разрешение. Скажи ему об этом.

Голди погналась за мной.

— Ты можешь написать ему об этом? Он не поверит мне, если я так скажу ему.

— Может, это из — за того, что ты слишком много врешь? — спросил я, повернувшись к ней лицом.

— Я не вру! Я просто приукрашиваю. Это улучшает рассказ.

— Называй это как хочешь, но это по — прежнему — вранье.

— Как хочешь, — ответила она вызывающе. — Ты можешь просто написать ему ради меня?

— Почему это так важно для тебя? — спросил я, сумка свисала с моего плеча.

— Потому что мне интересно! Мне нужно знать, что происходит в жизни каждого. Сделай одолжение, напиши Джетту, и тогда я больше не побеспокою тебя.

— Это громадная, хренова ложь, и ты знаешь об этом, — засмеялся я.

Голди вопросительно посмотрела на меня, как будто была смущена человеком, который стоял перед ней.

— Эмм, извини, ты, что только что смеялся?

— Я ухожу, — я отвернулся, но слышал, как Голди хлопала позади меня.

— Ты смеялся. Это было гортанно и сексуально. Лайла — чертовски везучая девчонка.

— Оставь это, Голди, — предупредил я, но с весельем в голове.

Я провел следующие полчаса, принимая душ и одеваясь. Диего упаковал для меня мои поношенные серые джинсы, черные кеды, черную футболку и серую шапку — носок. V — образный вырез моей футболки демонстрировал немного мышц на груди, и впервые за долгое время, я по — настоящему оценил свое отражение в зеркале. Впервые, я гордился мужчиной, стоящим передо мной.

Я доехал до «Киттен Касл» и припарковался на одной из дальних улиц недалеко от клуба, поскольку машины заблокировали всю улицу Бурбон.

Нервозность поселилась во мне, пока я шел к «Киттен Касл». В моей голове, Лайла будет счастлива увидеть меня, но после того как я оставил ее этим утром не попрощавшись, видел это как последнюю соломинку. Был единственный способ узнать об этом.

Когда я подошел к клубу, одна из девушек стояла снаружи у двери, зазывая мужчин, которые приходили насладиться атмосферой клуба. На ней не было лифчика, а фальшивые наклейки — киски на ее сосках. Ее ремень для подвязок и стринги поддерживали ее невозмутимость в душном ночном воздухе, а на ее туфлях были потертости около подошвы, давая мне знать, что женщина находилась в бедственном положении, как и любая женщина, работающая на улице Бурбон.

— Эй, на приватный танец пришел? — спросила она, когда я подошел.

Я не ответил ей, пока проходил мимо через дверь в тускло освещенный клуб. Было достаточно темно, чтобы вы не замечали, что мужики делали под столами, и чтобы не замечали грязи в помещении. Я оставил свои руки в карманах и пошел прямо к сцене, где действие было на середине смены. Я проверил часы и увидел, что уже девять. Лайла может появиться в любую минуту.

Быстро достигнув сцены, я огляделся, прежде чем пробраться за занавес. Сигаретный дым сразу же ударил меня по лицу. Едва прикрытые женщины ходили повсюду с наполовину сделанными волосами и накладными ресницами, крепко приклеенными к их векам. Лайла далеко превосходила всех этих женщин на всех уровнях.

Я огляделся вокруг в поисках Лайлы, но не заметил ее. Так было, пока я не услышал крики толпы, тогда осознал, что она должно быть проскользнула мимо меня. Музыка разрывал клуб, тяжелый бит с сексуальным подтекстом.

Лайла на сцене.

Я выглянул из — за занавеса и увидел ее, кружащуюся в стрингах и футболке, которая скудно прикрывала ее грудь. Мужики, наблюдающие за ней могли, несомненно, разглядеть нижнюю часть ее сисек. Ярость наполнила меня, когда они начали скользить купюрами в ее стринги, и от воплей, чтобы она сняла свою футболку. Лайла ухватилась за шест в центре сцены и низко прогнулась, потом медленно поднялась, выставив свою задницу на всеобщее обозрение. И всего этого было достаточно. Она закончила.

Прорываясь через сцену, я схватил ее за руку и начал тянуть прочь со сцены.

Шок был ее первой реакцией, далее последовала злость.

— Какого хрена ты творишь? — прошипела она.

Двое вышибал запрыгнули на сцену и схватили меня за плечи. Я отпустил Лайлу. Одному я врезал локтем в живот, заставив его сразу же отступить, а потом врезал локтем по челюсти другому, отправляя его назад в толпу. Я схватил Лайлу снова и потащил ее за занавес.

— Кейс! — кричала она. — Отпусти меня!

— Нет, — ответил я, сопровождая ее до раздевалки. Здесь было несколько дамочек, а

когда они увидели, как мы входим, то быстро удалились, предоставляя нам немного приватности. Когда они ушли, я захлопнул дверь, повернулся к Лайле и скрестил руки.

— Собирай шмотки.

— Прости? — ее соски затвердели и торчали сквозь тонкую футболку.

— Ты слышала меня. Собирай свои шмотки, Лайла.

— Нихрена я не буду. Ты не можешь мне приказывать.

— Лайла, я не буду просить тебя снова. Собирай свои хреновы шмотки, или я сделаю это за тебя.

Она не двинулась. Она просто стояла там, притопывая ногой. Упрямая стерва.

— Ладно, — сказал я. Я подошел к ее шкафчику, занес локоть и выбил из середины хлипкий кружок, отправляя замок лететь через всю комнату. Я открыл погнутую дверцу и схватил ее сумку, пихая вещи внутрь.

— Эй, — закричала она, одновременно бросаясь на меня. Я бросил в нее обычного размера футболку и шорты, потом вытащил купюры из ее стринг и положил ей в сумку.

— Одевайся.

— Нет. Я не пойду. Ты не можешь просто заявиться сюда, после прошлой ночи, быть таким всем руководящим и пытаться указывать мне, что делать.

Я добрался до ее лица и поднял подбородок так, что она вынуждена была посмотреть мне в глаза. Серьезной интонацией своего голоса, я сказал:

— Ты здесь больше не работаешь. Поэтому одевай свою задницу, потому что мы уходим.

— Нет.

— Лайла, — предупредил я.

— Что ты сделаешь? На руках вынесешь отсюда?

Я обхватил ее вокруг талии, показывая, что нее шучу.

— Не испытывай меня.

— Фу, ты просто бесишь!

— Лайла, тащи свою задницу обратно на сцену, — Марв, владелец «Киттен Касл» сказал, когда ворвался в раздевалку, тяжело дыша и фиолетовый от злости.

— Отпусти меня, — пригрозила Лайла.

— А это кто? — спросил Марв, ткнув меня в спину.

Я быстро повернулся к мужику, возвышаясь над ним. Он попятился назад и поднял руки, защищаясь.

— Эй, я не хочу неприятностей.

— Тогда, полагаю, ты найдешь кого — то еще, чтобы прикрыть смену Лайлы.

Жалкий мужичонка отступил и практически выбежал из комнаты, закрывая за собой дверь. Хоть мне и было легко напугать ее менеджера, властная тактика не работала с Лайлой, из — за ее упрямства, поэтому, похоже, мне придется открыть свое сердце прямо посреди раздевалки.

Я схватил ее за руку, но она попыталась вырваться, и я переплел наши пальцы вместе.

— Лайла, пожалуйста, пойдем со мной. Извини, за сегодняшнее утро. Мне нужно было кое о чем позаботиться, но я готов поговорить и предпочел бы сделать это не в «Киттен Касл».

— Это все, что ты должен был сказать, идиот, — пробормотала она себе под нос, пока одевалась. Она медленно сняла сценическую футболку и пошла к своей сумке, обнаженная,

за исключением каблуков и трусиков, и откапала свой лифчик. Потом она схватила меня за вырез футболки и притянула ближе, так что я чувствовал ее острые соски через тонкий хлопок моей футболки. Мои руки инстинктивно поднялись к ее бедрам. Ее губы пощипывали мои, пока мои руки пробирались под полоску ее трусиков и обхватывали задницу.

Я застонал, когда ее язык погладил стык моих губ, с нетерпением ожидая входа. Я любезно сдался и позволил ей исследовать мой рот.

И именно тогда, когда я приготовился к череде поцелуев, она отстранилась, а потом покрутила мою охренительно жесткую эрекцию.

— Просто убедилась, что он все еще работает, — она улыбнулась и надела лифчик.

— Приставания никуда тебя не заведут, — предупредил ее я.

— Кажется, у тебя нет права угрожать. Абсолютно уверена, что у меня преимущество в данный момент.

Я ненавидел то, что она чертовски права в этом.

— Просто одевайся.

— Не дави на меня, Кейс. Чем больше ты требуешь, тем больше у меня займет времени.

— Ты наслаждаешься этим, не так ли? — спросил я, пока потянул себя за заднюю часть шеи.

— Только чуть — чуть, — ухмыльнулась она.

Прислонившись к стене раздевалки, я наблюдал, как она натягивала свою одежду так медленно, насколько было возможно. Я не знал, что было сексуальнее, — наблюдать как она одевает одежду, или как снимает ее. И то и другое опаляло сильным желанием основание моего члена.

Когда была готова, она схватила свою сумку, потом мою руку и сказала:

— Пойдем.

Я провел ее через заднюю дверь «Киттен Касл» к машине, где открыл пассажирскую дверь для нее, пытаясь вспомнить, как быть джентльменом. Это было очень давно.

Мы ехали в тишине до парка «Вулденберг». Нам пришлось бы идти пешком, но к счастью, мы нашли место для парковки с краю улицы.

Я обошел машину к стороне Лайлы и помог ей выйти из машины, убедившись, что взял ее за руку. Я повел ее к лавочке, которая выходила на реку Миссисипи, благодарный, что было немного людей, слоняющихся в ночи. Имитация газовых фонарей освещала тротуары, создавая романтическую обстановку для нашей прогулки.

Ночное небо было безоблачно и, посмотрев наверх, я мог смутно разглядеть звезды. Я выбрал прийти с Лайлой в парк, потому что хотел начать новую главу, а привести ее в мою комнату у Диего или в ее квартиру, чтобы поговорить, только напомнило бы мне жизнь, которой я жил.

Мы сели на скамейку, лицом к реке. Я положил руку на спинку скамейки, а она уютно устроилась рядом со мной. Я играл с прядями ее волос, пока мы наслаждались прохладой ночного воздуха.

Я знал, что она ждала, когда я заговорю, но я понятия не имел, откуда начинать. Я никогда никому не рассказывал свою историю, никогда, поэтому попытаться рассказать ее станет самым трудным заданием, с которым я сталкивался. Ее голова устроилась на моем плече, и она ласково погладила мое бедро, давая понять, что будет ждать меня, что терпелива. Я поцеловал ее в голову.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Я поняла это, — сказала она с небольшим смешком.

— Ага, и я не умею говорить о подобных вещах.

— Я и это уже поняла, — она поцеловала мою челюсть. — Но я хороший слушатель, поэтому не торопись.

Глубоко вдохнув, я прислонился к ней для поддержки, и попытался пережить свою историю.

— Ты знаешь о моей боксерской карьере.

— Знаю. Жаль, что я не видела, как ты боксируешь. Могу только вообразить, насколько сексуально это выглядело.

Рассмеявшись, я ответил:

— Да, только сексуальный фактор сделал меня настолько хорошим в этом.

— Уверена, что так, но продолжай.

— Джоно был моим тренером, он уничтожил мою карьеру...украл ее у меня, вообще — то, подсыпая стероиды без моего ведома.

— Да, я читала об этом. Его тогда осудили за то, что проделывал это и с другими спортсменами. Ты такой не единственный. Ты мог бы очистить свое имя...

— Теперь это не имеет значения, — я поцеловал ее в голову снова и продолжил, — Но спасибо за заботу. Той ночью я выяснил, что мне запрещен вход на ринг, и я свалился на самое дно. Я пошел в бар, где знал — никто меня не побеспокоит, и запивал свою печаль. Джетт был со мной. Он наблюдал, как я выпивал стакан за стаканом, убеждая меня принять меры, дать отпор, но к тому времени, все сопротивление покинуло меня. Единственное, для чего я работал всю свою жизнь было украдено у меня, поэтому я сдался. Все было кончено.

— Мне так жаль, — сказала Лайла, снова поцеловав меня в челюсть.

Я крепко зажмурил свои глаза и попытался утихомирить свой пульс, который начал увеличиваться. Это намного труднее, чем я думал.

Прочистив горло, я продолжил:

— Там был парень той ночью. Он выяснил кто я и взялся меня провоцировать. Он начал физически нападать на меня.

— В смысле? Типа пытался нарваться на драку?

— Да.

— Он идиот? Разве он не понимал, кто перед ним?

— Понимал, но еще он думал, что я какая — то киска, которая принимала стероиды, чтобы добиться того, где я был. Он не учитывал тот факт, что я на самом деле был хорош в своем спорте.

— Что он сделал?

— Он продолжил нападать на меня. Поначалу я приветствовал боль, но когда он ударил меня сильнее, я нанес четыре ответных удара. Я вижу это так ярко, будто это только сейчас произошло. Удар в живот, правый апперкот, потом левый джэб и правый джэб в висок.

— О, Боже мой, — Лайла прикрыла рот. Я ощущал ее напряжение подо мной и панику во мне, последовавшую за этим. Я не мог потерять ее после этого, но знал, что если не расскажу ей, если сохраню этот секрет, я потеряю ее наверняка.

Мое горло сжалось, мои глаза жгло, и я чувствовал как дрожу от нервозности, страшась, что от следующих произнесенных мною слов, она встанет и уйдет прочь.

— Я...я убил его, Лайла. В считанные секунды, я убил человека и наблюдал, как он

истекал кровью подо мной.

— Нет, — она покачала головой, пока отстранялась, мои кишки сжались от ее дистанции.

— Мне жаль, — сказал я, слезы потекли по моему лицу. — Я не хотел. Я потерял контроль. Джетт все прикрыл, и вот тогда я отказался ото всего, переехал с Джеттом, и начал работать в «Клубе Лафайет», построив его вместе с ним с нуля. Я проводил свои дни, напиваясь также, напоминая себе, каким монстром я был, или подготавливал девочек. Я напивался до оцепенения, я, блядь, хотел временно забыть, и поклялся себе, что позабочусь о тех, чьи жизни разрушил.

— Человек, которому ты покупал подарок... — высказалась она, соединяя точки.

— Да, Мэделин. Она дочь того человека, а Линда его жена.

— Стой, Линда и Мэделин, разве это не та парочка мама — дочка в «Справедливости»? — я кивнул, пока она пыталась осознать все, что я рассказал ей. Она еще отодвинулась, и небольшая часть меня сломалась пополам.

— Лайла, пожалуйста, не отстраняйся. Я не могу... — я потер глаза и сказал. — Мне нужно, чтобы ты поняла меня.

Она подогнула колени и положила его на скамейку, таким образом, она полностью повернулась ко мне лицом. Она схватила мою руку обеими своими руками и придвинулась ближе настолько, что оставалась всего в нескольких сантиметрах от меня.

— Тогда продолжай рассказывать, Кейс.

Я кивнул и сказал:

— Каждое Рождество и день рождения, я подбрасывал подарки для Мэделин, поскольку она не могла получать их от своего отца. Я думал, что это будет только уместно дарить ей что —нибудь. Еще я оставлял им деньги каждый месяц в почтовом ящике. Я хотел убедиться, что они справятся. Я был настолько убежден, что они бедствуют, что я уничтожил их жизни.

— Той ночью, после нашего свидания, когда мы пришли к тебе домой, и ты рассказала мне о своем отце, я слетел с катушек, потому что все, что мог видеть, — ты повзрослевшая версия Мэделин. Что у нее будет такая же нелегкая жизнь, как у тебя. Я растерялся. Я должен был успокоить тебя, но вместо этого, я сбежал, потому что твоя история поразила меня практически в самую цель.

— У меня никого не было, Кейс. У Мэделин, по крайней мере, есть мать.

— Теперь я понимаю это, — ответил я. — Все это время, я не позволял себе испытывать чувства к людям, жить нормальной жизнью, потому что считал, что не заслуживал этого. По крайней мере, до вчерашнего дня, я был готов уйти, наконец, ускользнуть во мрак, закончить мои чертовы мучения...

— Нет, — сказала Лайла, переползая на мои колени и хватая мою голову своими руками. — Не говори так, — ее глаза наполнились слезами, и она стирала поцелуями следы от слез на моих щеках.

— Во мне ничего не осталось, Лайла. Я был на той ступени, когда боль была слишком мучительной. Мне приходилось учить Мэделин боксу ежедневно, смотреть на нее вживую, на ее огненный дух, это было изнурительно. На расстоянии, я еще мог справиться с угрызениями совести, но близко, я едва соображал.

— Что изменило твое мнение? — спросила она, сжимая меня крепче.

— Линда, — ответил я честно. — Она знала, что это я.

— Она знала, что ты убил ее мужа?

— Да.

— Откуда? — спросила Лайла растерянно.

— Она видела меня на похоронах, как я подкидывал подарки, и сложила два и два вместе. Когда она увидела меня в «Справедливости» и ту боль, в которой я жил, она знала наверняка.

— И она выступила против тебя? — спросила Лайла.

— Нет, она пришла поблагодарить меня.

— За убийство ее мужа?

— За прекращение ее страданий, — поправил я. — Он издевался над ней ежедневно, запугивал ее, в ту ночь, когда я убил его, он добрался до Мэделин. Линда хотела сказать мне спасибо, сказать, насколько она благодарна за их защиту, за то, что спас их...

— Ох, Кейс, — Лайла притянула меня в объятия, и я зарылся головой в ее волосы, теряясь в ее вишневом аромате.

— Я не погубил их, Лайла. Я спас их.

— Да, малыш, — сказала Лайла, притягивая меня ближе и целуя в шею. — Ты хороший человек, Кейс.

Облегчение растеклось по мне. Последний вес покинул мои плечи, и я расслабился в ее объятиях.

— Ты веришь мне? — спросил я.

— Конечно, верю, Кейс. Ты хороший человек и я знаю, что ты не солгал бы мне. Я говорила тебе, что нет ничего такого произнесённого тобой, что оттолкнет меня. Я знала это с того момента, как мы встретились, между нами было что — то особенное. Ты предназначен мне, Кейс, со всеми недостатками.

Я медленно поднял взгляд к этим зеленым глазам и обхватил ее затылок. Я потянул ее вперед и уперся своим лбом в ее.

— Я влюбился в тебя, Лайла. Где — то на этом пути, я позволил себе испытывать чувства к тебе, и не имело значения, как сильно я старался, не мог выкинуть тебя из своей головы. Каждый день я влюблялся все сильнее и сильнее, пока стало невозможным для меня забыть твои мягкие губы и твое красивое сердце. Ты создана для меня, детка, и я буду проклят, если ты уйдешь.

Лайла поцеловала мои губы нежно и сказала:

— Я тоже в тебя влюбилась, Кейс. Сильно влюбилась.

— Мне только надо было отпустить своих демонов, прежде чем полностью тебе отдаться, потому что хотел с тобой того, чего никогда не думал, что буду иметь, но теперь я могу. Я хочу начать заново. Я хочу, чтобы мы жили вместе. Я хочу, чтобы мы работали вместе. Я не хочу, чтобы ты пропадала из поля моего зрения. Я так, блядь, теряюсь, когда дело касается тебя, Лайла. Я хочу все тобой.

— Я хочу того же самого, Кейс. Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, детка.

Улыбаясь, она прислонилась к моим губам своими и целовала меня безрассудно. Мои руки упали к ее бедрам, когда я позволил ей взять контроль над нашей связью. Мы оба отчаянно нуждались друг в друге. Это была длинная дорога, чтобы добраться туда где я сейчас, но я не отказался бы от этого путешествия ни за что.

Как в песне «Черный дрозд» Битлз, я взял свои сломанные крылья и дожидался полета.

Я ждал своего шанса возродиться. Со сломанными и перевязанными крыльями я был готов, блядь, воспарить. Теперь черный дрозд свободен.

Я, наконец, расплатился своим покаянием

Эпилог.

— Кетчуп на хот — дог? — спросил я Мэделин с неодобрением в глазах. — Твоя мама разве не научила тебя ничему? Горчица и закуска, никакого кетчупа. Кетчуп относится к гамбургерам.

— Ох, мистер Кейс, вы не знаете, о чем говорите. Вы вообще пробовали?

— Нет. Ты когда — нибудь пробовала по — моему? — возразил я.

Она посмотрела на мой хот — дог и покачала головой.

— Он выглядит смешно.

— А как насчет этого... — я схватил с тарелки ее хот — дог и заменил своим. — Я попробую твой, а ты мой.

— Ладно, — она улыбнулась, ее передние зубы теперь выглядывали из десен.

— Твое здоровье, — сказал я, ударяясь своим хот — догом об ее.

Мы сделали по большому укусу от каждого и наблюдали, как оба жевали. После того как проглотили, мы оба поморщились и покачали головами, перехватив свои первоначальные хот — доги.

— Это было противно, — сказала Мэделин, делая большой глоток своей виноградной газировки.

— Кому ты рассказываешь. У тебя вкуса нет, — пошутил я.

— Это у тебя нет, — она засмеялась и толкнула меня в плечо.

— У кого нет вкуса? — спросила Лайла, когда села рядом с Мэделин с хот — догом облитым кетчупом.

Мэделин засияла и посмотрела на меня с огромной улыбкой.

— Видите, мистер Кейс. У меня есть вкус. Посмотрите на хот — дог Лайлы.

Я покачал головой, когда две самые важные девчонки в моей жизни ополчились против меня. Это происходило довольно часто, и я не променял бы это ни на что.

Теперь у меня свой дом рядом со «Справедливостью», Мэделин часто приходит позависать или насладиться девичником с Лайлой. Отношения между ними переросли в настоящую дружбу, и наблюдение за ними вместе превращало меня в чертову лужицу умиления. Линда стала такой же близкой для нас. В последнее время Лайла и Линда сформировали настоящую связь, и их новой миссией стало найти Линде мужчину. Только они не знают, что счастливому ублюдку придется пройти через серию испытаний от меня и Джетта. Хрена с два, Линда снова будет жить в страданиях.

«Справедливость» процветает. День изо дня приходит кто — то новый, новая душа, которой мы касаемся и помогаем. Жилищный корпус почти закончен, предлагая все новые ветви для «Справедливости». Линда стала больше подключена к общественному центру, разработав веб — сайт для нас, как и немного прекрасного раздаточного материала про наши программы.

Мы стали семьей, и я не мог бы быть более благодарным за странный поворот событий в моей жизни.

Недавно Джетт очистил мое имя в профессиональной, боксерской лиге, вычеркивая

пометку из моих данных. Ко мне приходило множество тренеров и прессы, умоляя вернуться, но как и в тот день, когда я повесил свои перчатки, моя боксерская карьера закончилась. Обеспечивать здоровую, спортивную отдушину для тех, кто нуждается — стало более важным для меня, чем любой титул, который я мог бы выиграть. Все, что потребовалось для осознания, — это наблюдать, как Мэделин скачет вокруг меня на носочках, выбрасывая свои маленькие ручки.

— Нравится встроенный гриль, — сказал Джетт, когда сел рядом со мной, горчица и закуска на его хот — доге.

— Посмотри сюда, — я толкнул Мэделин. — Похоже мы связаны, когда дело касается вкусов.

Мэделин посмотрела через меня на то, что было в хот — доге Джетта, и поморщилась.

— Гадость, мистер Джетт. Где кетчуп?

— В бутылке, — произнес Джетт с улыбкой. Где и должен быть, когда дело касается хот — догов.

— Нееееет, — сказала Мэделин протяжно. — Мама не ест хот — доги, поэтому этот остается Голди. Где Голди?

Пару минут спустя она проковыляла внутрь, красуясь своим беременным животом. Джетт засиял и протянул свою руку. Она прошла в его объятия и села на колени. Джетт защитным жестом обернул руку вокруг ее живота и поцеловал в плечо.

— Что в твоём хот — доге, мисс Голди? — спросила Мэделин, наклонившись, чтобы мельком взглянуть.

— Арахисовое масло, бекон и зефир. А в твоём?

Мэделин изучала Голди секунду, прежде чем сказать:

— Ладно, мы оба ошибались. У Голди нет вкуса.

Я отбросил голову назад и засмеялся.

— Прямо в точку, ребенок.

— Что не так с моим вкусом? — спросила Голди, ее рот переполнен отвратительно — выглядевшим хот — догом.

— Не переживай, малышка, — ответил Джетт. — Твой хот — дог идеален.

— Нет, твой, — Голди пошевелила бровями.

— Фуууу, — произнесла Мэделин, заставляя всех рассмеяться.

Я отошел к грилю, чтобы проверить оставшуюся часть мяса. Лайла присоединилась ко мне. Это наше первое барбекю, после покупки дома, и мы были окружены всеми, кого любили. «Девочки Джетта» были у бассейна, загорали. Блейн и Диего играли в корнхол в дальнем конце. Линда, Джетт, Голди и Мэделин сидели за столом, а любовь всей моей чертовой жизни приближалась ко мне с опасным взглядом в глазах.

— Это взгляд не доведет тебя до добра.

— Какой взгляд? — спросила она, ее купальник блокировал вид на ее восхитительное тело.

— Обжигающий взгляд.

— Не ходи тут без рубашки, и тебе не придется беспокоиться о том, как я смотрю на тебя.

— У нас компания и хот — доги на гриле.

— Давай, по — быстренькому в бильярдной. Никто не заметит, что мы ушли.

— Я замечу, — сказала Голди.

— Господи, — я вздрогнул и посмотрел на нее. — У тебя появился живот, и теперь ты можешь быть невидимкой. Он что дает тебе какую — то магическую силу?

— Разве я не говорила вам? У мамы Джетта была связь с единорогом. Его семья переполнено каким — то волшебством. Это не просто беременный живот. Нет, это магическая сфера, куда единороги откладывают свои яйца, а я откладываю их в специальном туалете, где леприконы собирают урожай из блестящих бомбочек.

— Ты такая еб*нутая, — Лайла покачала головой, и я притянул ее в объятия. Ее теплая кожа прижалась к моей, из — за этого я пожалел, что у нас гости.

— Итак, когда ты собираешься сделать предложение? — спросила Голди.

— Да, когда ты собираешься сделать предложение? — переспросила Лайла.

Я провел рукой по задней части шеи и сказал.

— Если вы продолжите спрашивать, то этого не случится никогда.

— Но это случится? — спросила Лайла с надеждой в глазах.

— Чертовски точно произойдет, — я улыбнулся. — Ты лучшая, офигительная часть меня.

— Я и Мэделин, — возразила Лайла.

— Ты права, — я поцеловал Лайлу в голову и оглядел задний двор, любуясь мешаниной из семьи, которую связал вместе. Мы все вышли из разных слоев общества, но единственное, что у нас общего — нам был дарован второй шанс в жизни, и за это мы всегда будем благодарны. Мы может и смесь «ненужных» частей города Новый Орлеан, но мы «ненужные» части друг друга. Мы семья.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

[1] Спортивная методика, при помощи которой, мышцы развиваются за наименьший промежуток времени

[2] ESPN — американский кабельный спортивный телевизионный канал.

[3] Макерс — марка бурбона.

[4] TRX — Total Resistance eXercise (Упражнения полного сопротивления) — это популярный вид тренировок с натяжными петлями

[5] Танцы у шеста